

РУССКАЯ РЕЧЬ

ISSN 0131-6117

НОЯБРЬ ДЕКАБРЬ

Академия наук СССР
Институт русского языка

Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.
Выходит 6 раз в год.

6 '91

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ:

3 ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Л. Козлова. Сибирские дубравы в поэзии
К. Ф. Рылеева ©
Р. Г. Назарьян. Загадочная цитата ©
Л. Е. Холодилова. Последнее стихотворение
Н. А. Некрасова ©
А. А. Зражевский. О литературных псевдонимах
В. И. Даля ©

24 СЛОВО И ВРЕМЯ

Л. М. Грановская. Лексика времен гражданской войны ©

35 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Корней Чуковский. Переписка с московскими лингвистами

44 КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. М. Лейчик. Деколонизация, деполитизация... ©
Эр. Хан-Пира. Огосударствление и разгосударствление ©
В. Н. Немченко. Ноль и нуль в современной русской речи ©
Трудные случаи грамматики
В. А. Филатов. Где корень в словах зависть и ненависть? ©
Язык прессы
А. Н. Литвиненко. Воскрешение слова ©
Беседы о языке рекламы
Н. Н. Козhev. Десять эффектов рекламы ©

65 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Т. А. Иванова. Алексей Иванович Соболевский ©

70 ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

И. Н. Врубель. «Всему начало положено Карамзиным...» ©

А. Ф. Смирнов. Кто же автор эпиграмм на Карамзина? ©

В. А. Кожевников. «Принесите Господеву славу имени Его...» ©

Р. А. Симонов. «Вторая грамотность» Древней Руси ©

Л. М. Городилова. Книги Енисейского острога ©

Православные традиции: праздники, обычаи, обряды

Объяснение Символа веры, молитв и заповедей

108 ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Р. Н. Хасанова. От жезла размерного к мировому масштабу ©

Н. А. Титаренко. «Камки и аксамиты с золотом» ©

118 СРЕДИ КНИГ

П. В. Веселов. Современное деловое письмо в промышленности

А. А. Брагина. История слов в жизни народа

120 ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Л. Л. Бельская. О Фоке, Сладком, Рюхине и других. ©

Эр. Хан-Пира. И еще раз о склоняемости слова ГОСТ ©

123 Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1991 году

Обложка выполнена Е. Чукановой ©

Сибирские дубравы в поэзии К. Ф. Рыльева

В. Л. Козлова,
кандидат филологических наук

Еще до событий на Сенатской площади будущие декабристы проявляли глубокий интерес к Сибири как неотторжимой части Отечества. Каторга и ссылка навсегда связали историю декабризма с жизнью и историей далекой окраины. Связь эта по-разному проявилась в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Одоевского, В. К. Кюхельбекера и других декабристов, проведших в сибирском изгнании многие годы. Но еще до декабрьского восстания сибирская тема звучала в поэзии К. Ф. Рыльева (1795—1826), одного из самых пламенных его вдохновителей и руководителей.

За свою недолгую, но полную творчества и высоких деяний жизнь поэт не успел побывать в Сибири. Не удостоился он и царской «милости» — каторги и ссылки (13 июля Рылев в числе пяти декабристов, осужденных «вне разрядов», вошел на эшафот). Однако сибирский край, ставший вначале полем боя за русскую государственность, а позднее — местом изгнания жертв царизма, владел его воображением. На сибирском историческом материале Рылев создает думы «Смерть Ермака» (1821) и «На-

талия Долгорукова» (1823), а также поэму «Войнаровский» (1825). Кроме того, сохранился набросок к думе «Меншиков», послуживший основой для так и неосуществленного замысла поэмы «Меншиков в Березове» (1823).

Интерес к сибирским историческим сюжетам был для Рылеева закономерным: в кругу знакомых и соратников по борьбе были Г. С. Батеньков и Ф. И. Бальдауф, сибиряки по рождению, В. И. Штейнгель, уроженец Урала. Это позволило поэту использовать не только исторические источники, но и местный материал, отражающий сибирский быт, картины сибирской природы.

В пейзажных зарисовках в текстах «Войнаровского» и «Смерти Ермака» встречается слово *дубрава*:

Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ *дубравы*.
Смерть Ермака

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши *дубравы*,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Войнаровский

Пожалуй, первое, с чем ассоциируется в нашем сознании *дубрава*, — это слово *дуб*. Но на широте Якутии, куда был сослан Войнаровский, и Тобольска, недалеко от которого погиб Ермак, дубы не растут. Тогда какая реальия скрывается за словом *дубрава* у Рылеева?

С давних пор лес, состоящий из дубов, обычно называли на Руси *дубником* (*дубняком*), а *дубрава* (*дуброва*) означала «лес», а также «лес из деревьев одной породы, особенно лиственный, роща» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 369–370). В той и другой огласовке слово вошло в русский литературный язык, сохранив в нем до наших дней и эти древние значения. Так, в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) приводится значение «роща из деревьев одной породы (осинник, березняк, дубовая роща)». В 4-томном «Словаре русского языка» (МАС) находим: «лес вообще». Современные нормативные словари включают и другие значения — «лиственный лес» (БАС), «лиственный лес, обычно с преобладанием дуба» (МАС). Итак, на протяжении исторического периода слово *дубрава* (*дуброва*) означало и означает «лес»; «лиственный лес»; «лес, состоящий из деревьев одной

лиственной породы, в том числе дуба»; «лес с преобладанием дуба». В говорах русского языка развилось множество других значений, связанных с исходными по разного рода ассоциациям: трава в лесу, покос в лесу и т. д. (см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 240–241).

Свободное от обязательной семантической связи с дубовым лесом, слово *дубрава* давно утвердилось в Сибири. Так, в «Описании Тобольского наместничества» (Новосибирск, 1976) на стр. 41, 42 читаем: «Место положение по правую сторону реки Иртыша гористое и лесное, называемая урманы, и отчасти с *дубровами* (...)»; «Материк вообще по нагорной части сухой, пыловатой, а в *дубровах* глинистой (...)». Раннюю фиксацию слова в том и другом вариантах с пометами «сибирское», «тюменское», «тобольское», восходящую к середине и концу XIX века, отмечает и «Словарь русских народных говоров». Среди значений, учтенных словарем, есть как известные на европейской территории, так и новые, появившиеся, видимо, на местной, сибирской почве (например: «всякое возвышенное место с редким, но крупным березовым лесом»), но ни одно из них не имеет никакого отношения к дубовым лесам.

Живые сибирские говоры донесли до наших дней слово в огласовке *дуброва* в разных значениях, как древних, так и новых, о чем свидетельствуют данные региональных сибирских словарей (см.: Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края; Словарь русских говоров Новосибирской области), а также по наблюдениям пишущего эти строки: «Пойдите-ка в поле-то, на *дубрѡву-ту*, в лес-от. Лет-от зелёной, всякой» (Вагайский район Тюменской области); «У нас было место такое — там всё берёзы росли. Там, где растёт березник, там *дубрѡва*» (Тобольский район Тюменской области).

Возвратимся, однако, к *дубравам* Рылеева. Ю. С. Постнов, автор книги «Сибирь в поэзии декабристов» (Новосибирск, 1976), на стр. 30 утверждает, что слово *дубрава*, «столь полюбившееся» Рылееву, никогда в Сибири не употреблялось. Но мы убедились, что это не так. Далее автор уверяет, что одно из самых характерных слов в лексиконе сибиряков — слово *тайга* (Там же). Но *тайга* — это «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки» (МАС), поэтому оно никак не может семантически замещать слово *дубрава*. Не замещает его также и слово *урман*, равное по значению слову *тайга* и тоже исстари известное сибирским говорам и сохранившееся там до сих пор: «Место положение... называемая *урманы*...» (Описание Тобольского наместничества. С. 41); «Полюб их раньше, зве-

рей-то, медведей-то было. Там жо *урман*» (Вагайский район Тюменской области).

Итак, *дубравы* (*дубровы*) — часть сибирского пейзажа и полноразмерные единицы сибирского словаря. И дело здесь не только в этнографической достоверности, которой Рылеев, возможно, в данном случае и не добивался. В поэтическом языке конца XVIII — начала XIX веков слово *дубрава* (*дуброва*) встречалось часто, особенно в романтической элегической поэзии. Здесь его использовали наряду со словами *роща*, *луща*, *долина*, *дол*, *луг*, *берег*, *поле*, *ручей*, *небо*, *холм*, *луна*, *поток* и другими, рисующими идиллический пейзаж, чаще всего условный. Будучи нейтральными в языке того времени, слова эти получали стилистический статус в поэтическом контексте. Наиболее употребительными из них были, по нашим наблюдениям, слова *дубрава* и *роща*. Так, у Батюшкова (Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1979) находим следующее соотношение: *роща* — 14, *дубрава* — 4, *луна*, *ручей*, *поле* — по 3, *небо* — 2; у Баратынского (Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы. М., 1982): *дубрава* — 13, *роща* — 8, *небо* — 5, *холм*, *поле*, *дол* — по 2; у Козлова (Козлов И. И. Стихотворения. М., 1982): *роща* — 10, *небо* — 8, *дубрава* — 5, *ручей* — 4, *волна*, *долина*, *луна*, *месяц* — по 3 раза.

При этом слово *дубрава* приобретало элегическую окраску разной тональности в зависимости от лексического окружения. Как символ загадочности, таинственности оно звучало в сочетании со словами *тьма*, *сумрак*, *темный*, *дремучий*, *тень*. Например: в *сумраке* дубравы, в *тени* дубрав (Батюшков); в *тени* дубров, в *тени* дубравы, во *мгле* таинственной дубравы, в *дремучей* дубраве (Веневитинов Д. В. Стихотворения. М., 1982); *тень* дубров, в *сумраке* дубравы, дубравой *темной осенней*, *густая тень* дубровы *сонной* (Баратынский). Сентиментально-восторженное восприятие природы воплощается в сочетании с определениями традиционно-сладостного плана: *родимая* дуброва, дубравы *мирные*, *парнаасские* дубравы, с дубравой, *сердцу драгоценной* (Баратынский); дубравы *мирные* (Козлов). Постоянное использование этих и подобных сочетаний, многие из которых стали поэтическими формулами, привело к тому, что слово сохраняло ореол поэтичности и вне этих контекстных условий: «Повед коня к дуброве *придорожной*» (Одоевский А. И. Стихотворения. М., 1982. С. 155).

В гражданской поэзии начала XIX века, в частности, у Рыльева, элегическая пейзажная лексика органически соединилась с лексикой, унаследованной от высоких жанров классицизма. В думе «Смерть Ермака» слово *дубрава*, как и другие поэтически «роскошного» слога (*луна*, *дебри*), вступает в эмоционально-сти-

лирическое единство со славянизмами *злато, брег, глас, осребриться* и др.; в поэме «Войнаровский» элегические поэтизмы *дол, долина, дневное светило* стилистически не чужды славянизмам *хлад, очи, древо, ниспровергать* и др. Даже в смежной позиции они не только совместимы, но и ярко живописны:

В стране той *хладной* и *дубравной*
В то время жил наш Миллер славный.
Войнаровский

При этом слово *дубрава* утрачивает у Рылеева элегическую окраску благодаря разрушению традиционной для «роскошного» слога сочетаемости, и это характерно для его поэтики: «...гоня зверей в *дубраве* смежной», «...дремучей Скании *дубравы*», «...ветерок в *дубраве* шелестел ветвями» (дума «Рогнеда»); «Мороз стрелял в глуши *дубравы...*» (Войнаровский); «Как вдруг орлом из-за *дубравы...*», «Но кто там, бледен, близ *дубравы...*» (дума «Дмитрий Донской»); «Беспечно спали близ *дубравы*» (Смерть Ермака).

Только в двух случаях из восьми отражена сочетаемость, близкая к традиционной: «Я вспомнил *мрачные дубравы...*» (В альбом Т. С. К.); «Идут, как *мрачные дубравы...*» (Дмитрий Донской). Столь же лаконичен Рылеев, когда он вводит другие элегические поэтизмы: «...ветры в *дебрях* бушевали»; «Ревела буря... вдруг *луной* Иртыш кипящий осребрился...» (Смерть Ермака).

Из двух сосуществовавших в поэтическом языке того времени огласовок Рылеев предпочитает вариант *дубрава* (только в одном из восьми случаев — *дуброва*). Его современники свой выбор между вариантами осуществляли по-разному. У Пушкина преобладает форма «дубрава» (см.: Словарь языка А. С. Пушкина). Ей же отдавали предпочтение Жуковский, Батюшков, Веневитинов. Но Баратынский чаще употреблял вариант *дуброва*. Оба варианта применялись как внутри стихотворной строки, так и в рифме, где варьирование создавало дополнительные фонетические возможности, которые по-разному использовались в разных авторских стилях. Так, у Веневитинова огласовка *дуброва* встретилась только в рифме.

Наконец, осталось выяснить значение слова *дубрава* в произведениях сибирской тематики Рылеева. В поэтическом языке его времени слово это употреблялось по преимуществу в смысле «лиственная роща». Например: «И голосистый соловей/ Умолкнул в *роще* бесприютной./ На преждевременный конец/ Суровым роком обреченный,/ Прощался так молодой певец/ С *дубравой*, сердцу

драгоценной. (...) Последний лист упал со древа,/ Последний час его пробил./ Близ *рощи* той его могила!» (Баратынский. Падение листьев).

Встречается это слово и в самом абстрактном из своих значений — «лес»:

В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал *дубравы* (...)
Батюшков. Послание И. М. Муравьеву-Апостолу

Экономная контекстная сочетаемость слова *дубрава* у Рылеева лишь в некоторых случаях позволяет определенно судить о его семантике. Например, в стихотворении «В альбом Т. С. К.»:

Я вспомнил мрачные *дубравы*,
Я вспомнил добрых земляков, (...)
Я вспомнил пламенную младость,
Я вспомнил первую любовь (...)

Здесь *мрачные дубравы* — северные леса (поэт родился в Петербургской губернии). А вот пример из думы «Рогнеда»:

Покинув в юности своей
Дремучей Скании *дубравы* (...)

Географическая определенность, характерная для этих двух текстов (во втором случае «Скания» — это Скандинавия), а также семантика определений (*мрачный, дремучий*), «суровая» для элегической стилистики, а особенно — для реалии *лиственная роща*, — все это говорит за то, что здесь отражено значение «лес». Вполне возможно, что это же значение как наиболее обобщенное зафиксировано в «Смерти Ермака» и «Войнаровском», а также во всех других произведениях Рылеева с историческими сюжетами: временная и пространственная отдаленность событий сделала бы большую конкретизацию надуманной.

Тюмень

Загадочная цитата

Р. Г. Назарьян,
кандидат филологических наук

Известнейшая и чрезвычайно нашумевшая в свое время статья В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) неоднократно привлекала внимание специалистов. Это и понятно, ибо в ней критик высказал суждения, в известной степени полемические и слишком резкие, характеризующие русскую словесность 1810-х годов. И потому работа Кюхельбекера, одного из крупнейших критиков первой четверти прошлого века, постоянно использовалась исследователями отечественного литературного процесса той поры. Все положения его статьи были тщательно и подробно изучены и прокомментированы, все, кроме одной таинственной цитаты, состоящей всего из двух строк:

... чувствительный певец,
Тебе (и мне) определен бессмертия венец!

(Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 455; далее цитируется это издание).

Строки эти — единственная стихотворная цитата из русских авторов в тексте статьи — помещены Кюхельбекером в тот ее раздел, где уничтожающей критике подвергнут жанр посланий. Споры о жанрах и о назначении поэзии приобрели в середине 1820-х годов первостепенное значение в журнальной полемике. Члены литературного объединения «Арзамас», знаменем которого был Н. М. Карамзин, ратовали за обновление русского языка и языка поэзии. Карамзинистам противостояла «Беседа любителей русского слова» во главе с адмиралом А. С. Шишковым, объединившая литературных староверов и боровшаяся против иностран-

ных заимствований и поэтических влияний. Условно говоря, происходило размежевание литературных сил на «классиков» и «романтиков».

До 1820 года Кюхельбекер находился под явным влиянием поэтов карамзинистской ориентации — его кумирами были К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский. Затем в его поэтическом творчестве наступил заметный перелом, приблизивший его к А. С. Грибоедову и к стану «славян». Декабристская эстетика, одним из выразителей которой был Кюхельбекер, требовала от поэтов высокой гражданственности и отказа от всего личного и сиюминутного. И потому первоначальные споры о языке закономерно переросли в полемику о поэтических жанрах, венцом которой и стала статья «О направлении нашей поэзии...»

Понимая, что его работа угодит «очень не многим и многим против себя вооружит», Кюхельбекер поставил «себе обязанностью смело высказать истину». Речь в его статье, казалось бы, шла о существовавших в русской поэзии тех лет жанрах (или родах, как называет их критик): архаист Кюхельбекер с декабристских позиций призывал к воскрешению оды, вытесненной из словесности новомодными посланиями и элегиями. Однако же мысли его охватывали гораздо более широкий круг эстетических явлений и вовсе не укладывались в привычное противопоставление классиков романтикам.

Последовательное рассмотрение оды, элегии и послания приводит автора к выводу о том, что лишь первый жанр «заслуживает название поэзии лирической», сущность которой заключается в «необыкновенном, то есть сильном, свободном, вдохновенном изложении чувств самого писателя». Ода возвышается над обыденностью и увлекается предметами истинно высокими.

В противоположность оде элегия, как новейшая, так и древняя, повествует лишь о скорбях или наслаждениях самого стихотворца, не поднимаясь до высоких гражданских чувств: ее удел — умеренность и посредственность. Послание же, по Кюхельбекеру, «та же элегия, только в самом невыгодном для нее облачении».

Критик иллюстрирует свои суждения раскавыченными цитатами из сочинений известных российских поэтов, не называя их имени. Он создает обобщающий образ стихотворца, навевающего скуку на читателя: «Трудно не скучать, когда Иван и Сидор намекают нам о своих несчастиях; еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что — слава богу! — здоровы и страх как жалуют, что так давно не видались!»

Сарказм Кюхельбекера направлен против стихотворных посланий, которые в 1810-х годах сделались излюбленным жанром в творчестве К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского и В. Л. Пушкина. Грешили посланиями и другие «арзамасцы» — П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Упоминая «о трехстах трехстопных стихах», критик метит в Батюшкова, чье сочинение «Мои Пенаты» (Послание к Жуковскому и Вяземскому) состояло из 316 написанных трехстопным ямбом строк, и одновременно в Жуковского, использовавшего тот же стихотворный размер в своем послании «К Батюшкову», объем которого превышал 700 стихов. Обмен этими весьма длинными посланиями и дал повод Кюхельбекеру иронизировать об «Иване и Сидоре», чьи сочинения напоминают обычные письма в стихах.

В этом же разделе статьи Кюхельбекера приведены и такие строки: «Уже легче, если во крайней мере ретивый писец вместо того, чтоб начать (письмо — Р. Н):

Милостивый государь NN,

воскликнет:

*... чувствительный певец,
Тебе (и мне) определен бессмертия венец!»*

Справедливо полагая, что это двустишие тоже пародирует кого-то из современных Кюхельбекеру поэтов, исследователи, несмотря на неоднократные попытки, так и не сумели установить источник цитаты. Следуя логике, автора этих строк следовало бы искать в стане карамзинистов, против которых (Батюшкова, Жуковского, В. Л. и А. С. Пушкиных, Вяземского) выступал в своей статье Кюхельбекер. Так, возможно, и поступали наши предшественники. Однако же пародируемым стихотворцем оказался вовсе не арзамасец-карамзинист, а член «Беседы любителей русского слова» ... граф Д. И. Хвостов!

Перу этого весьма плодовитого графомана принадлежало множество стихотворных посланий. Часть из них вошла в книгу Хвостова «Послания в стихах» (СПб., 1814). На первой же странице этой книги в стихотворении «О красоте русского языка» автор писал (курсив здесь и далее наш — Р. Н):

*Не спорю — многие их славные певцы
Призбрали себе бессмертия венец»,*

а в послании «Якову Борисовичу Князюнину», там же помещенном, вновь употреблено уже знакомое словосочетание:

Своей красой пленяй, сам сделайся творец,
Коль хочешь приобрести бессмертия венец.

Но... бог любит троицу, и граф Хвостов в третий раз повторяет полюбившееся ему выражение в послании «К А. А. Писареву, о ложных критиках»:

Клим...
Кричит, — пусть получил бессмертия венец,
Но Ломоносов сам не славный образец (...)

В той же книге Хвостова удалось обнаружить и второе словосочетание, приведенное в статье Кюхельбекера. В послании «О пользе критики» знаменитый графоман напутствует своего визави:

Коль основателем разбор и справедлив,
Чувствительный певец, хотя б он был и жив,
В нем торжество свое с восторгом должен видеть.*

Причина осмеяния «беседчика» Хвостова имеет свое объяснение. Литературная теория декабристов включала в себя как постулаты классицизма, так и элементы романтической эстетики. И потому Кюхельбекер, осуждая в своей статье Батюшкова и Жуковского за подражание французам и немцам, называл их псевдоромантиками. Подлинный же романтизм критик усматривал в поэзии Древней Греции, в творчестве Данте, после которого «в Европе всякую поэзию свободную, народную стали называть романтической». Призывая создавать поэзию истинно русскую, Кюхельбекер во многом сходиллся с платформой «беседчиков», но в то же время ему были близки некоторые позиции карамзинистов. Хорошо понимая всю условность разделения на классиков и романтиков, он в заметках «Минувшего 1824 года... достопримечательные события...» писал: «Германо-россы и русские французы прекращают свои междуусобия, чтоб соединиться им противу славян, равно имеющих своих классиков и романтиков! Шишков и Шихматов могут быть причислены к первым; Катенин, Грибоедов, Шаховской и Кюхельбекер — ко вторым».

В литературной борьбе за самобытную русскую словесность, «возвышающуюся над событиями ежедневными», этот «романтик в стане славян» был чужд кастовых предрассудков. Кюхельбе-

* Реминисценция из упомянутой книги Хвостова встречается и в стихотворении Кюхельбекера «Поэты» (1820). Ср. строки из послания «О пользе критики»: «Внимали, проходя тернистою стезей, / Мы вранов дикий крик, шипенье лютых змей (...)» со строками «Что для тебя шипенье змей, / Что крик и филина, и врана? (...)» (Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. М.-Л., 1967. Т. 1. С. 133).

кера раздражали прозаизм и обыденность в искусстве, ему претила приземленность подражательных элегий и посланий любых авторов.

Разбирая в одном ряду сочинения Батюшкова, Жуковского и Хвостова, критик, конечно же, осознавал разницу между талантливыми поэтами и бездарным рифмоплетом. В тюремном дневнике Кюхельбекера за 1832 год встречаются записи, позволяющие судить о его отношении к прочитанным сочинениям и их авторам. В одной из них фигурируют сразу три персонажа, осмелившихся некогда в статье «О направлении нашей поэзии...»: «В дурном и глупом, когда оно в величайшей степени, есть свой род высокого — *le sublime de la bêtise* (возвышенное в глупости — франц.), то, что Жуковский называл „чистою радостью“, говоря о сочинениях Х(востова). Без всякого сомнения, не в пример забавнее прочесть страничку, другую Х(востова) или Тредьяковского, нежели страничку же какого-нибудь Василия Пушкина или Владимира Измайлова: первые иногда уморят со смеху, вторые наведут скуку и — только».

Несколько позже в том же дневнике Кюхельбекер вновь упоминает о незадачливом графомане: «Не могу не выписать двух стихов Хвостова, в которых *le sublime de la bêtise* сияет во всем своем величии; они из пресловутого его „Майского гулянья в Екатерингофе“; красно и витиевато изображены стук, и шум, и суета этого дня и довершены следующей редкою чертою:

По мостовой у мухи с жуком
Прервалась разговора связь!...»

Кюхельбекер приводит в своей статье цитаты из поэтических сочинений Батюшкова, Жуковского и В. Л. Пушкина в прозаическом изложении, как бы подчеркивая их антипоэтизм, приземленность и бытовой прозаизм. Стихотворная же (хотя и не прямая) цитата из Хвостова, помещенная в самой сердцевине рассуждений критика о российских посланиях, сознательно «снижает» этот жанр, придает ему смехо- (и скуко)творный характер. Однако Кюхельбекер не просто констатировал положение дел в русской словесности, желая рассмешить или попросту апатировать читателей. Уравнивая между собой сочинения (послания) поэтов столь разного дарования, уподобляя стихи Жуковского и Батюшкова стихам В. Л. Пушкина и Хвостова, декабристский критик тем самым стремился вырвать этих талантливых писателей из бытовой обыденности, заставить их приобщиться к подлинно высокой и самобытной поэзии, мерилom которой в глазах Кюхельбекера и была гражданственная ода.

Последнее стихотворение

Н. А. Некрасова

Л. Е. Холодилова,
кандидат филологических наук

О Муза! я у двери гроба!
Пусть я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

Это стихотворение было написано в конце 1877 года, незадолго до смерти поэта. В нем Н. А. Некрасов подводит итог жизненному пути и дает оценку своему творчеству, своей поэзии. Исследователь В. В. Жданов, автор книги о Некрасове, отмечает, что в последние два года, в годы болезни, поэт «все чаще обращался к своей музе... „О муза! ты была мне другом, приди на мой последний зов!“ — молил он, уверенный, что в музе его бессмертие и спасение» (Жданов В. В. Некрасов. М., 1971. С. 476).

В стихотворении «О Муза! я у двери гроба!...» поэт предстает как зрелый мастер, способный беспристрастно взглянуть на пройденный путь. «Рано осознав свое предназначение быть голосом широких народных масс, — писал В. А. Архипов, — Некрасов по-новому осознает насущные задачи поэзии, что выражается в новом образе его музыки, которого русская поэзия до Некрасова не знала» (Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Некрасова. М., 1973. С. 319).

На первый взгляд, стихотворение понять нетрудно, читается оно легко, но его кажущаяся простота достигается достаточно сложным построением. Оно не разделено на строфы — и это одна из характерных особенностей поэтической речи Некрасова. Стихотворение делится на три части: первые две — содержат соответственно четыре и пять строк, последняя — три строки. При этом

первые две части — девять строк — противопоставлены третьей и по содержанию, и по звуковой организации. В первых девяти строках дана оценка жизни и творчества поэта. В трех последних характеризуется сущность, глубинное содержание поэзии — это как бы уже просто Муза, без поэта.

По ритмике конец первой части — не соответствует концу пятой строки. Рифмы — мужские и женские — чередуются не последовательно, сохраняется только ритмический рисунок. Первые и последние четыре строки построены по формуле БААБ (где А — мужская рифма, б — женская), средние четыре строки — АББА. Это позволяет избежать монотонности и переключает внимание при чтении. Смежные мужские рифмы в первой части с широким ударным А (виновАт, во стА крАт) способствуют выявлению содержания, смысла. И не случайно эта часть завершается мужским окончанием в середине строки — «не плаЧь!» (снова гласный А), после чего должна идти пауза. Такая внутристроочная рифма, созвучная смежным, придает первой части стихотворения характер завершенности.

В звуковом отношении первые две части противопоставляются третьей. В них — широкий гласный А и «звучный» О (роль согласных затемнена): Я—грОба—пускАй—мнОго—виновАт—во сто крАт—людскАя—злОба—не плаЧь.

В третьей части преобладают узкие гласные верхнего подъема У и И: любвИ—в кровИ—не рУсскИй—этУ—бледиУю—ИссеченУю—мУзУ. Здесь же можно усмотреть и закономерности в употреблении согласных — сонорного Л и близкого к сонорным В: ВэгЛянет—ЛюбВи—бЛеднуЮ—кроВи. Звуковым диссонансом выделяется в последнюю строку инверсивное *кнутом* — слово, в звуковом отношении иное, чем все предыдущие, где -том (с гласным О и взрывным Т) — как звук бича. И это усиливает, подчеркивает содержание.

Стихотворение написано ямбом, размером, широко распространенным в русской поэзии, традиционным для философской лирики. В двусложных размерах, как правило, немаловажную роль играют пропуски ритмического ударения — пиррихий. Они есть и у Некрасова: *виноват, увеличит, не надругаются, кровно-му* — и во всех трех последних строках. Слова с пропусками ритмического ударения читаются медленнее, следовательно, содержание этих строк как бы углубляется.

Некрасов использует здесь традиционные «высокие» поэтические средства. Это, прежде всего, обращение к Музе («О Муза!») и аллегорическое «я у двери гроба!». Кроме того, автор употребляет поэтизмы (*меж, жребий, во сто крат*), прибегает к приему

пагнетания определений (*живому, кровному союзу; на эту бледную, в крови, кнутом иссеченную*); ставит слова в инверсированной позиции. Однако аллегория, содержащаяся в первой строке («я у двери гроба»), вместе с обращением к Музе — не столько констатация факта скорой кончины поэта, сколько обещание дать оценку своего творчества. Поэт судит себя трезво и беспристрастно: «Пускай я много виноват, / Пусть увеличит во сто крат / Мои вины людская злота (...)».

В этой емкой по содержанию фразе, состоящей из сложно-подчиненного предложения с придаточными уступительными, которые находятся в препозитивной позиции, важно употребление уступительных союзов *пускай* (разг.) и *пусть* (нейтр.). Согласно словарным сведениям, они служат «для выражения допущения в значении: *допустим, положим, готов согласиться*» (Словарь русского языка: В 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 562). Автор не случайно употребил именно эти союзы в уступительном значении. Если, допустим, заменить союзы *пускай* и *пусть* собственно уступительными *хотя* и *хоть*:

Хотя я много виноват,
Хоть увеличит во сто крат —

то ритмика не изменится — изменится смысл. И тогда последует безоговорочное признание своей вины, без всякого допущения, сомнения, чего Некрасов не мог и не хотел сказать — это противоречило бы действительному положению вещей.

Говоря «Пускай я много виноват (...)», поэт не хочет оправдывать себя за прежние ошибки, за прежние *вины* («мои вины»). Заметим, не *мою вину*, а *мои вины*! Если бы Некрасов употребил это слово в единственном числе, то оно значило бы, что он признал за собой какую-то большую, серьезную вину перед народом, а такой вины у поэта не было. Кстати, непривычное для слуха употребление слова *вина* (*вины*) встречалось у поэта и раньше — и снова в похожей ситуации. Так, в 1867 году в стихотворении «Умру я скоро. Жалкое наследство...» он взывает: «За каплю крови, общую с народом, / Мои вины, о родина! прости!..»

Интересно употребление местоимений в стихотворении. Сначала: «Я у двери гроба», «пускай Я много виноват», «МОИ вины» — поэт судит себя как человека, но не свое творчество, ибо его творчество — Муза. Затем: «завиден жребий НАШ», «не надругаются над НАМИ» (то есть над поэтом и его творчеством), поскольку между поэтом — МНОЙ и народом — честными сердцами: «Порваться долго ТЫ не дашь / Живому, кровному союзу!»

Некрасов осознавал свою поэзию глубоко национальной, рус-

ской по своей сущности, по духу. Отсюда и последние строки: «Не русский — взглянет без любви / На эту бледную, в крови, / Кнutom иссеченную Музу...»

Любопытно написание слова *не русский*: не слитно с частицей *не* — «нерусский» (то есть иностранец), а раздельно («не русский») — тот, кто не может понять Музу, творчество поэта истинно русского. Можно с большой долей уверенности предполагать, что Некрасов намеренно написал *не* с прилагательным раздельно. Сошлемся на «Русское правописание» Я. К. Грота (Изд. 22. Пг., 1916), где известный филолог на стр. 96 пишет: «Бывают и другие случаи, в которых, смотря по смыслу, следует писать *не* то слитно, то врозь». При этом Грот говорит только о качественных прилагательных, не упоминая о правилах правописания *не* с относительными прилагательными.

Своеобразна у Некрасова и постановка знаков препинания, особенно тире после слова *не русский* и многоточия в конце стихотворения. Тире передает интонацию повышения, то есть перед ним голос при чтении повышается и создается пауза, которая в поэтическом произведении всегда значима. А многоточие, как известно, «говорящий» знак — знак глубокой паузы, когда *как* бы осмысливается прочитанное.

В стихотворном тексте большую роль играет инверсия. Слов в инверсированной поэзии у Некрасова немного, но все они несут смысловую нагрузку, ибо тема произведения — оценка собственной жизни и творчества — требовала спокойного повествования. И не случайно выделены два слова — *долго* и *кнutom*, которые поэт подчеркивает намеренно.

Стихотворение начинается словом *Муза* и кончается им: поэт-человек умирает, Поэт в творчестве живет.

В заключение приведем интересное высказывание Ф. М. Достоевского, которому Некрасов не был духовно близок, но тем не менее он высоко ценил его как народного поэта и гражданина: «Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то, опять-таки, любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 126).

Нижний Новгород

О литературных псевдонимах

В. И. Даля

А. А. Зражевский

В «Толковом словаре» Владимира Ивановича Даля значение слова «псевдоним» расшифровывается так: «Писатель под чужим именем, подымённый» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 534). Известно, что сам автор словаря в своей литературной деятельности неоднократно прибегал к использованию псевдонимов, в разное время становившихся как бы его вторым именем, соперничая с настоящим в популярности. — *Казак Луганский*, *В. Луганский* и т. д. Трудно представить литературную жизнь России второй четверти прошлого века без произведений, опубликованных под этими псевдонимами, и уж совсем невозможно, не упоминая их, говорить о Дале-писателе.

Какие же причины побудили Даля стать «подымённым»? Вопрос важный, без ответа на него образ писателя остается неполным. Сразу оговоримся: литературных псевдонимов у Даля было немало, речь же в дальнейшем пойдет лишь о двух основных, вышеупомянутых. Именно они, нередко, правда, употреблявшиеся с незначительными видоизменениями (например: *Казак В. Луганский*), наиболее точно, по нашему мнению, отражают характер узловых направлений и периодов творчества Даля.

Несомненно, самый известный из всех дальевских псевдонимов — *Казак Луганский*. С ним связаны слава и успех первых произведений писателя, именно он, и полвека спустя, не был забыт ни критиками, ни читателями. Вот лишь два примера. В популярной литературной хрестоматии, вышедшей в 1887 году, публикация одного из рассказов Даля сопровождалась такими сведениями об авторе: «Род. 1801 г., ум. 1872 г., известен более под псевдонимом „Казак Луганский“» (Филонов А. Русская хре-

стоматии с примечаниями. Изд. 7-е. СПб., 1887. Ч. 1. С. 626). Пройдет еще десять лет, но издатели Полного собрания сочинений писателя сочтут необходимым на титульном листе каждого тома после фамилии автора в скобках указать — «Казака Луганский».

Было время, когда это литературное имя Дalia буквально не сходило с уст. С одобрительными отзывами о его творчестве выступили В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев и др. Так, Тургенев в рецензии на собрание сочинений «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (1846) писал: «Когда, лет десять назад, появились первые рассказы Казака Луганского — они обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов» (Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 100).

Бросается в глаза, что Тургенев о годе «рождения» *Казака Луганского* пишет с долей неуверенности. Однако сегодня это знаменательное событие можно со всей определенностью датировать 1832 годом. Именно тогда в Санкт-Петербурге вышла в свет первая книга Дalia под довольно длинным заглавием: «Русские сказки, из предания народного известного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому припоровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый».

И сказки, и новый псевдоним были встречены с интересом, но не всеми одобрительно. Вот что, например, писал в 1833 году в рецензии на сочинения *Казака Луганского* «Московский телеграф» (№ 5. С. 104): «Признаемся, мы не любим поддельности ни в чем, и потому нам не нравится и этот, сделавшийся пошлым, обычай называться странными, не своими именами». В следующем номере тот же журнал на стр. 243 выразился еще определеннее: «И для чего не явиться под настоящим своим именем, для чего не бросить все проказы и затеи казачьи? Автор обладает таким дарованием, которому не нужны ухищрения пошлых писак, думающих быть занимательными в чужой коже (...)»

Столь резкая критика «Московского телеграфа» объясняется, с одной стороны, крайне неодобрительным отношением его издателя Н. А. Полевого к попыткам привнесения в литературный язык простонародных элементов, а с другой, стремлением приостановить модное в то время увлечение публикациями псевдонародных сказок. В первых своих сказках Дalia также добивался близости к народным традициям, но кроме того он ставил перед собой задачу «познакомить земляков (...) сколько-нибудь с на-

родным языком и говором, которому открывается такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» (Русский вестник. 1873. март. С. 296). По наблюдению такого тонкого ценителя литературы, как И. С. Тургенев, сочинения молодого автора «своим неподдельным и свежим колоритом (...) резко отличались от пошлого балагурства непризнанных народных писателей» (Тургенев И. С. Указ. соч. С. 100). Так что досталось *Казак* *Луганскому* от «Московского телеграфа» не совсем по справедливости...

После нашумевших «Русских сказок...» в периодических изданиях и литературных сборниках продолжали появляться произведения, подписанные необычным именем, вызывая неподдельный интерес к их автору. Однако, если собрать Даля по перу быстро разузнали, кто скрывался под личиной *Казака Луганского*, то массовый читатель еще какое-то время пребывал в неведении.

И даже когда уже для всех псевдоним перестал быть загадкой, настоящее имя писателя, всем хорошо известное, никак не приживалось. Литературный двойник вытеснил своего творца. Даль относился к этому спокойно, а вот Фаддей Булгарин в издаваемой им «Северной пчеле» не мог взять в толк, «почему почтенный автор удерживает до сих пор (...) прозвание, когда уже сто раз объявлено было в журналах, что Казак Луганский есть не кто иной, как Влад. Ив. Даль» (1846. № 254).

Попытаемся найти объяснение тому, что вызывало недоуменное непонимание Ф. В. Булгарина, да и не только его, и рассмотрим возможные причины появления далевских псевдонимов.

В свое время предположениями о происхождении псевдонима автора «Русских сказок...» поделился с читателями «Московских ведомостей» Дмитрий Завалишин, знавший писателя еще в пору его молодости. Он писал: «Что же касается до названия „Казак“, то оно объясняется соседством Луганского завода с Землей Донских казаков, а отсюда первыми впечатлениями детства и близким с малых лет знакомством Даля с казачеством» (1872. № 267).

Разъяснение Д. И. Завалишина поверхностно и, конечно же, устроить нас не может, поскольку оно всего-навсего устанавливает логическую связь между двумя частями псевдонима — *казак* и *луганский*, не давая ответа на основной вопрос: какой смысл вкладывал в свой псевдоним Даль, какой образ сочинителя он намеревался создать, дав себе прозвание *Казак Луганский*?

Действительно, будущий литератор родился и провел детство в местечке Лугань, где на чугунолитейном заводе работал врачом его отец. Не раз впоследствии, оказываясь по долгу службы

в самых отдаленных концах страны, Даль будет погружаться в воспоминания о родных местах, ни на минуту не забывая, что родом он — луганский.

Сейчас нам остается только строить догадки о том, в какой момент в сознании Даля соединились два слова: *Казак Луганский*. Правда, удалось установить, что у этого псевдонима были предшественники — *В. Луганский* и *Владимир Луганский*. Так подписывал Даль свои первые публикации в столичных газетах «Северная пчела» и «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» незадолго до выхода в свет «Русских сказок...» Знакомство с этими произведениями проясняет, почему они были подписаны так, а не иначе. Их содержание еще не давало автору внутреннего права именовать себя «казакон» — символом вольного, независимого в суждениях и поступках человека. Но именно эти черты характера Даля, уже вскоре явственно отразившиеся в его прозе, вызовут негодование царского правительства и преследования цензуры, изъявшей из продажи сборник «Русских сказок...» Казака Луганского. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Академик-филолог Я. К. Грот вспоминает: «Имя Даля, как и псевдоним его Казак Луганский, было у нас, начиная с 30-х годов, одним из самых популярных. С самого появления в литературе известность его быстро распространилась, благодаря, между прочим, неожиданному запрещению, которому подверглись изданные им в 1832 году сказки» (Записки Имп. Акад. наук. СПб., 1873. Т. XXII. Кн. 2. С. 258).

Как видим, псевдоним не спас его обладателя от нападков цензуры, да и вряд ли Даль был так наивен, чтобы рассчитывать на столь ненадежное прикрытие. Остается предположить существование у писателя иных, более серьезных оснований надеть литературную маску. Одним из них, как нам кажется, было стремление Даля с помощью псевдонима подчеркнуть истинно народные истоки своего творчества, создать образ народного рассказчика.

Уже первые сказки писателя, пожалуй, даже перенасыщены пословицами, поговорками и другими образцами народной речи. Не знакомому с Далем трудно было представить себе, что их автор — выходец из высокообразованной семьи, знающий, помимо русского, еще добрый десяток языков. С читателем доверительный разговор вел вполне доступный человек — казак Луганский. Не случайно, как писал в посвященном Далю очерке П. И. Мельников-Печерский, — «крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек» (Даль В. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1897. Т. 1. С. LX).

В этом вторая причина, по которой Даль мог предпочесть скрыться под вымышленным именем. Его часто спрашивали, считает ли он, датчанин по происхождению, но рожденный в России, ее своей родиной? Даль отвечал без колебаний: настоящее мое отечество — Русь. «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски», — говорил он (Там же: С. XC). Подтверждением этому служит вся жизнь Даля, подарившего своему народу словарь его языка. Напомним слова Н. В. Гоголя из «Авторской исповеди»: «Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили свое воспитание и создались как граждане земли своей, а из писателей только такие, которые, любя Россию так же пламенно, как тот, который дал себе название Луганского казака, умеют по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском и руководствуясь единственно желанием ввести нас в действительное положение русского человека» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 6. С. 247).

Наконец, возможно, какую-то роль в появлении псевдонима могла сыграть боязнь Даля потерпеть неудачу на литературном поприще. Ведь первые из опубликованных произведений начинающего писателя остались почти незамеченными. Напечатанные под его настоящим именем стихотворения в журнале «Славянин» (1827) и повесть «Цыганка», помещенная в 1830 году в «Московском телеграфе», отнюдь автора не прославили. Вполне вероятно, что опасение очередных неудач и побудило Даля начать пользоваться псевдонимами. А затем уже это превратилось в насущную необходимость: чиновнику особых поручений при Оренбургском военном губернаторе, а впоследствии видному должностному лицу Министерства внутренних дел, было затруднительно публиковаться под своим настоящим именем.

Долгие годы псевдоним *Казака Луганского* верой и правдой служил своему хозяину, но к концу 30-х — началу 40-х годов он постепенно начинает исчезать. Так появился *В. Луганский*. Это было вызвано в первую очередь изменением характера творчества писателя: фольклорные мотивы отступают в нем на второй план. Однако, перестав подписываться *казак*ом, Даль отнюдь не отказывается от своих принципов и убеждений: он по-прежнему извителен и задирист. По словам А. И. Герцена, Даль стал одним из первых «бесстрашных охотников», которые «страстно набросились (...) на вампира русского общества, чиновника». Он, «не боясь ни насекомых, ни заразы, отточенным пером стал развешивать эту дичь и в канцеляриях и в трактирах, в среде попов и помещиц» (Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1958. Т. 7. С. 128):

Известный литератор, признанный мастер зарисовок из русской жизни, которыми зачитывалась вся просвещенная Россия,—Даль продолжает создавать книги для народа: он пишет короткие рассказы и составляет из них сборники — «Солдатские досуги», «Матросские досуги». И тогда в нем снова просыпается казак Луганский. «Военные люди нижних чинов найдут в „Солдатских досугах“ казака Луганского,— писал в 1843 году рецензент журнала «Отечественные записки»,— такое для себя чтение, какого они еще не имели: книга писана общепонятным, простонародным языком и складом, и притом писана человеком, который сам сживал с солдатами „за огоньком“, пил с ними из одной манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, видел его и в чистом поле» (Т. 27. № 4. Отд. VI. С. 61).

Шли годы. Все чаще в русской периодике взамен уже сыгравших свою роль псевдонимов стала появляться незатейливая подпись — В. Даль. Под этим именем Владимир Иванович выступал с полемическими статьями по вопросам воспитания, участвовал в дискуссии о грамотности для народа, а выйдя в отставку, писал книги для детей. Под этим именем создавались сборник «Пословицы русского народа» и знаменитый «Толковый словарь». Но еще долго критики будут писать: В. Луганский, Казак Луганский, а народ слать,— наверное, все-таки больше Казаку Луганскому, чем Далю,— со всех концов России пословицы, поговорки, песни, подборки областнических слов и выражений. Без этой помощи стал бы невозможен грандиозный труд Владимира Ивановича Даля по созданию энциклопедии жизни народа — «Толкового словаря живого великорусского языка».

*Красноармейск
Моск. области*

Л. М. Грановская,
доктор филологических наук

С 1918 по 1921 год на всей огромной территории бывшей Российской империи бушевала гражданская война. Она породила свой словарь, частью укрепившийся, частью оставшийся в языке в виде слов-однодневок, придуманных к случаю, событию, но точно обозначивших важные, поворотные вехи истории. Этот редкий материал отчасти отразили лингвистические исследования С. И. Карцевского, Р. О. Якобсона, А. М. Селищева, А. Мазона, А. И. Баранникова и др. Широкий круг источников, включающих дневники, записи, мемуары современников, книги по истории гражданской войны, вышедшие в 20–30-е годы, оказался надолго выведенным из практики чтения и лингвистического комментирования. Многие из этих материалов стало возможным цитировать лишь сейчас. Воссоздать картину функционирования слов, объединенных во времени, — задача будущих исследований,

посвященных русскому литературному языку послеоктябрьского периода. В заметке представлен этот редкий и мало прокомментированный материал в некоторых «извлечениях».

23 февраля 1918 года считается днем рождения Красной Армии. Однако еще в апреле 1917 года при ЦК партии создается специальный политический аппарат, получивший название «Военка», который вскоре начинает охватывать своим влиянием старую царскую армию. С февраля 1917 года в речевой и официальный обиход армии входит слово *комиссар* в значении «полномочный представитель, отвечающий вместе с командиром воинской части за ее боевое, политическое и хозяйственное состояние». Оно означало также члена правительства — главу Народного комиссариата (по 1946 год). (Об истории слова *комиссар* см.: Сергеев Ф. П. Комиссар // Русская речь. 1976. № 1.)

Характерно, что многие наименования не сразу закрепляются за определенным кругом явлений и на первых порах используются расплывчато. Так, существовало название *Высокие Комиссары* — коллегия представителей союзников-участников интервенции (Колчаковщина. Сб. Екатеринбург, 1924. С. 144).

Запись в Красную Армию первоначально была добровольной. Отсюда ее наименование — *Добровольческая Красная Армия*. Переход к мобилизации изменил это название. *Добровольческая армия*, *Добровольия*, *доброволец*, *добровольица* — так стали называть теперь белые войска и объединения, хотя они и формировались путем принудительной мобилизации населения. *Добровольческой армией* официально именовалась «Алексеевская организация», созданная белым генералом М. В. Алексеевым на Дону. *Добровольиться* означало вступить в белую армию. *Добровольческая мафия* — тайный союз белого офицерства, имевший целью охрану жизни и защиту достоинства офицеров (Покровский Г. Деникинщина. М., 1926. С. 81). На Дальнем Востоке генерал Дитерихс называл свои войска *ратью*, а себя *воеводой* (Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1923. С. 265).

Противопоставление *белый — красный*, якобы идущее от символики Великой Французской революции (1789–1794) и традиционно укрепившееся в речевом сознании, неточно (о толковании окрасок в трехцветном знамени Франции см.: Автономова Н. С., Караулов Ю. Н., Муравьев Ю. А. Культура, история, память (О некоторых тенденциях новейшей французской историко-методологической мысли) // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 81). Что касается собственно русского значения слова *белый* в этот период, оно означало «поглотивший все цвета спектра, то есть политические различия». Толкования «чистый, незапятнанный»

(создавшие впоследствии в печати каламбур: «Белые стали грязными»), «контрреволюционный» были надуманы как сторонниками этого движения, так и его противниками. Называть себя контрреволюционером в революции вряд ли было резонно. Показательно, что белый и красный цвета варьировались в окраске знамен белой армии и широко использовались в эмблематике: белый череп с мечами и красная разрывающаяся граната — символ бессмертия у корниловских ударников.

Черная гвардия, черnogвардейцы — анархисты, вооруженные отряды, к которым примкнули и уголовные элементы, а также белые офицеры, разгромленные органами ВЧК в апреле 1918 года. Ударные контрреволюционные батальоны были названы *черно-красными* по цвету знамени: красный — цвет мятежа, черный — земли (История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. I. С. 456).

Русская политическая терминология времен гражданской войны выдвигает еще одно противопоставление: *черный — белый*, в известной степени заменившее в печати понятия *правый — левый*. *Черный* (и его производные) — это и обозначение черносотенцев по духу: «Чехословацкая армия того периода (позднее, при Колчаке, она сильно *почернела*) была весьма далека от черносотенных настроений русского офицерства» (Майский И. Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1922. С. 167).

За пестроту форменных отличий белые соединения иронически называли «цветными войсками» (Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925. С. 21). Особенной цветистостью отличалась форма корниловцев. В белой армии ходило такое двустипье-припев: «Кто расписан, как плакат? То корниловский солдат» (Калинин И. М. Русская Ванда. М.—Л., 1926. С. 40).

Бело-зеленые — цвета контрреволюции в Сибири: флаг сибирских областников состоял из двух продольных полос — белой и зеленой (эмблема сибирских снегов и лесов). Однако обобщенное название *бело-зеленый* использовалось и применительно к контрреволюции вообще: «Выбирая между всеми разновидностями *бело-зеленого движения* с одной стороны и советской властью — с другой, русский народ выбирает советскую власть» (Из письма Б. Савинкова // Савинков Б. Последние письма и статьи. М., 1926. С. 14).

Красно-зеленые отряды, красно-зеленое движение — боевая организация, недолго просуществовавшая на Дону, Кубани и в Черноморье; подчиняясь командованию Красной Армии, ставила своей целью борьбу с белыми. Донской комитет РКП(б) в своем

воззвании «К товарищам красно-зеленым» разоблачил попытки А. И. Деникина и эсеров-меньшевиков «разложить красно-зеленое движение» (Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Ростов-Дон, 1941. Вып. 2. С. 154). На Украине контрреволюция называлась *желто-голубой*, по цвету национального знамени. Анархистские банды присвоили себе название *зеленого Интернационала*. Обозначение *зеленый* «бандит» было в годы гражданской войны общим для обеих армий и впоследствии закрепилось в языке (Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. I. С. 1092); употреблялись также новообразования *зелёновцы*, *зеленое движение*, *зелёновские отряды*. В Крыму было распространено движение чисто дезертирского типа, остроумно названное «вечно зеленым». Широкое использование цветообозначений в переносном смысле создало базу для каламбуров: «Нам ни красных, ни белых, ни зеленых, ни зрелых, Кубань сама по себе» (Калинин И. М. Русская Вандея. С. 312).

Революция 1917 года оживила областнические, автономистские тенденции. В 1918 году в Томске был созван съезд, образовавший Сибирскую областную думу (Сибоблдуму). В Сибири действовали независимые военные контрреволюционные организации с монархическим уклоном и претензиями буйной вольницы: *атаманщина*, *анненковцы*, *красильниковцы*. Из распропагандированных эсерами рабочих Воткинского и Ижевского заводов составились белые военные части — *воткинцы* и *ижевцы*, которые поначалу сражались под командованием генерала В. О. Каппеля, потом раскаялись и перешли на сторону Советской власти. На Юге России активизировались контрреволюционные националистические и религиозные течения, имевшие за собой военную силу: *имамизм*, *панисламизм*, *бичераховщина* (антисоветский мятеж терского казачества, офицерства и горской верхушки в 1918 году под водительством братьев Г. Ф. и Л. Ф. Бичераховых). В 1917–1920 годах буржуазно-националистическое движение в Башкирии, возглавляемое А. З. Валидовым, получило название *валидовщины*.

На Украине действовали *гайдамаки*, *синезюпанники*, *сердючные дивизии*, *сечевые стрельцы*, *красные и зеленые шлыки*, *курени*, *коши*. Украинофильствующая интеллигенция носила название *мазепинцев*, имевших ту же программу, что и *самостийники*: отторжение Украины от России. Левое крыло УСДРП называлось *незалежниками* (укр. *невалежний* — независимый); были также *наднепряньские демократы*, *незamoжники* (укр. *незamoжний* — бедный, недостаточный), а также *боротьбисты* (левые эсеры),

хлеборобы — партия, выдвигавшая интересы крестьянства, *сетманцы* (петлюровцы) и др. Политические комиссары стали называться *инспекторами* — во избежание аналогий с принятым в Красной Армии наименованием (Виниченко В. Из истории украинской революции // Революция на Украине. По мемуарам белых. Сост. С. А. Алексеев. М.—Л., 1930. С. 299).

Большинство наименований этого времени — образования от имен собственных: в 1917 году — *корниловцы*, *керенцы*, в 1917 — 1918 годах — *алексеевцы*, *калединцы*, в 1918 году — *дуговцы*, *красновцы*, *скоропадцы*, *деникинцы*, в 1918—1919 годах — *петлюровцы*, *григорьевцы*, *иллиодоровцы*, *аексентьевцы*, *мирбаховцы*, *распутинцы*, *кронштадтцы*. Были *дроздовцы* («дрозды»), *врангелевцы*, *савинковцы*, *шкуринцы*, *платовцы*, *слащевцы*, *семёновцы*, *марковцы*, *каппелевцы*, а также *чаплинцы* — офицеры-террористы, получившие название по имени капитана Чаплина, активного белогвардейца. Сторонники украинского эсдека Порша (украинского посла в Берлине, уволенного Петлюрой), назывались *поршивцы*; естественно, слово каламбурно обыгрывалось. «*Махнатой республикой*» называли армию и территорию, временно занятую Нестором Махно (Гражданская война. М., 1928. Т. I. С. 91); *верблюжкой* — грабителей в банде Н. А. Григорьева (по имени «столицы» атамана — села Верблюжка Александрійского уезда Херсонской губернии). «За махновцами установилась кличка „шубняки“, так как они почти все в Екатеринославле облачились в шубы» (Курган Р. Страница гражданской войны. Харьков, 1925. С. 49). Столица махновцев Гуляй-Поле была переименована в честь батьки в *Магноград* (Герасименко К. В. Махно // Деникин — Юденич — Врангель. М.—Л., 1925. С. 232).

Естественно, что жизнь таких номинаций, отразивших события-однодневки, была быстротечной. В Москве в октябрьские дни 1917 года действовали отряды монархистов — *овинцы* и *краснопресненцы*. Белые войска на Дону и Кубани назывались *кадетами* (Гуль Р. Ледяной поход (С Корниловым). М.—Пг., 1923. С. 55). Этот смысл, по мнению белой печати, был намеренно придан красными агитаторами для дискредитации *добровольческой армии* как монархического формирования, состоящего из «кадетов» — выпускников кадетского корпуса и юнкеров военных училищ.

Были также *первопоходники*, *золотопогонники*, *ударники*, *пикачи* (антибольшевистски настроенные повстанцы — крестьяне в Сибири, вооружённые пиками), *гусары смерти*, *краснооколышные*, *крестоносцы* (от Дружины Св. Креста). На Дальнем Востоке действовали *переворотчики*, «*бутербродники*», «*розовые*» (комму-

листы, входившие в состав временных буржуазных правительств); на Волге и в Сибири — эсеры-активисты, эсеры-областники, Троектория (Совет трех в Иркутске). Известны также новообразования: блокист, безвластник (анархист), интервенционалист «сторонник вмешательства в гражданскую войну», анархо-универсалисты, оборонцы, пораженцы, независимцы, анархо-синдикалисты и др. Поскольку слово *анархист* стало синонимом бандита, то анархо-синдикалисты стали называть себя *революционными синдикалистами*. Сменявшие друг друга эфемерные правительства носили название *вывески*. Некоторые обозначения были локализованы не только временем, но и местом: *хунхузить* (сибирское) — грабить, разбойничать. М. А. Волошин упоминает *тарановцев* — «партизанский отряд бывших каторжников, пользовавшихся в Крыму грозной славой» (Волошин М. А. Путник по вселенным. М., 1990. С. 269).

В первые годы революции и гражданской войны в речевом обиходе и книжных жанрах литературного языка широко распространились обобщенные наименования на -щина: *алексеевщина*, *атаманщина*, *корниловщина*, *бело-эсеровщина*, *врангелевщина* (и *врангелиада*), *либердановщина*, *дутовщина*, *красновщина*, *меркуловщина*, *шейдемановщина*, *махновщина*, *петлюровщина*, *антоповщина* (по имени А. С. Антонова, главы мятежа в Тамбовской и частично Воронежской губерниях в 1920–1921 годах), *стреконитовщина* (контрреволюционное выступление на Западном фронте в 1919 году, возглавляемое царским офицером М. А. Стрекопытовым).

На огромной территории России, раздираемой гражданской войной, в ходу были разнообразные денежные знаки, которые носили причудливые названия. Вот некоторые из них: *лимон* (миллион) — Р. О. Якобсон определил его как областное (крымское), времен белой оккупации; *лимон* — просторечное, устаревшее название, существовавшее у нас в 1920–1923 годах — «во время обесценения денег для обозначения денежного знака или суммы в миллион рублей» (Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. II. С. 62); *слимонить* (воровское аргю) «украсть». Эти слова нашли отражение в художественной литературе: «Малый со старухой, задыхаясь, тащит на веревке толстое бревно, откуда-то *слимоненное*» (Б. Зайцев. Улица св. Николая); «Чем же ты торгуешь? — Сигаретами, папиросами, а то *слимоню* што, так этим» (Л. Сейфуллина. Правонарушители). Другие обозначения: *лимард* «миллиард», *колокольчики* — деньги, выпущенные А. И. Деникиным на юге России; на крупной ассиг-

нации (1000 рублей), обрамленной георгиевской лентой, был изображен кремлевский царь-колокол; *катеньки* (100 руб.) с изображением Екатерины II; *петрухи* — царские бумажные ассигнации (500 руб.) с изображением Петра I; *думки*, *боны*, *крылатки*, *китайки*, *керенки*, *фазанчики*; *ермак* — донской денежный знак сторулевого достоинства; *сибирки* (казначейские билеты, заменявшие кредитки, их печатали в Екатеринбурге), *врангелевки*, *ленточки*, *галки* (деньги, выпущенные А. В. Колчаком), *косяк* (1000 руб.), *гривны*, *карбованцы* (выпущенные С. В. Петлюрой), *тамса* (крымские деньги). С. И. Карцевский называет также *ленинки*, *синенькие*, *радужные*, *интернационалки* (или *вавилонки*), *пятаковские деньги*, *верхотуровки* (деньги, ходившие в 1919 году в Чите; получили название по фамилии художника, их рисовавшего). Обесценение денег в годы гражданской войны называлось *нуллификацией*.

В разговорном обиходе белой армии бытовали слова: *плас-тинка* (вздорный слух; «утка»), *ревизия* (изъятие продуктов и одежды у населения), *солнышки*, *подсолнухи* (солдаты-калмыки, прозванные так за их круглые лица); *козя*, *козуня* (шуточное прозвище казаков), *лавочка* (круг близких к военному начальнику людей, связанных с ним дружбою, кутежами и проч.), *краснюк* (пленный красноармеец); *хап-граб-драп*: хапать, грабить, драпать; *дезик* (дезертир). Воинский быт породил устойчивую языковую формулу: «пьянство, буянство и окаянство». О резком сужении норм разговорной речи в офицерской среде белой армии можно прочесть в книге воспоминаний видного русского политического деятеля В. В. Шульгина (Дни. 1920-й год. М., 1989).

Эпоха гражданской войны и последующие за ней годы отмечены появлением новых перифрастических выражений. Часть из них сегодня требует разъяснений: *поцелуйные полки* (братающиеся), *Главноуспокаивающий* (А. Ф. Керенский), *власть во френче* (военная) и *в пиджаке* (гражданская), *тифозный танк* (бельевая вошь), *испанская болезнь* (грипп), *кофейная армия* (иронич. о белых), *химический офицер* (произведенный из простых казаков; за нехваткой настоящих погон, им чертили звездочки карандашом), *красная сыпь* (точки на карте, отмечающие районы восстаний), *выбиться из ленты* (выйти из затора поездов), *справлять революцию* (бездействовать, не рабствовать), *золотопогонные усмирители*, *стражи степи*, *зипунные рыцари* (белые казаки), *носители пернача* (пернач — атаманский жезл, то же, что и булава), *селянский министр* (В. М. Чернов), *карета скорой помощи* (дивизия дроздовцев), *третья сила* (эсеры), *летающие гро-*

бы (самолеты), аргентинская обезьяна (мясные консервы), одесский омут, крымская бутылка (последний этап российской контрреволюции), уроки Крыма и Одессы (бесславное бегство белых), *ежодь волков* (А. Г. Шкуро), *волки-шкурники* — солдаты в формированиях А. Г. Шкуро (многие из них носили папахи из волчьего меха), *мексиканские нравы* (разбой и насилие), *африканские генералы* (военные, получившие звания во время кутежей с донским атаманом Африканом Богаевским), *серые бароны* (латышские крестьяне), *Красный Верден* (Царицын), *камышевый элемент* (бродяги и дезертиры) и др.

После Февраля меньшевистское правительство в Грузии было прозвано русским военным офицерством «Кукурузной республикой» (Калинин И. М. Русская Вандея. С. 7), в свою очередь монархисты получили в грузинской печати прозвище *великодержавники*. Казачьи политические деятели называли их *единонеделниками* (от лозунга: «единая и неделимая Россия») (Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. С. 4).

Братоубийственная война ввела множество перифрастических выражений, заменивших слово *смерть*: *вписать, внести или вывести в расход, разжечь, чекнуть* (от ЧК), *угробоить, отправить на митинг* (у матросов: утопить офицеров), *снять, поставить к стенке, в штаб к Духонину* (как известно, адмирал Н. Н. Духонин был убит революционными матросами, несмотря на все усилия Н. В. Крыленко помешать этому убийству), *в Харьков, в конверт и на почту, на раскаяние, вырезать эпюлеты, ставить Георгия, фонарная деятельность* и др.

Известные стихи М. Волошина «Терминология» отразили этот круг наименований:

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,

«Списывали в расход» —

Так изменялись из года в год

Речи и быта оттенки.

«Хлопнуть», «угробоить», «отправить на плёшку»,

«К Духонину в штаб», «разменять» —

Проще и хлеще нельзя передать

Нашу кровавую трепку.

Правду выпытывали из-под ногтей,

В шею вставляли фугасы,

«Шли погоны», «кроили лампасы»,

«Делали однорогих чертей».

Любопытна аналогия с эпохой Великой Французской революции, отмеченная Полем Лафаргом: многие слова развивают пе-

реносные значения, обозначая смерть, казнь, уничтожение. Например: *fourneau* (букв. «полная печь») обозначало телегу, наполненную людьми, приговоренными к гильотинированию; *lanterne* (быть нерешительным, колебаться) — быть повешенным на фонаре, то же — танцевать карманьолу (Лафарг П. Язык и революция. М.-Л., 1930. С. 14). Гильотина называлась *национальной бритвой*. Быть обезглавленным значило «сыграть в жгуты» или «чихнуть в мешок»; процессия осужденных называлась «красной обедней» (Де Брок. Французская революция в показаниях современников и мемуаров. Пер. с франц. Под ред. Ф. И. Булгакова. СПб., 1892. С. 202–203), бассейн в саду Пале-Рояль, где топили подозрительных, получил название *национальной купальни* (Державин К. Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции // Язык и литература. Л., 1927. Т. II. Вып. 1. С. 54). «В ту эпоху, — писал известный французский филолог Ролан Барт, — языковая практика, как никогда в истории, оказалась связана с потоками лившейся крови» (Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 315).

Отметим ряд других слов и понятий, которым нашлись «соответствия в языковой жизни периода русской революции» (Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. С. 21; см. также: Русская речь. 1991. № 1. С. 86–102): *санкюлот, российская Вандея, вандейские войска* (казаки), *доморощенные шуаны, термидорианство, трибунал, преторианцы, декрет, Жиронда, Директория, нойады* (нуайады) — «утопление людей группами», *красный и белый террор* и др.

Очевидно, что словоупотребление времен гражданской войны оказало влияние и на последующие изменения в языке. *Беспощадная борьба, смотр революционных сил, авангард, идти на штурм* и др. испещряли страницы газет и журналов в 30-е и последующие годы. Неумеренное использование этих слов отмечено Г. О. Винокуром: «Поразительное упорство: всюду штаб» (Винокур Г. О. Культура языка. М., 1925. С. 83). «Развернешь газету, и голова идет кругом от фронтов и штурмов», — писал М. Кольцов (Правда. 1935. 5 мая). Вероятно, под влиянием строгих распоряжений военного времени, под влиянием военной команды «раз, два» стало употребляться сочетание *в два счета* в значении «очень быстро», «живо». Пережиток горячей поры военных действий, военного коммунизма представляют такие выражения: *овладевать оружием, приказ есть приказ*.

Среди новых слов появилось множество аббревиатур, которые замелькали в военных донесениях еще с начала первой миро-

вой, а затем они укоренились на газетных полосах, во всевозможных сводках и рапортах, проникли в повседневную речь. Круг их заметно расширился после Октября, и процесс этот, как известно, не исчерпал свои силы и по сей день. Приведем лишь некоторые из послеоктябрьских новообразований. Так, исполнительный комитет объединенного совета латышских стрелков, избранный I съездом представителей латышских стрелков в Риге 9–11 апреля 1917 года, получил сокращенное название *Искола-стрел*. С конца 1918 до мая 1919 года работал *Центркомдезертир* — Центральный комитет по борьбе с дезертирством, на местах действовали *Комдезы* — комитеты борьбы с дезертирством. В противоположность старому офицерству появились *красные командиры*, или *краскомы*. Это название было вскоре упразднено, а всех лиц, занимавших командные посты в РККА, стали называть *командирами*. В Красной Армии появились *военспецы*: так называли военных специалистов, служивших в старой армии и ставших работать на стороне советской власти.

Декретом Военно-революционного совета от 22 июля 1918 года был образован *Политотдел* с рядом отделений (агитационно-издательским, литературным), в июле–августе такие *политотделы* возникли и в ряде войсковых объединений. Среди сокращений: *продармия* (продовольственно-реквизиционная армия Наркомпрода РСФСР, созданная в голодную пору гражданской войны по опыту первых продотрядов); *продналог*, *продотряд*, *продразверстка*, *продком* (продовольственные комитеты — распределительные органы Наркомата продовольствия РСФСР).

С 1919 по 1921 год в речевом обиходе употреблялось слово *чусоснабарм* (чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной Армии).

9 мая 1920 года Всеукраинским Исполнительным Комитетом Советов был принят первый закон о комитетах беднейших крестьян (*Комнезамах*).

Несмотря на резкую критику аббревиатур как порождений революционного времени, развернутую уже в начале 20-х годов эмигрантской публицистикой, они во множестве бытовали и в белой армии, использовавшей как старый набор сложносокращенных слов, так и новые, образованные в ходе гражданской войны. Например: *Добрармия*, *Осваг* (Осведомительное бюро отдела пропаганды при «Особом совещании»); *УВО* (Украинская войсковая организация), *Громком* (Украинский громадский комитет), *Комуч* (Комитет Учредительного собрания, образованный в Самаре после занятия города чехами), *Всекосовет*, *инфот*, *политотдел*, *генкварм*, *осведарм*, *Осведверх*, *нарревармия*, *нарсоб*

(народное собрание), *реальдоб* (в разг. речи, шутл.: реализация добычи, то есть награбленного), *агиопоезд*.

Целый ряд сокращений был создан уже в эмиграции для обозначения «своего»: политических организаций, литературных объединений, благотворительных обществ, фондов и проч.

Словарь русской армии, оказавшейся за рубежом, не изучен. Известны немногие наименования, например: *галлиполийцы* (по месту расположения военного лагеря вблизи Стамбула), *галлиполийский* (перен. «жертвенный, священный, патриотический»: *галлиполийские знамена, идеалы; галлиполийец: «мученик»*). Военные белогвардейские лагеря в Галлиноли и на о. Лемносе прозвали *Кутепцей* (по фамилии генерала А. П. Кутепова). *Египтянами* называли русских эмигрантов «деникинской эвакуации», расселенных англичанами в Египте; *черной армией* — эмигрантские военные формирования в Германии. В константинопольском речевом обиходе бытовали слова *гардашничать* «любезничать» (тур. *гардаш* «брат»), *кемалисты* (сторонники Мустафы Кемала Ататюрка — лидера турецкого национально-освободительного движения). Русская константинопольская гимназия ввела в жаргонную речь турецкое *ёк* («нет»), которое затем было перенесено в европейские страны. В Югославии денежная помощь, получаемая русскими военными беженцами, имела наименование *размен* — так назывался пересчет донских и денкинских денег по выгодному курсу (см.: На чужой стороне. Прага, 1925. Т. XII. С. 152). «Тиграми» в шутку прозвали болгарские левы.

Символическими стали выражения «вернуться на белом коне» и «Кубанский поход продолжается» (призыв продолжать борьбу за рубежом). *Белым движением* стали называться все формы активной борьбы с большевизмом. «Кровавым перевозчиком» окрестила белогвардейская пресса громадный океанский пароход «Репид-паша», отвозивший партии казаков в Советскую Россию, многие из которых впоследствии были сосланы в лагеря (Калинин И. М. В стране братушек. М., 1923. С. 6).

Множество этих слов давно ушло в небытие. Но их породила эпоха войн и революций, и если они существовали даже недолго, значит, были необходимы, в них частица нашей истории, частица нашего языка.

Корней Чуковский

Переписка с московскими лингвистами *

II

В. В. Виноградову ¹

Дорогой Виктор Владимирович! Конечно, не мне, литератору, восхвалять Ваши научные заслуги. Только ученые могут судить об ученых. Но я никогда не забуду то чувство восхищения и радости, с которым я читал Вашу новаторскую, смелую книгу «Гоголь и натуральная школа» и другую такую же «Этюды о стиле Гоголя». Эти книги были для меня откровением. Впервые мне стало понятно, какой могучей становится литературная критика, оплодотворенная историко-филологическим методом. Такими же пленительно новыми были для меня Ваши классические книги о Пушкине — о его стиле и его языке. Я уже не говорю о том, что Ваше исследование «Русский язык» стало для меня, как и для всякого писателя, настольною книгой. Здесь во всей своей силе раскрылся Ваш особый талант тончайших формулировок каждого сложного языкового явления.

Выражая Вам сердечную благодарность от нас, литературных работников, я вместе с тем не могу не упрекнуть Вас за то, что в книжных магазинах нет собрания Ваших научных трудов, которые давно уже стали библиографической редкостью. Даже книга «Русский язык» недоступна новому поколению читателей. Дольше невозможно терпеть такое положение вещей. Если его не исправят филологи, в дело вмешаемся мы, литераторы!

13/1 65

Примечания:

1) Письмо печатается по машинописной копии, сохранившейся в архиве Чуковских; в копии отсутствует подпись под письмом.

В. В. Виноградов (1894/1895—1969) — выдающийся русский

* Начало см.: Русская речь. 1991. № 5.

филолог, академик, автор ряда фундаментальных работ по русскому языку, теории стилистики, языку и стилю русских и советских писателей. Письмо К. И. Чуковского написано в связи с юбилеем В. В. Виноградова — его семидесятилетием.

Т. Г. Винокур¹

[по почтовому штемпелю — 6.10.62]

Дорогая Т. Г. Я несказанно обрадовался Вашему письму. Вы и представить себе не можете, как сентиментально я любил Г. Винокура². Не раз мы бродили с ним (и С. М. Бонди³) по Неределкину и я с замиравшим сердцем слушал его чудесные речи — о Пушкине, о Медном всаднике. Мне очень хочется увидеться с Вами. К стыду своему только теперь, готовя новое издание своей книжки «Живой как жизнь», я имел возможность прочитать книгу Вашего отца «Культура языка» — и многое оттуда позаимствовать. Книжка моя разрослась — и надеюсь, в новом издании, очень исправленном, она больше понравится Вам; что же касается ругани, я к ней привык и верьте, она не изменит моего глубочайшего уважения к Вам⁴. В середине октября я буду дома (тел. Г 960.00 доб. 252). Привет Л. И. Скворцову и Леониду П. Крысину.

Ваш К. Ч.

Примечания:

1) Т. Г. Винокур — русист, доктор филологических наук, автор работ по стилистике русского языка; дочь Г. О. Винокура (см. след. примечание).

2) Г. О. Винокур (1896—1947) — языковед, пушкинист, автор работ по истории русского литературного языка, культуре речи, стилистике, словообразованию.

3) С. М. Бонди (1891—1983) — литературовед, пушкинист.

4) В своем письме Т. Г. Винокур сообщала о появлении в печати критики книги Чуковского «Живой как жизнь» и высказала Корнею Ивановичу некоторые собственные критические замечания по поводу этой его работы.

Т. Г. Винокур

[без даты; ориентировочно — октябрь-ноябрь 1962]

Дорогая Татьяна Григорьевна. — Я прочитал Вашу милую книгу¹. Книга очень изящная, чувствуется, что где-то за кулисами Вы проделали большую работу и могли бы каждую главу сделать в десять раз длиннее. Именно пропорциональность всех частей больше всего импонирует мне: нужны огромные запасы исподволь накопленных знаний, чтобы так умело распорядиться своим материалом — сказать главное и не сказать ничего лишнего. Книжка Ваша многому научила меня. Я не знал, что капуста происходит от *capitum*², что верблюд от готского *ulblandis*³, что первичное значение ноги — копыто⁴. Очень мне понравилось определение литературного языка на стр. 32, я не знал термина наддиалектный, очень смутно представлял себе судьбу буквы Ѣ.

Чтобы показать Вам, как внимательно я читал Вашу книгу, я приведу Вам свои микроскопические придирки:

На стр. 9 — четыре родительных и один творительный кажутся мне отступлением от Вашего стиля: «причины (чего?) неясности (чего?) характеристики (чего?) личности (кого?) Олега (кого?) летописцем». «Характеристика летописцем» — тоже недопустимое сочетание слов.

На стр. 33: «Элементы живой восточнославянской речи, в которой (?) проникли уже позднее». Не опечатка ли?

На стр. 50-й Вы говорите, что слово «народник» переосмыслилось в шестидесятых годах. Не в семидесятых ли? Ни у Чернышевского, ни у Добролюбова, ни у Писарева, ни у Варфоломея Зайцева такого осмысления нет.

Стр. 53. Слово стусhevаться не было новообразованием Достоевского. Оно существовало у чертежников — и было обычным в Инженерном училище, где он обучался. Д. [остоевский] только расширил его применение.

Не дадите ли Вы мне на короткое время книгу П. Я. Черныха «Очерк русской исторической лексикологии» (1956) и «Этимологический словарь» Преображенского?! Ради бога! Верну в целости!

Нужно ли говорить, как я рад возобновлению нашего знакомства. Мне так весело ассоциировать Вас с любимыми мною Львом Ивановичем, Леонидом Петровичем, Ел. Ив. и Э. Ханширой, я уж

но говорю о Вашем отце и Сергее Михайловиче [Бонди]. Пишу в ванной, где укрываюсь от индусов³.

Ваш К. Чуковский.

Примечания:

- 1) Книга Т. Г. Винокур «Древнерусский язык» (М., 1961).
- 2) Вероятно, имеется в виду лат. *sarutium* «кочан капусты» (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 188).
- 3) В действительности готск. *ulbandus* (см. словарь Фасмера. Т. 1. С. 293).
- 4) Исходное значение слов, лежащих в основе русского *кога* (а также родственных ему слов в других языках), — «коготь»; литовское *paḡa* значит «копыто» (см. словарь Фасмера. Т. 3. С. 78).
- 5) Последняя фраза письма станет вполне понятной, если иметь в виду, какое несметное число гостей и посетителей бывало у Чуковского в Переделкине.

Т. Г. Винокур

[без даты; ориентировочно — осень 1962]

Дорогая Т. Г. Отныне во всех изданиях «От 2 до 5» лучшей жемчужиной книги будет:

— Мама, не кривляй русский язык!¹

Все мои отношения к Вам выражаются многократными спасибо. На этот раз спасибо за Черныха², за Гришу (не кривляй, целоваешь), за записку Л. П. Крысина, за вторую «Правильность русской речи». (С. И-чу³ послал особую благодарность).

Книга моя «Живой как жизнь» (2^е изд.) до сих пор не включена в план издательства и поэтому я не имею возможности отдать ее на рецензию «могучей кучке» ИРЯ⁴.

Обещают на днях привести это дело в ясность. Главное спасибо за Ваше доброе дружеское отношение ко мне. Привет Вашим («семье Г. Винокура»).

Ваш К. Чуковский.

Примечания:

- 1) К. И. цитирует высказывания маленького сына Т. Г. Винокур, присланные ею Чуковскому.
- 2) См. предыдущее письмо.

3) С. И. Ожегов, под редакцией которого вышел словарь-справочник «Правильность русской речи» (М., 1962). По забывчивости авторы подарили эту книжку Корнею Ивановичу дважды.

4) ИРЯ – Институт русского языка.

Е. А. Земской¹

27.1.64

Дорогая Елена Андреевна!

Спасибо за книгу и за надпись на ней². Книга многому научила меня. Я читал ее с завистью. Языковед-самоучка, я всю жизнь завидовал профессиональным лингвистам, умеющим так тонко формулировать свои наблюдения над речью. Очень заинтересовали меня «Слова беззаконники»: в них нашел я ценный материал для нового издания одной своей книжки (есть у меня такая книжка: «От двух до пяти»), но больше всего пришлось мне по душе глава «Капризы суффиксов и приставок» – об ограничении сферы суффикса «н» и о том, как предлог преобразуется в приставку (в таких словах, как Поволжье, настольный и проч. – «Способы построения»).

Вопрос у меня есть только один: можно ли ставить в один ряд два слова: «раскрасавица» и «разумница»? Ведь разумница про[изо]шла от слова «разум», где у предлога³ раз другая функция (79). На 80-й стр. – там, где Вы говорите о приставке ультра, не нужно ли сказать о том, что слово ультра стало теперь существительным («французские ультра»). Мне кажется, что предложенный Вами экзерсис (на стр. 86) я выполнил верно:

1. Занос, понос, поносить, взнос и т. д.

2. Носоглотка, носатый, длинноносый.

Еще раз спасибо. Книга стройная, отлично написанная. Очень хотелось бы познакомиться и с другими Вашими работами.

Ваш К. Чуковский.

Примечания:

1) Е. А. Земская – русист, доктор филологических наук, автор работ по словообразованию и русской разговорной речи.

2) Е. А. Земская прислала К. И. Чуковскому свою книгу «Как делаются слова» (М., 1963).

3) Оговорка Корнея Ивановича; надо – «у приставки раз-».

Е. А. Земской

30.3.64

Дорогая Е. А. Вы балуете меня своим вниманием и своими ласковыми надписями на Ваших статьях.

Конечно, я с жадностью прочитал Ваши комментарии к исследованиям Якова Грота¹ и вновь подивился (и позавидовал) Вашей эрудиции. Если бы я был раньше знаком с этим Вашим трудом, я написал бы несколько иначе первую главу своей книжки «Живой как жизнь».

В Гроте меня всегда изумляла одна черта его умственной жизни. Как филолог он был умен, тонок, проныцателен, а как переводчик, стихотворец, автор статей на общие темы — он туп, беспомощен, бесцветен. Конечно, в переписке с Плетневым он значительно выше своего влиятельного друга, но это потому, что влиятельный друг был совершеннейший олух («святой исполненный мечты»)².

Ваша статья о речевых приемах комического разрослась в целое исследование о природе юмора вообще³. Статья глубокая, отлично оснащенная (как всегда у Вас) десятками ценнейших примеров. Но, конечно, статья эта была бы значительно лучше, если бы Вам была возможность включить в нее произведения Зощенко. Этой возможности у Вас не было⁴, и Вы лишь мимоходом упоминаете классическую работу ВВВ [В. В. Виноградова]⁵, которая, помню, очаровала меня точностью формулировок, богатством наблюдений. Всё то, что я ощущал, читая произведения Зощенки, но не умел выразить никакими словами, В. В. В., вооруженный своей чудотворной лингвистикой, выразил четко и метко, — без всякой натуги, и я [мне] до сих пор запомнилась его неотразимая формула, что все отклонения от языковых литературных норм всегда воспринимаются читателем на фоне этих норм и без этого фона не существуют. Поэтому всякое художественное произведение, опирающееся на диалектизмы, двусмысленно.

Мне кажется, Вам следует издать Вашу статью отдельно, включив туда великого советского юмориста Михаила Зощенко, без которого все Ленчи и Сергеи Васильевы неправомерно разрастаются из пешек в короли и ладьи. Статья очень ценная, в ней на каждой странице ощущается дух ВВВ — и жалко, если она затеряется в специальном малочитаемом сборнике.

Третья Ваша работа — о прилагательных — заинтересовала меня больше всего; и поэтому я отложил ее прочтение до более

свободного времени, ибо сейчас я дьявольски задушен корректурами: сразу нахлынули [на] меня корректуры собрания моих сочинений и «Высокого искусства» (об искусстве перевода). Выпозу я из-под этих корректур лишь к концу августа — и то дай бог! Тогда у меня будет право читать.

Простите, что письмо вышло у меня такое неуклюжее: пишу впопыхах, так сказать, контрабандой.

Привет Ханпире, Крысину, Скворцову, Винокур, Голановой, Шварцкопфу⁶.

Ваш Корней Чуковский.

Примечания:

1) Я. К. Грот (1812—1893) — русский филолог, автор работ по истории русского языка, лексикологии и лексикографии, орфографии и др. Е. А. Земская прислала К. И. Чуковскому свою работу «Из истории русской литературной лексики XIX века. (К изучению научного наследия Я. К. Грота)» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1957. Т. 4. С. 5—64.

2) Имеется в виду П. А. Плетнёв (1792—1865) — поэт, критик.

3) См.: Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 215—278.

4) К. И. Чуковский намекает на опалу, в которой находился М. М. Зощенко после известного постановления ЦК ВКП(б) 1946-го года, на запрет публиковать его сочинения и печатно упоминать его имя.

5) Имеется в виду работа В. В. Виноградова «Язык Зощенки», опубликованная в сборнике «Михаил Зощенко. Статьи и материалы» (Л., 1928).

6) Научные сотрудники Института русского языка АН СССР.

Э. И. Ханпире¹

[17.1.69]

Милый Ханпира. В конце декабря со мною первый раз в жизни приключился свирепый сердечный припадок, после чего меня уложили на весь январь в постель, запретив двигаться, писать, разговаривать, читать. Сегодня (17-го) я чувствую себя несколько лучше — и пытаюсь ответить Вам на Ваше письмо. Пишу лежа тайком от врачей.

Внимательно (по несколько раз) прочитал каждое стихотворение Ч-ва². При всём сочувствии к его творчеству (вернее, к тем возможностям, какие таятся в нём) я должен сказать, что его стихи не только не детские, но антидетские. Возьмите самое длинное из них «Кто из чего». Ведь только взрослому понятен биологический термин «клетка». Из-за того, что взрослому известно двойное значение этого слова, ему смешно, что ребенок мог смешать оба значения. Но ребенок ведь не знает биологического термина, поэтому изображённое в стихах недоразумение ему не смешно. Это стихотворение о ребенке, но не для ребенка. То же самое можно сказать и о ст. [ихотворении] «У меня [прэб.] брат». Этот анекдот о катастрофе, которая могла произойти, если бы ребенок довел до конца свой фантастический план,— тоже характеризует для взрослых некоторые особенности детской психики.

«Знакомая ворона» тоже предлагает нам любоваться ребенком, который обещает вороне неприкосновенность на том основании, что он считает ее среди своих знакомых. Самому ребенку такое любование не свойственно. Это опять-таки взрослый подход к теме.

Тот свежий образ, который нравится Вам:

[Дымку?] леса, рощу, сад
Кто-то обмакнул в закат,

становится в моих глазах ценным лишь с той минуты, как я приму стихотворение «Осень» за стих-[отворен]ие для взрослых. Из всех стихотворений Ч-ва «Осень» наиболее безупречно, в нем нет никаких формальных недостатков. Жаль, что оно написано не для детей.

У меня в кн.[иге] «От двух до пяти» есть заповеди для детских писателей. Этих заповедей т. Ч-ов явно не читал. Очень возможно, что многим, кто хочет писать для детей, заповеди мои кажутся вздором; вероятно, они такие и есть, но в таком случае авторам не нужно обращаться за советом ко мне.

Наряду со стихотворением «Осень» можно поставить «Веселое утро». Но в «Утре» есть одна необъяснимая странность. Почему первые четыре строки — хорей, а остальные почти все — ямб? Этот срыв ритма ничем не оправдан и не находится ни в какой зависимости от сюжета. Мое мнение (подлежащее апелляции): автор талантлив, но пишет вслепую, наугад, на ура. Это печально, так как даже неудачным его стихам свойственно

одно качество (правда, в зародыше): изящество, грациозность. Качество редкое и ценное. Оно очень пригодится ему, если он примется за дело всерьёз.

Пожалуйста, сообщите, как отпелся он к моим замечаниям. Или пусть напишет мне он сам. Я не пишу ему, так как написать два письма в один день мне запрещено. Передайте ему привет.

Жалею, что свидание с Вами и нашими друзьями-филологами откладывается до моего — весьма проблематичного — выздоровления. Обнимаю их от всей души. Танюшу³ целую трижды.

Ваш К. Чуковский.

Примечания:

1) Э. И. Ханпира — русист, кандидат филологических наук, в 60-е годы научный сотрудник Института русского языка; тогда же опубликовал ряд научно-популярных статей о русском языке, с которыми знакомил Корнея Ивановича. Несколько писем К. И. Чуковского к Э. И. Ханпире опубликованы в сб. «Воспоминания о Корнее Чуковском». (М., 1977. С. 323—334). Помещаемое здесь письмо примечательно тем, что тяжело больной Чуковский находит в себе силы и желание подробно разобрать просчеты и достоинства стихов совершенно неведомого ему начинающего автора.

2) Э. И. Ханпира прислал К. И. Чуковскому стихи своего знакомого с просьбой отозваться о них.

3) Т. Г. Винокур.

*Вступительная заметка, публикация и
комментарии Л. П. Крысина ©*

Декolonизация, деполитизация...

В. М. Лейчик,
доктор филологических наук

В конце 80-х — начале 90-х годов нашего столетия в русском языке появилось много существительных и глаголов с приставкой *де-*. Печать переполнена словами *демонополизация*, *десовегитизация*, *дефедерализация* и др.

Широкий приток слов с приставкой *де-* вполне объясним в период, когда пересматриваются подходы к определенным установкам в обществе. Дело в том, что приставка *де-* означает не только отрицание, но и устранение чего-либо, лишение признака, который был ранее присвоен предмету или явлению. Поэтому обычно вначале появляется слово, которое обозначает присвоение некоторого признака, что выражается корнем с суффиксом *-изация*, *-изировать* (*колонизация*, *национализировать*), а затем — слово, которое обозначает устранение, ликвидацию этого признака (*деколонизация*, *денационализировать*).

Правда, следует сразу же сказать, что, во-первых, в языке может не встречаться исходное слово, относящееся к внедрению предмета или его признака, так как это слово по каким-либо причинам не было в свое время актуальным (*десталинизация* при отсутствии слова *сталинизация*), а, во-вторых, не все слова с приставкой *де-* включают в свою структуру суффикс *-изация*. Встречаются, однако реже, слова с другими суффиксами действия: *деэскалация*, *демонтирование*, *демонтаж*.

Не следует думать, что модели рассматриваемых слов возникли лишь в последнее время. Приставка *де-* восходит к латинскому языку, в котором она использовалась в глаголах в нескольких значениях. Первые слова с суффиксами *-изация*, *-изировать* были заимствованы русским языком из французского, где они создавались в основном в XVII—XVIII вв., а глаголы и связанные с ними существительные с добавлением приставки *де-* получили широкое распространение во французском, а затем и в русском языке в конце XVIII — начале XIX веков: *децентрализация*, *децентрализовать*, *демобилизация*. Из французского же языка пришли слова с вариантом этой приставки *дез-*, которая

появляется в тех случаях, когда корень начинается с гласного звука: *дезинтеграция, дезимформация*.

В последующее время число слов с приставкой *де-* медленно возрастало во всех языках, которые осваивают интернационализмы, основанные на латинских и греческих элементах: *дестабилизировать, дезорганизация*, причем не всегда значения слов с приставкой и без нее являлись антонимами: *морализировать — деморализовать*. Некоторое ускорение процессу создания и внедрения слов с приставкой *де-* придала победа союзников во второй мировой войне, в конце которой появились слова *денацификации, демилитаризация*, что было связано с необходимостью разрушения военного потенциала фашистской Германии. Как правило, новые слова с приставкой *де-*, возникшие в современных языках, становились интернационализмами: *девальвация, дезавуировать*.

И вот теперь мы стали свидетелями того, как вместе со стремительным процессом отрицания и разрушения в нашей стране прежних государственных, общественных и идеологических установок начали образовываться в русском языке слова с приставкой *де-*: *дебюрократизация, деполитизация, департизация*. Будучи специфически «нашими», характерными для внутренней ситуации Советского Союза, эти слова не становятся интернациональными. Многие из них будут даже непонятны в других странах, как, например, *декоммунизация*. Есть даже *деправдизация* (Правда. 1991. 29 янв.) Если до сих пор слова с приставкой *де-* включали заимствованный корень, то здесь мы имеем дело с исконным, так что модель «де+корень+суффикс действия» полностью ассимилировалась русским языком. При этом слова с приставкой *де-* существуют рядом со словами с приставкой *раз-*, которая сочетается с русским суффиксом *-ние (-ание)*: *разгосударствление, раскрестьянивание*.

Важнейшим признаком современных русских слов с приставкой *де-* является их эмоциональная окрашенность. Почти все они несут печать ярко выраженного субъективного — положительного или отрицательного — отношения человека, создавшего или использующего это слово, к соответствующему предмету или явлению. Вот как оценивается термин *деидеологизация* одним из членов КИСС: «...ясное дело, деидеологизация сейчас может быть только одной — это принесение социалистических интересов, целей и ценностей в жертву буржуазным» (Правда. 1991. 4 февр.). И понятно, что слова с приставкой *де-* возникают сейчас в основном в сфере общественно-политических терминов,

Огосударствление и разгосударствление

Эр. Хан-Пира,
кандидат филологических наук

Автор письма, пришедшего в «Русскую речь», спрашивает, верно ли образованы слова, которые сейчас у всех на слуху: *огосударствление, разгосударствление*, и какой слог в них ударный.

Эти вопросы интересуют многих. Немало людей слышали и прочитали *огосударствление* только сейчас. Немало и тех, кто встречал это слово, когда изучал историю ВКП(б) — КПСС, да вабыл его. А между тем оно было очень актуальным во время известной дискуссии о профсоюзах (конец 1920 — начало 1921 года). «Лозунгом троцкистов было немедленное огосударствление профсоюзов. Они требовали превращения профсоюзов в придаток государственного аппарата, сращивания их с государством...» (История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1977. С. 299—300). Л. Д. Троцкий и его единомышленники настаивали на превращении профсоюзов в государственную организацию.

Попутно заметим: то, что тогда не удалось троцкистам, позже без дискуссии осуществили, как это теперь осознано, сталинсты.

Из толковых словарей русского языка только один заметил слово *огосударствление*. (Нет этого слова ни в Орфографическом словаре русского языка, ни в Орфоэпическом словаре русского языка.) В восьмом томе Словаря современного русского литературного языка находим: «Огосудáрствить. См. Огосудáрствли-*вать*», «Огосудáрствливать... несов.; огосудáрствить... сов.; перех. Передавать в собственность и ведение государства; национализировать. *Огосударствление предприятия*». «Огосудáрствление. Действие по знач. глаг. огосудáрствить». И единственный пример на употребление этого слова взят из доклада В. И. Ленина 11(24) января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов: «И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: „банки объявляются национальной собственностью“, — произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти». Возможно, *огосударствле-*

ние и появилось-то в речи Ленина. Не исключено, что оно образовано прямо от прилагательного *государственный*, минуя глагольную ступень (череступенное словопроизводство), по аналогии с *оживление*, *омертвление*, *окисление*. Ср. употребленное Лениным в работе «Развитие капитализма в России» слово *раскрестьянивание* при отсутствии *раскрестьянивать*.

Несомненно, что огосударствление банков, т. е. их национализация, это не то же самое, что огосударствление профсоюзов. В последнем случае *огосударствление* вряд ли синонимично *национализации*. Банки, заводы, фабрики, шахты могут стать государственной собственностью, а профсоюзы не могут стать государственной собственностью. Поэтому говорят о национализации банков, заводов и т. п., но не говорят о национализации профсоюзов и других общественных организаций. Видимо, *огосударствление* имеет два значения: 1) превращение негосударственной собственности в государственную и 2) превращение в элемент государственной системы, подпадение под государственное ведение, управление.

Огосударствление в первом значении («передача в государственную собственность») не стало популярным, не выдержав конкуренции со словом *национализация*. И это несмотря на то, что в 20-е годы появилось еще одно, омонимичное известному, слово *национализация*, которое Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова пояснял так: «Организация чего-н. на национальных основах, силами данной национальности (нов.). Н. аппарата, Н. прессы, Н. школы». Словарь не рассматривал это значение как значение нового слова, т. е. констатировал не факт омонимии, а появление многозначности слова *национализация*, что, по-моему, неточно потому, что у этих двух слов нет общих сем.

Огосударствление во втором значении («превращение в элемент государственной системы»), пробыв недолгое время актуальным, затем стало воспроизводиться только в текстах, посвященных эпизоду партийной истории. В самые последние годы, когда было осмыслено, что у нас на протяжении десятилетий не государство существовало для человека, а человек — для государства, когда в десятках печатных и устных выступлений было показано всемогущество, всевластие административно-командной системы, когда существовавший режим был прямо назван тоталитарным, тогда актуализировалось слово *огосударствление* во втором значении: заговорили об огосударствлении разных сфер жизни общества при тоталитарном режиме. Отто Ладис констатирует: «Не только в годы сталинского правления, когда реаль-

ное положение большинства населения было либо рабским (у заключенных), либо крепостническим (у лишенных паспорта колхозников) но, в последующие десятилетия наш огосударствленный социализм не показал решающих преимуществ перед иным строем. И дальше: «Вернемся еще раз к анализу нашего социализма. В чем его главная болячка? В чрезмерном огосударствлении всего и вся» (Известия. 1991. 11 марта). А когда речь зашла о выкупе промышленных и торговых предприятий трудовыми коллективами, о передаче государственной собственности в частные руки, появилось слово *разгосударствление* и стало употребительным *приватизация*. Первого нет ни в одном словаре. Видимо, оно создано на наших глазах. И, наверное, тоже минуя глагольную ступень, по аналогии с *вооружение — разоружение*, *окисление — раскисление*. При этом антонимичное, противоположное по смыслу слову *разгосударствление* слово *огосударствление* актуализируется в первом своем значении.

Приватизация есть в Словаре иностранных слов: «Приватизация... — в буржуазных странах — передача (продажа) принадлежащих государству предприятий, средств транспорта, жилых зданий и т. п. в частную собственность».

Как же соотносятся *разгосударствление* и *приватизация*? Каждый факт приватизации есть факт разгосударствления, но не каждый факт разгосударствления есть факт приватизации. Передача предприятия в собственность акционеров или в коллективную собственность не приватизация. Поэтому вряд ли правильно часто встречающееся использование слов *разгосударствление* и *приватизация* как синонимов.

Обращает на себя внимание неупотребление применительно к процессу, происходящему у нас, термина *денационализация*. Возможно, это объясняется тем, что денационализация понимается как возврат ранее национализированной собственности прежним владельцам или вообще передача в чью-то частную собственность государственной собственности (промышленных предприятий, банков и т. д.).

Итак, сформировалась лексико-семантическая группа в составе слов *огосударствление* (в 1-м значении), *разгосударствление*, *приватизация*. Первые два слова связаны отношениями противоположения (антонимии), второе и третье — отношениями рода и вида. На окраине этой группы расположены слова *национализация*, связанное отношениями тождества (синонимии) с словом *огосударствление*, и *денационализация*, антонимичное *национализации*.

Ноль и нуль в современной русской речи

В. Н. Немченко,
доктор филологических наук

В современной лингвистике бытует мнение, что разные варианты — *ноль* и *нуль* — «разошлись в сфере употребления»: *ноль* «закрепился в обиходной речи и в ряде устойчивых сочетаний: *ноль внимания, ноль без палочки*», а *нуль* господствует «в терминологии так называемых точных наук», а также «во многих фразеологизмах: ... *свести к нулю, низводить до нуля, начинать с нуля*» (См.: Тарабасова И. И. *Ноль и нуль* // Вопросы культуры речи. М., 1955. № 1. С. 232, 234 и др.; Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966. С. 26; Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978. С. 134; Мадоян Н. Г. О некоторых вариантах слов // Русский язык в армянской школе. Ереван, 1981. № 2. С. 31). По словам К. С. Горбачевича, «свободное варьирование *нуль* и *ноль* наблюдается практически только: а) при обозначении цифрового знака: *нарисовать ноль (нуль)...*; б) в переносном значении (о ничтожном человеке, о чем-либо несущественном, ничтожно малом...; в) в сочетании со словами: *стричь, стрижка, постригать* и т. п.» (Указ. работа. С. 135). И. И. Тарабасова обращает внимание еще и на некоторые формальные условия, влияющие на выбор варианта данного слова: «Интересно отметить, что в современном русском языке *нуль* — *ноль* функционируют не только как лексические варианты, но и как формы одного слова. За последнее время стали наблюдаться случаи употребления в именительном падеже (при ударном гласном *о*) варианта *ноль*, а в косвенных падежах (при безударном *о*) — варианта *нуль*» (Указ. статья. С. 233).

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что выбор того или иного варианта слова *ноль* — *нуль* зависит прежде всего от тех фонетических условий, в которых оказывается его корневой гласный. Данный вывод убедительно подтверждается количественным соотношением (частотами) разных вариантов описывае-

мого слова в разных падежных формах. Из зафиксированных нами 2778 случаев употребления обоих вариантов в форме именительно-винительного падежа единственного числа (т. е. в форме с ударением на корневом гласном) вариант *ноль* употреблен в 2702 случаях, что составляет 97,3%, а вариант *нуль* — только в 76 случаях, что равно 2,7%. Во всех остальных формах (т. е. в формах с безударным гласным корня) вариант *ноль* употреблен всего лишь в 292 случаях из 1092 (26,7%), а вариант *нуль* — в 800 случаях (73,3%).

При отсутствии ударения на корне, как правило, встречается вариант с гласным *у*. Так, производные прилагательные с суффиксом *-ев (ой)* употребляются с гласным *у* в корне: *нулевой*; вариант с гласным *о* встретился всего лишь в двух случаях из 496 (оба раза в художественной литературе): «Мы все были подстрижены *нолевой* машинкой» (А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга); «Профессор зарядил ружье патронами с *нолевой* дробью» (И. А. Араимлев. Кровью сердца). Во всех остальных 494 случаях употребляется вариант с гласным *у*, например: «Стрижка бывает разная. Есть *нулевая*, есть под гребенку, есть под бокс, есть с чубчиком» (В. П. Катаев. Сын полка); «На прошлой неделе мотор пошел, как говорят производственники, в *нулевую* серию» (Правда. 1986. 30 дек.); «В Москве... ночью *нулевая* температура» (Телепередача «Время» 1988. 9 апр.). Только с гласным *у* в безударном положении употребляются все остальные производные с данным корнем: *нулизовать*, *нулизироваться*, *нулизация*, *нульпрефиксальный*, *нульсуффиксальный*, *нульсложно-нульсуффиксальный*, окказиональное *онулировать*; в научной литературе упоминается еще производное слово *вануление* (см.: Тарабасова Н. И. Указ. статья. С. 234).

Наши наблюдения дают основание утверждать, что на выбор варианта слова *ноль* — *нуль* оказывает влияние не только место ударения, но и характер гласного послекорневого ударного слога. Выбор варианта зависит также от того, какие гласные употребляются в предшествующих словах. Нами обнаружены многочисленные случаи, когда в речи одного и того же говорящего разные варианты рассматриваемого слова в одной и той же грамматической форме (в род. падеже ед. числа) употребляются после разных слов, например, один из них после предлогов с гласным *о* (варьирующимся в зависимости от фонетической позиции), другой — после знаменательных слов с гласными *ы* или *и*. Об этом говорят примеры из речи дикторов и сотрудников Гидрометцентра в сообщениях о прогнозах погоды в программе «Время»: «температура ... от *ноля* до шести градусов тепла» — «тем-

пература... *ниже нуля*» (27 ноября 1987 г.); «в столице дневная температура повысится *до нуля* — минус пяти» — «температура воздуха ... *ниже нуля*» (9 ноября 1988 г.); «температура ... *около нуля*» — «в Москве днем ... один — три градуса *ниже нуля*» (21 февраля 1987 г.); «*около нуля* градусов» — «*выше нуля*» (13 октября 1989 г.); «в Москве... температура *от нуля* до трех градусов тепла» — «в Приморском крае *около нуля*» — «температура... *ниже нуля*» (8 февраля 1990 г.). Характерно, что с предлогами *от*, *до* как правило употребляется *ноля*, а вот после трехсложного предлога *около* в одном и том же тексте встречается и вариант *нуля*. Например: «в Молдавии *от нуля* до трех градусов тепла» — «в Литве *около нуля*» (3 ноября 1986 г.); «днем *от нуля* до семи градусов тепла» — «днем *около нуля*» (21 марта 1988 г.); «в среду потерпел *до нуля* — плюс трех» — «температура *около нуля*» (15 января 1990 г.).

Итак, в устной речи, по нашим наблюдениям, заметно преобладает вариант *ноль* (85,5%). Это в значительной мере объясняется тем, что в устной речи данное слово используется преимущественно в форме именительного падежа единственного числа. Например, когда речь идет о количестве очков в спортивных состязаниях, встречается только эта форма; при обозначении времени суток (часов и минут) употребляется тоже *ноль*, как правило, в форме именит. падежа ед. числа; преобладает эта форма и при определении температуры в градусах, и в некоторых других случаях. В письменной речи, наоборот, частота варианта *нуль* в несколько раз превышает частоту варианта *ноль*, что в известной мере объясняется более частым употреблением данного слова в формах косвенных падежей. В частности, *нуль* заметно преобладает в составе терминологических словосочетаний в лингвистической научной литературе (88,8%).

Интересно проследить колебания в употреблении *ноль* — *нуль* в составе устойчивых словосочетаний. В именительном падеже, с ударением на корневом гласном мы встретим *ноль*, в остальных случаях обычно используется вариант *нуль*. Например: *ноль внимания*, *ноль без палочки*, *свести на ноль*, *сойти на ноль*, *стричь*, *остричь под ноль*, *но начать*, *начинать с нуля*, *свести*, *сводить к нулю*. Есть, правда, и отклонения от этой закономерности, когда в именительном или винительном падежах ед. числа используется только вариант *нуль*: *абсолютный нуль*, *обращаться в нуль*.

Даже в одном и том же устойчивом словосочетании, употребляемом в разных синтаксических вариантах (с разными предложно-падежными конструкциями), слово *ноль* — *нуль*, в зави-

симости от падежной формы и, соответственно, словесного ударения, употребляется с разными гласными в корне. Ср., например, упомянутые выше словосочетания: *свести на ноль* и *свести к нулю*. Употребляемые в речи журналистов (в выступлениях о ракетно-ядерном разоружении) устойчивые словосочетания типа *двойной ноль (нуль)*, *глобальный ноль*, *полный ноль*, *постоянный ноль*, *ядерный ноль* в форме им.-вин. падежа ед. числа встречаются и с *ноль* и с *нуль*, в то время как в формах остальных падежей — только с *нуль*, например: *двойного нуля*, *глобального нуля*, *полного нуля*, *ядерному нулю*, *с двойным нулем*, *о двойном нуле*, *о глобальном нуле*.

В заключение можно констатировать, что варьирование слова *ноль — нуль* носит не абсолютный, а вероятностный характер. В большинстве из рассмотренных случаев, в разных конкретных сферах употребления данного слова, при одних и тех же его значениях допускается свободное его варьирование, использование разных вариантов; можно говорить лишь о преобладании, предпочтительности того или другого варианта в зависимости от фонетических условий употребления этого слова. (О вариантах *ноль — нуль* см. также статью С. И. Виноградова в журнале «Русская речь». 1980. № 1. С. 77.)

Нижний Новгород

Трудные случаи грамматики

Где корень в словах *зависть* и *ненависть*?

В. А. Филатов,
кандидат филологических наук

В «Школьном словообразовательном словаре» З. А. Потихи (М., 1964) морфемная структура слов *ненависть* и *зависть* представлена следующим образом: *ненависть*/□, *зависть*/□. Как видим, первое слово состоит из корня и нулевого окончания, второе же — из корня (*завис-*), суффикса (*-ть*) и нулевого окончания. В другом словаре аналогичного типа (См. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978) слова *ненависть*, к сожалению, нет, а слово *зависть* характеризуется как состоящее из непроизводной основы (т. е. корня) и нулевого окончания. Таким образом, этот словарь совсем иначе, чем первый, представляет морфемный состав слова. Как же быть? Сведениям какого словаря отдать предпочтение?

Прежде всего следует отметить, что слова *ненависть* и *зависть* являются этимологически родственными.

Слово *ненависть* образовано от глагола *ненавидеть* в значении: «испытывать чувство сильной вражды, неприязни». Однако данное значение является у слова вторичным, в то время как первичным, древнейшим значением этого глагола было: «не хотеть видеть кого-либо или что-либо». Глагол *ненавидеть* был известен еще в общеславянскую эпоху, он образовался при помощи присоединения отрицания *не* к праславянскому глаголу *навидѣти* «охотно смотреть», который стал употребляться в переносном значении «любить» (ср. украинское областное *навидіти* — «любить»; чешское *navist* — «любовь»; польское *nawidzieć* — «охотно, с радостью смотреть»). Слово *навидѣти* образовалось от глагола *видѣти* при помощи приставки *на-*, который в свою очередь восходит к слову *вид*.

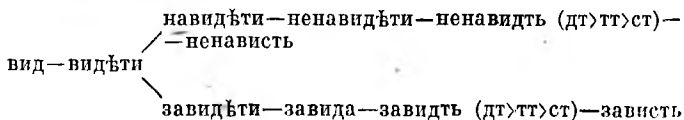
Слово *ненависть* — суффиксальное образование от глагола *ненавидѣти* при помощи древнерусского, а ныне мертвого суффикса *-ть*. Первоначально оно имело такой вид: *ненавидѣть*. Затем на стыке корня и суффикса произошла ассимиляция: корневой согласный уюдоби́лся суффиксальному по глухости — *ненави́тъ*. А в результате последующей диссимиляции по способу образования и появился тот вариант, который существует сейчас — *ненависть*. Все это нашло отражение в некоторых этимологиче-

ских словарях (см., например: Цыганенко Г. Н. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970).

В результате того, что лексическое значение слова *ненависть* значительно отошло от значений слов *вид* и *видеть*, в его морфемной структуре произошло опрощение, и слово стало восприниматься как непроеизводное, состоящее лишь из корня и нулевого окончания. Оно образовало отдельное, самостоятельное гнездо родственных слов — *ненависть*, *ненавистник*, *ненавистница*, *ненавистный*, *ненавистно*, *ненавистнический* и др. (См.: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. М., 1985. С. 662).

Аналогична судьба и слова *зависть*, которое было известно еще в общеславянскую эпоху и сейчас является общим для большинства славянских языков. Оно также образовано при помощи суффикса *-ть*, но только не от глагола, а от существительного *завида*, которое в свою очередь происходит от глагола *завидѣти* — «завидовать», восходящему к *видѣти* и, наконец, к слову *вид* (см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975. С. 152).

Таким образом, еще в древности произошли следующие параллельные образования:

И еще тогда, в древности, морфемные структуры этих слов (*зависть* и *ненависть*) подверглись опрощению, и слова стали восприниматься как непроеизводные, образовав самостоятельные гнезда родственных слов (ср.: *зависть*, *завистливый*, *завистник*, *завистливо*, *завистница* и др.). Поэтому в настоящее время в этих словах следует выделять лишь корень и нулевое окончание.

Нужно отметить, что аналогичную судьбу имеют и некоторые другие существительные: *вѣсть* (образовано от *ведать*), *власть* (образовано от *владеть*), *область* (от *обладать*), *повѣсть* (от *повѣдать*), *страсть* (от *страдать*), *пропасть* (от *пропадать*), *пасть* (от *падать*) и др.

ВОСКРЕШЕНИЕ СЛОВА

А. Н. Литвиненко

В широком обиходе уже прочно утвердилось понятие «язык перестройки». Ему посвящены исследования целого ряда отечественных и зарубежных филологов, которые подтверждают, что этот язык характеризуется новым стилем выражения, большей свободой выбора слов, отказом от языковых табу и эвфемизмов, стремлением преодолеть невыразительность и сухость изложения, разнообразить устную и письменную речь.

Правомерно ставить вопрос и о существовании «языка застоя», как антипода «языка перестройки». Прежние десятилетия утвердили в русском языке пласт рутинного канцелярита, породили в нем множество речевых штампов, создали целое искусство бессмысленных высказываний, которые Д. С. Лихачев метко назвал «административным враньем». С началом перестроечных процессов в нашем обществе стали на глазах меняться словоупотребление, выбор и характер средств русского языка.

Однако и эти процессы подвержены старым болезням. Некоторые слова и выражения быстро теряют свой изначальный смысл и превращаются в штампы: *глубокие перемены, кардинальные изменения, живой заинтересованный разговор* и др. Стремление говорящих и пишущих обновить и разнообразить свой лексикон приводит иногда к появлению множества паронимических образований, в оттенках значений которых трудно разобраться даже специалисту-филологу: *демократия, демократизм, демократичность, демократизация; конкретность, конкретика, конкретизм; кооператор, кооперативщик и даже кооператорщик*. Подхваченные средствами массовой информации, подобные примеры входят в массовое и не всегда адекватное употребление.

Слова и выражения для обозначения новых и изменивших свое содержание старых понятий — это клетки, составляющие материю языка. Они появляются и отмирают. Буквально каждый день приносит оптимистические симптомы оживления языка,

воскрешения тех его сил, которые неподвластны политической конъюнктуре и не устаревают.

По мнению Д. С. Лихачева, вечными в применении к историческому времени следует считать непреходящие духовные ценности, относящиеся к сфере религии и культуры. Устная и письменная языковая традиция сохранила сотни выражений библейского и церковнославянского происхождения, обладающих огромным духовным потенциалом. Однако до недавнего времени использовался в основном лишь хрестоматийный набор слов и выражений, утративших, как правило, религиозную окраску и ставших крылатыми.

Новые отношения, возникшие между государством и церковью, признание роли церкви в жизни общества породили новую волну массового интереса к Библии.

В настоящее время сферой наиболее широкого использования библеизмов стала публицистика. На страницах газет и журналов, в передачах радио и телевидения ежедневно можно встретить выражения, восходящие к Библии. Они придают публичной речи живость и меткость, образность, вызывают сложные эмоциональные ассоциации. Вот лишь некоторые примеры из центральных газет:

«„Козел отпущения“ в образе экономической реформы — это социальный громоотвод» (Правда. 1989. 11 сент.); «Кажется, что библейский миф о Вавилонском столпотворении может стать грозной реальностью в нашей стране» (Правда. 1989. 11 нояб.); «Объединение усилий на конструктивной основе — это альфа и омега перестройки» (ЦТ. 1989. 29 окт.); «У людей потеряно уважение к своему труду, выросли поколения, которые ничего „не слышали“ о любви к ближнему» (Лит. газета. 1989. 1 нояб.).

Приведенные примеры содержат цитаты из библейских текстов, либо опираются на сюжеты из Библии. Сейчас на газетных полосах все чаще можно увидеть броские заголовки типа: «Не ждать манны небесной», «Соломоново решение», «Саркофаг или Ноев ковчег?», «Не испив той чаши», «Свет звезды Полярной», «Время собирать камни» и др. Библеизмы широко используются также в эпитафиях и заглавиях художественных произведений.

Многие авторы, учитывая незнание Библии значительной частью читателей, комментируют цитаты из нее, воспроизводят библейские притчи и сюжеты. Наблюдается исключительная мобильность авторского употребления библеизмов. Чуткая реакция художника слова на речевые возможности варьирования библейских фразеологических единиц позволяет создавать так называемые индивидуально-авторские преобразования библейских

фразеологизмов с различными стилистическими целями, например, для усиления экспрессивности изложения: *«Вопрос из краеугольных — был ли выбор в 1917 году?»* (Иного не дано. М., 1989). Как известно из текста Библии, краеугольным был камень. Камнем преткновения стали льготы отдельным категориям населения в нашей стране, и автор метко изобретает заголовок для своей статьи по этой проблеме: *«Льготы преткновения»*. Или такие примеры: *«Люди жевали и вздыхали: „Вот вам и гласность вопиющего в пустыне“»*; *«Человеку — человеково, а роботу — роботово»*.

Стало модным обыгрывать библейские выражения, вдаваясь в окказиональное словотворчество, отношение к которому может быть неоднозначным: *«Спор не об Октябре — событии, а об Октябре — эпохе со своим прологом и эпилогом. Камень преткновения — эпилог. И даже не камень преткновения еще. Еще не „преткнулись“, а пора»* (Там же).

Можно спорить об удачности использования библеизмов и окказионализмов некоторыми авторами, и отдельные примеры подтверждают, что повод для этого имеется. Зачастую библеизмы употребляются всуе и не всегда адекватно. Нередки и ошибки, которые объясняются неграмотностью. Стал уже хрестоматийным «вопиющий» пример о *вопиющем*: *«И все еще одиноко сверкал глаз вопиющего в пустыне»* (Галь Н. Я. Слова живые и мертвые. Книга. М., 1987).

Недостаточная культура речи способна превратить в штампы даже ветхозаветные библейские выражения. Вызывает досаду не в меру часто встречаемое в газетах и слышимое по радио *время собирать камни*. А прекрасный библеизм *«Не хлебом единым...»* стал структурной моделью для целого потока легковесных «творений» типа: *«Не сыром единым», «Не жиром единым», «Не фондом единым», «Не хлопком единым», «Не бойкотом единым», «Не углем единым», «Не контрастом единым», «Не нефтью единой», «Не прошлым единым»* и проч. Это заголовки статей лишь двух центральных газет — «Правды» и «Известий» за несколько месяцев 1989 года.

Привлечение цитат из Библии — яркий стилистический прием, обладающий неограниченными возможностями создания подтекста, образности повествования, обогащения смыслового содержания. Особую роль играют библеизмы в публичной речи наших дней. Если ранее библейские изречения использовались преимущественно как «обветшалые украшения речи», то в настоящее время они приобретают гражданское звучание, на них опираются в общественной и политической борьбе. Показательны в этом

отношении дискуссии на I Съезде народных депутатов о большинстве – меньшинстве. Интересно, что разные ораторы прибегают к одному и тому же библеизму – *Распни его!*

Ю. Черниченко: «Послушное негодование – оно ведь, будем память, совсем недавно плевало в Пастернака, клеймило Твардовского, кричало вслед Сахарову – „Распни его!“»

Академик В. Гольдманский: «Монополией на истину не обладает ни большинство, ни меньшинство. По Евангелию, именно большинство кричало: „Распни его!“»

Дискуссия перешла на страницы газет, и в статье «Правды» «Глас народа» (1989. 26 июня) автор вкратце изложил библейские события: «В самом деле, можно ли чем-нибудь, кроме массового психоза, объяснить, почему иерусалимская толпа освобождает от казни убийцу, а в отношении праведника, учителя и исцелителя, которого еще вчера восторженно приветствовала, теперь, возмущенная первосвященниками (они, заметьте, преследовали свои личные интересы), – теперь эта толпа кровожадна и беспощадна? „Распни его!“, – снова и снова кричит площадь в ответ на предложения Пилата помиловать невинного Иисуса. Разве этот глас народа можно считать „общественным мнением“?»

Еще один пример использования этого библеизма: «...народ, переживающий бремя социальных потрясений, поверил в утопическую идею „земного рая“. Ему легко внушить, что воплощению идеи мешают конкретные лица. Возникают мифические „они“. Толпа требует: „Распни его!“ Несет плакаты: „Смерть Бухарину!“ Торжествует, читая в речах сталинского законника Вышинского слова: „иностранные шпионы“, „бешенные псы“» (Лит. газета. 1989. 29 нояб.). Даже самые лаконичные библеизмы обладают смысловой емкостью и высокой степенью афористичности в сочетании с красотой и отточенностью формы. В этом состоит их непреходящая ценность.

Харьков

Беседы о языке рекламы

ДЕСЯТЬ ЭФФЕКТОВ РЕКЛАМЫ

Н. Н. Кохтев,
кандидат филологических наук

Эффект — это сильное впечатление, произведенное кем-либо или чем-либо, а также средство или прием, цель которых — повлиять на восприятие человека, удивить его, создать иллюзию чего-либо.

Каковы же эти эффекты?

1. Эффект словесной наглядности. Мы уже писали об ассоциациях в рекламе. Добавим, что реклама, используя слово, оперирует заложенным в нем конкретным содержанием и образностью. И читатель как бы видит то, о чем идет речь, ощущая и четко представляя себе объект рекламы. Здесь уместно вспомнить рассуждение К. С. Станиславского: «Если я вас спрошу о самой простой вещи: „Холодно сегодня или нет?“ — вы, прежде чем ответить „холодно“ или „тепло“, или „не заметил“, мысленно побываете на улице, вспомните, как вы шли или ехали, проверьте свои ощущения, вспомните, как кутались и поднимали воротники встречные прохожие, как хрустел под ногами снег, и только тогда скажете это одно, нужное вам слово.

При этом все эти картины, может быть, промелькнут перед вами мгновенно, и со стороны будет казаться, что ответили, почти не думая, но картины были, ощущения ваши были, и только в результате этой сложной работы вашего воображения вы и ответили» (Станиславский К. С. Работа актера над собой. М., 1951. С. 101–102). Как видим, одно слово «холодно» вызывало огромное количество представлений, чувств, мыслей, идей. Слова в рекламе формируют наглядный, предметный образ. И перед составителем стоит задача создать максимальную, предельную осязаемость этого рекламного образа. Причем, следует иметь в виду, что этот эффект возникает только в том случае, если из отдель-

ных слов складывается целостная картина. Например: «Если бы мышка, вильнув хвостиком, разбила золотое яичко в наше время то деду и бабе не пришлось бы горько плакать.

В мастерской „Сапфир“ мастера высокой квалификации быстро и качественно отремонтируют золотые, серебряные, фарфоровые изделия. Телефон...»

2. Эффект эмоционального сопереживания. Просматривая рекламный текст, читатель воспринимает те эмоции, которые в нем выражены, «заряжаясь» ими. Возникает процесс сопереживания.

Кого оставит равнодушным такая реклама: «Для вас, милые женщины! Платья из натуральных и искусственных тканей обновят и разнообразят ваш гардероб. Изящество, легкость, модная цветовая гамма и разнообразные рисунки отличают продукцию нашего комбината. Вы выбрали нашу ткань? У Вас отличный вкус!»

Положительные эмоции вызывает не только первая и вторая фраза, но и последующее содержание, которое порождает представление о красоте. А кто не стремится быть красивым?

3. Эффект размышления. Размышление — тип речи, который, опираясь на логику, умозаключения, выражает точку зрения автора и в то же время активизирует внимание читателей, вызывая их интерес к содержанию. Автор, таким образом, размышляет над объектом рекламы вместе с читателями.

Суждения об объекте идут одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос. При размышлении автор приходит к новому суждению. Приведем фрагмент текста, рекламирующего информационную газету: «Пишите! Приходите! Звоните! Мы на пороге рыночных отношений... Рынок — это торговля. А она немыслима без культурного, цивилизованного торговца, коммерсанта, без посредника, которые организуют движение товаров. Если рынок — торговля, то реклама, традиционно выражаясь, — ее двигатель. Из этого следует, что своевременная информация, оперативные обменные и иные коммерческие сделки помогут быстрее удовлетворить потребности одним, избавиться от неликвидов и сверхнормативных запасов, отходов производства и потребления — другим (...) Целям налаживания регулярной, оперативной информации и служит наша рекламно-информационная газета (...) Не забывайте, в условиях рыночных отношений своеобразная реклама — одно из

важнейших условий успешной хозяйственной и коммерческой деятельности.

Ждем ваших объявлений!»

4. Эффект доверия. Этот эффект связан с опорой на авторитеты. Слова, мнения авторитетного человека или группы людей используются для подтверждения и пояснения мысли, которая высказывается в рекламе. Эти слова могут усиливать сказанное, придавать ему особенно выразительный и достоверный характер. Наконец, мнение может служить источником, отправным пунктом размышления. Например: «Кто лучше всех разбирается в рыбе? Люди, которые постоянно употребляют ее в пищу.

— Это великолепно! — сказали японские журналисты, побывав здесь недавно. А уж они-то знатоки рыбной кухни. Все лучшее, что создано поварами из рыбы, можно попробовать в этом замечательном ресторане. Но не одной рыбой знаменита „Волга“...»

Ссылка на авторитетное мнение — прием эффективный лишь в тех случаях, когда лицо, дающее характеристику товара или какого-либо другого объекта рекламы, действительно заслуживает доверия, пользуется популярностью у потенциальных потребителей.

5. Эффект полемики. Столкновение различных суждений, борьба мнений всегда привлекает. Ведь это непременное условие выяснения истины. Мы постоянно оказываемся причастными к искусству спора, часто сомневаемся, отстаиваем свою точку зрения, обосновываем свои взгляды, опровергаем оппонентов или соглашаемся с ними. Poleмика формирует наше сознание, помогает проникнуть в суть явления, разобраться в истине.

Полемическая направленность рекламы помогает потенциальным потребителям выработать сознательный взгляд на рекламируемый объект, позволяет убедить их в правоте рекламы.

Полемическая реклама творит, разрушая, ибо логические доводы, которыми пользуется рекламист, разрушают отрицательные стереотипы потенциального потребителя.

Например: «Срочная подготовка к экзаменам! Кооперативная школа „Московский репетитор“ принимает абитуриентов, готовящихся в вузы и техникумы по русскому языку и литературе, истории, обществоведению, математике, физике, химии, биологии, географии, иностранным языкам. Если у вас значительные проблемы в знаниях или вы не уверены в своей подготовке, приходите к нам. Вы раздумываете? У нас вы получите прочные зна-

ния, обретете веру в свои силы, познакомитесь со спецификой вступительных экзаменов и смело поступите на выбранный вами факультет. Вы все еще сомневаетесь? Но ведь занятия проводят опытные преподаватели московских вузов по современным методам...» Здесь внутренняя полемика с читателем, в результате которой разрушается недоверие и внушается мысль о целесообразности поступления в кооперативную школу.

6. Эффект прямого разговора. Этот эффект близок предыдущему и отражает диалогичность рекламного текста. Рекламист говорит с потенциальным потребителем, и его слово служит для убеждения и передачи некоторой информации. Живой разговор с потребителем имеет установку на будущий ответ: этот разговор провоцирует ответ, даже предвосхищает его, строится в направлении к нему. Естественно, речь идет о внутреннем («про себя»), ответе потребителя.

Для рекламы характерно, что отношение к конкретному читателю, учет психологии этого читателя вводится в само построение рекламного текста. Установка на ответ открыта, обнажена и конкретна. Например: «Вы хотите получить отдельную квартиру, но не знаете, как это сделать? Тогда имейте в виду: на Московском заводе гидравлических приводов — самая маленькая очередь на жилье в Калининском районе столицы. Ваша мечта — современный двухкассетный магнитофон, косметика из Парижа, обувь из Вены? Тогда не забудьте: мы осуществляем для своих работников регулярные закупки товаров народного потребления за валюту. Вы спрашиваете, имеем ли мы детский сад? Молодые семьи могут взять на заметку: завод имеет детские сады, пионерский лагерь, дачу и дома отдыха в Подмоскowie и на Черном море... Вас будут рады видеть в дружном трудовом коллективе Московского завода гидравлических приводов...»

7. Эффект присутствия. При этом эффекте потенциальный потребитель становится как бы участником действия, связанного с рекламируемым объектом. Он как бы погружается в ту атмосферу, которая окружает объект рекламы, становясь сам активным действующим лицом. Например: «У вас проблемы с перевозками грузов? Вы обратитесь к нам и мы вам поможем. Коммерческая фирма „Теллус“ доставит ваш груз в любую точку нашей страны. Можете не беспокоиться: мы гарантируем скорость, надежность, полную сохранность грузов».

8. Эффект постепенного усиления. Как известно, даже самая интересная форма и содержание рекламы, особенно

если это большой текст, сами по себе не могут обеспечить постоянное напряжение внимания в процессе чтения. Как считают исследователи, физиологические закономерности функционирования коры головного мозга ведут к тому, что наступает временное отключение внимания, если в сознание слушателя поступают одни и те же или сходные элементы информации. Поэтому можно рекомендовать постепенное содержательное и эмоционально-логическое усиление рекламы. Такое усиление мы наблюдаем в следующем тексте: «Трио + Программинг. Заявки от организаций по адресу... Телефон... Спешите! Наиболее полный в СССР каталог программного обеспечения для компьютеров содержит все, что вам нужно. Высылается бесплатно. Только у нас! Программы — справочники по системам...»

9. Эффект края. Основная мысль рекламы лучше и полнее воспринимается в том случае, если она четко сформулирована в начале или, что еще благоприятнее, в конце композиции. Это объясняется психологическим законом памяти — «фактором края», или «законом первого и последнего места»: лучше запоминается и убеждает то, что находится в начале или в конце рекламного текста. Например: «Вы хотите заработать! Наша фирма приглашает для обслуживания жителей и гостей столицы водителей личных автомашин. Гарантируется высокая зарплата».

10. Эффект обманутого ожидания. Иногда его называют методом «посторонней идеи», который состоит в том, что содержание рекламного текста на первый взгляд не соответствует его идее. Достоинства этого приема — занимательность, неожиданность, непредсказуемость, помогающие разжечь любопытство потенциальных потребителей и активизировать их восприятие. Приведем в качестве примера два текста рекламы мороженого, которые следовали друг за другом с интервалом. В каждом из них развивается и обыгрывается один и тот же сюжет: «Ушел мальчик! Особые приметы: рост... волосы... нос... уши... мальчик одет в... Не ищите мальчика. Он ушел, чтобы купить мороженое» (далее следует реклама мороженого).

И второй текст: «Нашелся мальчик! Да, он вернулся сам. Особые приметы все те же: рост 1 метр 32 сантиметра, волосы светлые, слегка вьющиеся, глаза голубые, нос в веснушках... Он сходил за мороженым. И вот он вернулся — восторженный, довольный своим путешествием. Стоило уходить!»

— О, какое это лакомство! Всегда ем мороженое с удовольствием зимой и летом. Как оно полезно!

Мальчику не понало за то, что он ушел: взрослые отлично понимали, что мороженое, кроме прочих достоинств, — прекрасное дополнение к праздничному столу, на десерт можно подать мороженое с вареньем, бисквитом, орехами. И еще взрослые понимали: как хорош с мороженым кофе, этот бодрящий и освежающий напиток!» В данном случае нарушается предсказуемость текста. Он начинается с интриги.

Необходимо помнить, что непрерывность, линейность речи связана с тем, что появление каждого речевого элемента обусловлено предшествующими элементами и, в свою очередь, подготавливает последующую часть высказывания. Но наше восприятие в такой языковой ситуации как бы скользит по информации. Она не задерживается или незначительно задерживается в сознании потенциального потребителя. Если же в рекламе на фоне ее сплошного потока появляются элементы малой вероятности, непредсказуемые, то и возникает нарушение стандартности, непрерывности. Неожиданные элементы высказывания активно действуют на восприятие, требуют усиления внимания читателей и сильнее на них действуют. Это и будет «эффект обманутого ожидания».

В итоге еще раз подчеркнем, что все эти эффекты связаны с психологией воздействия рекламы на потребителя. Благодаря им потенциальный потребитель может перейти в ряды активных потребителей рекламы.

Алексей Иванович Соболевский 1856—1929

Т. А. Иванова,
кандидат филологических наук

А. И. Соболевский, выдающийся специалист в области славянорусской филологии и непревзойденный знаток древнеславянской письменности, родился в Москве 26 декабря 1856 г.

В 1874 году после окончания Московской I гимназии он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где занимался у Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Ф. Ф. Фортунатова, которых справедливо считал своими учителями.

Еще будучи студентом, А. И. Соболевский начал изучение рукописного наследия древней Руси, которое он продолжал и после завершения учебы в университете. Это позволило ему успешно защитить магистерскую диссертацию «Исследование в области русской грамматики» (Русский филологический вестник. 1881. № 3–4). Любопытные подробности этой защиты сообщил Н. Н. Дурново в статье, посвященной памяти А. И. Соболевского: «Молодой человек, почти студент, защищал диссертацию на степень магистра. После возражений официальных оппонентов с возражениями выступил маленький гимназист, обнаруживший, к удивлению всех присутствующих, солидную эрудицию и умение владеть научным методом. Молодой человек, защищавший диссертацию, был 25-летний магистрант, впоследствии профессор и академик Алексей Иванович Соболевский, а гимназист — ученик 6-го класса Московской II гимназии Шахматов Алексей, впоследствии академик Алексей Александрович Шахматов. (...) Почти все, что после этого диспута в течение следующих 40 лет выходило

в России в области изучения русского языка, было связано с каким-нибудь из этих двух имен» (Slavia. 1930. T. VIII. B. 4. С. 830).

После защиты Соболевский занимает должность доцента на кафедре русской словесности Киевского университета. Здесь он завершает свою вторую диссертацию «Очерки по истории русского языка» (Киев, 1884), за которую получает ученую степень доктора наук. С 1888 года по 1908 год Соболевский — профессор Санкт-Петербургского университета. Безусловно, именно его усилиями в Петербургском университете была создана система преподавания лингвистических дисциплин русско-славянского цикла. В течение двадцати лет он читал общие курсы истории русского языка, старославянского языка, русской диалектологии, славяно-русской палеографии; кроме того, — специальные курсы по древнерусской переводной литературе, о заимствованных словах в русском языке, о судьбах церковнославянского языка, по русскому историческому синтаксису, по русской этнографии, а также вел семинары по изучению памятников древнерусской письменности.

Чтение лекций побуждало А. И. Соболевского к созданию учебных пособий по ним. Еще в Киеве он публикует «Лекции по истории русского языка» (1888 г.), выдержавшие еще три издания (1891, 1903, 1907 гг.). В течение длительного времени «Лекции» Соболевского являлись почти единственным учебником по исторической грамматике русского языка. Недаром В. Н. Перетц писал «Это — труд классический, которому нет подобного. Едва ли мы ошибемся, говоря, что все последующие авторы курсов по истории русского языка неизбежно опираются на труд А. И. Соболевского» (Известия АН СССР. 1930. VII сер. № 6. С. 20).

Интерес к исторической диалектологии русского языка, проявившийся уже в докторской диссертации Соболевского, отчетливо сказался и в «Лекциях»: «Русский язык в древнейший период своей истории не представлял полного звукового однообразия и в одних местах имел одни особенности, в других — другие; иначе говоря, он разделялся на несколько говоров» (Лекции... Киев. 1888. С. 33). Очень скоро А. И. Соболевский обращается к изучению диалектных особенностей живой русской речи. Итогом этих занятий явился курс русской диалектологии, который он стал читать с 1891 года, чего, по словам Е. Ф. Карского, «по-видимому, не делали до него профессора русского языка в высших учебных заведениях» (Известия АН СССР. 1930. VII сер. № 1. С. 47). Уже в 1892 году А. И. Соболевский опубликовал свой курс под названием «Очерк русской диалектологии»

(Живая старина. 1892. № 1–4), который затем с некоторыми изменениями и дополнениями издал отдельной книгой – «Опыт русской диалектологии». СПб., 1897. Для него русские говоры – один из источников истории русского языка, в них можно найти то, «что давно исчезло из говора образованного общества, и таким образом получить ясное представление о прошлом нашего языка» (Опыт... С. 1).

Прекрасный знаток славянской письменности А. И. Соболевский с начала 90-х годов стал читать систематический курс палеографии, изданный им дважды (Славяно-русская палеография. СПб., 1901; 2-е изд., 1908). Знаменательны слова, которыми ученый начинает эту книгу: «Старую Русь часто обвиняют в том, что она была малограмотна и не любила книги. И совершенно напрасно. Стоит взглянуть в первый попавшийся под руку старый русский сборник, и мы найдем какую-нибудь статью о пользе чтения книг или о том, как должно читать книги. «Почитание книжное» усердно рекомендуется русскому человеку...» (С. 1).

Научным предвидением оказалось предположение Соболевского об употреблении бересты в качестве писчего материала: «Вероятно, при недостатке и дороговизне бумаги, – писал он, – береста употреблялась в Московской Руси для черновиков и писем в XV–XVI веках, но никаких следов ее употребления за это время у нас нет...» (Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 43).

Лекции по старославянскому, или, как он сам называл, древне-церковнославянскому языку побудили Соболевского к созданию учебника и по этому предмету. Для Соболевского древний церковнославянский язык – это язык древнего славянского перевода греческих богослужебных книг, который с течением времени сделался литературным языком разных славянских народов. Русские познакомились с ним «очень рано», возможно уже с начала X века. После принятия христианства всей Русью «церковнославянский язык с более или менее сильною русскою окраскою, сделался русским литературным языком и продолжал быть им в течение многих столетий» (Древний церковнославянский язык. М., 1891. С. 4). Этим и должно объясняться то, что «значительное количество его звуковых, формальных и словарных особенностей вошло в язык русского образованного общества и вместе с тем в современный русский литературный язык» (там же).

Недавно обнаруженная в архиве Н. Л. Туницкого, не опубликованная при жизни ученого и не завершенная им рукопись посвящена проблемам истории русского литературного языка. Издатель рукописи А. А. Алексеев справедливо заметил, что в

этом курсе А. И. Соболевский «эмпирически пришел к созданию более сложной, близкой к исторической реальности картины формирования современного русского литературного языка с выделением двух периодов и двух состояний — древнего и нового, в которых и языковая основа литературного языка, и его природа, и функционирование были различны» (Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 19).

Безусловно, к концу XIX века Соболевский был одним из самых авторитетных и выдающихся ученых России. Его разносторонняя деятельность получила очень высокую оценку у современников и послужила основанием для избрания его в 1900 г. в Академию наук.

Являясь, как и многие другие ученые того времени, филологом-универсалом, Соболевский во многом разделял взгляды младограмматиков, научное направление которых было наиболее авторитетным на рубеже столетий.

Многое из научного наследия А. И. Соболевского не утратило своего значения до настоящего времени. Такова, например, его знаменитая статья «Особенности русских переводов домонгольского периода» (1897 г.), в которой он поставил чрезвычайно важный вопрос об отличии южнославянских переводов с греческого языка от переводов, выполненных на Руси.

Констатируя, что «язык переводов, сделанных у южных славян и переписанных русскими переписчиками, и язык переводов, сделанных на Руси, в общем один и тот же — церковнославянский язык русского извода», Соболевский, однако, считал, что на основании данных словарного состава того или иного памятника письменности, мы получаем возможность точно определить место перевода. «Переводчики, зная достаточно хорошо главные церковнославянские звуковые и формальные особенности, — писал он, — не всегда находили в своем запасе церковнославянских слов и выражений все, что им было нужно для передачи разнообразных слов и выражений, и поэтому были вынуждены прибегать к русским словам и выражениям» (Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 135, 136).

При этом ученый считал особенно важными и показательными три группы лексики. Во-первых, славянские по происхождению слова специального значения, относящиеся к быту определенного славянского народа: названия должностных лиц, монет, мер веса и расстояния, судов, одежд и других предметов быта. Например, древнерусские — *посадникъ, куня, насадъ, кожухъ*. Во-вторых, слова, заимствованные из других языков, в том числе и из

греческого: *плугъ* (ст. слав. *рало*), *женчюгъ* (ст. слав. *бисъръ*), *уксусъ* (ст. слав. *оцѣтъ*). В-третьих, названия городов и народов, хорошо известных русским и неизвестных или малоизвестных южным славянам: *Корчева*, *Сурожь*, *мурманинъ* (норвежец), *обезъ* (грузин) и подобные.

На основании этих критериев Соболевский отнес к русским переводам домонгольского периода 25 памятников русской письменности. В дальнейшем, используя его критерии, другие исследователи доказали русское происхождение ряда переводов. Неоднократно издавая рукописные тексты, Соболевский постоянно обращал внимание на словарные данные памятника и обычно в качестве приложения снабжал свои публикации словарными материалами.

В 1903 г. А. И. Соболевский — один из инициаторов и организаторов Предварительного съезда русских филологов, состоявшегося в Петербурге 10–15 апреля. Здесь он возглавляет словарную (III) секцию, на которой рассматривался вопрос о создании нового словаря старославянского языка, что, по словам Соболевского, являлось «одной из насущных потребностей славяноведения» (Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903. С. 14). К сожалению, этим планам ученого не суждено было осуществиться.

В конце своей жизни А. И. Соболевский стоял во главе Комиссии по созданию словаря древнерусского языка. Он собирает словарный материал (в картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XVII вв. имеются карточки-листочки, написанные его рукой»), составляет инструкцию для выборки и рассылает ее коллегам (Б. М. Ляпунову, Н. К. Никольскому и др.), приглашая их принять участие в работе, которая представляется ему важным итогом его жизни: «Я погружаюсь в приготовление материалов по словарю др.-р. языка, — пишет он 14 августа 1925 года Н. П. Лихачеву. — Нахожу, что для старика моего возраста работа очень подходящая. Во всяком случае я рад, что могу ею именно заняться теперь; она может пригодиться потомству хоть бы через сто лет» (ЛО Архива АН, ф. 246, оп. 3, д. 272). Однако ученый ошибся. «Подходящая» для него работа пригодилась потомству значительно раньше: в 1975 г., т. е. ровно через пятьдесят лет, вышел первый выпуск «Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.»

За свою долгую жизнь А. И. Соболевский написал и опубликовал около пятисот работ. Многие из них до сих пор являются настольными книгами тех, кто занимается изучением истории русского языка

«Всему начало положено Карамзиным...»

И. Н. Врубель

«...Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России» — эти слова Пушкина современный читатель должен принять почти на веру: нас очень долго и старательно оберегали от знакомства с его трудами.

И вот Карамзин возвращается: вновь выходят его сочинения, в том числе и гениальная «История государства Российского», которая «навсегда оста-

нется великим памятником в истории русской литературы». Но сегодня, отмечая славную дату — 225 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина, пора подумать об издании полного собрания его сочинений, ведь не оспорить слов В. Г. Белинского: «...К чему ни обратитесь в нашей литературе — всему начало положено Карамзиным: журналистике, критике, повести, роману, повести исторической, публицизму, изучению истории...»

Эпоха, которую по праву называют пушкинской или декабристской, с не меньшим основанием может быть названа карамзинской.

Литературная слава Карамзина начинается с «Писем русского путешественника». Это художественное произведение, созданное в европейских традициях сентиментального путешествия и романов в письмах, основанное на впечатлениях заграничной поездки автора, стало заметным явлением не только в истории литературы, но и в истории русского литературного языка.

«Письма...» печатались в «Московском журнале» (Карамзин издавал его с 1791 года), и именно в нем (ранее Карамзин издавал первый в России журнал для детей — «Детское чтение для сердца и разума») особенно отчетливо проступают черты «нового слога», максимального приближения языка литературного произведения к разговорной речи образованного дворянского общества конца XVIII века.

«Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии,— писал Карамзин,— но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности». Тем не менее, «выразительный язык» Карамзин пополнял новыми словами.

В «Московском журнале», который «издавать не шутка», Карамзин «с умом, обогащенным наблюдениями и воспоминаниями», заложил основы русского периодического литературного издания, его структуру, которая в своих общих чертах дожила до наших дней. «Московский журнал» стоит у истоков журнальной литературной и театральной критики. В нем увидели свет и такие художественные произведения Карамзина, как повести «Лиодор», «Бедная Лиза», «Наталья — боярская дочь», «Фрол Силин — благодетельный человек» и другие, составившие новое направление в русской литературе. Они создали устойчивый авторитет их автору, укрепили его славу... И «вдруг» в пору ее расцвета Карамзин, известный поэт, популярнейший писатель, удачливый журналист, бросает все, чтобы заняться, как потом выяснится, главным делом своей жизни — историей.

Впрочем, все было не «вдруг»...

Интерес к отечественной истории вошел в жизнь И. М. Карамзина в юности с чтением трудов В. Татищева, М. Щербатова, И. Болтина, с идеями новиковской «Древней Российской ви́флюйки», с участием в комментировании и толковании рукописи «Слова о полку Игореве» вместе с А. И. Мусиным-Пушкиным.

Уже для своих ранних повестей «Марфа — посадница», «Наталья — боярская дочь» он избирает времена исторические. «Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, — писал Пушкин, — когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание...»

Оставив литературное поприще, Карамзин обратился к изучению древних документов, летописей, хронографов, принялся за «труд важнейший: за Русскую историю». 31 октября 1803 года

Высочайшим императорским указом он был назначен историографом.

На создание двенадцати томов «Истории» ушла вся оставшаяся жизнь — более двадцати лет ежедневного, напряженного подвижнического труда ученого, исследователя, писателя, честного человека.

Сегодня Карамзин-писатель, создатель целого направления в литературе, реформатор русского литературного языка, несколько заслонен Карамзиным-историком, что вовсе не удивительно: читатели вновь бросились открывать историю своего Отечества, надеясь найти объяснение историческим процессам, творящимся на наших глазах. Но, вчитываясь в страницы труда историка, не будем забывать, что в нем он не только открывает, как Колумб Америку, истоки русской национальной государственности, но и как бы завершает строительство фундамента русского литературного языка, на котором будут возводить здание новой русской литературы Пушкин и другие писатели XIX века.

Конечно, реформа языка невозможна усилиями одного человека, даже если он Карамзин, ведь язык, писал он, «течет, как гордая, величественная река, шумит, гремит, — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу...» Преобразование русского литературного языка, вышедшего из летописей, фольклора и духовной литературы Древней Руси, происходило еще с начала XVIII века, когда в России, мужавшей с гением Петра, зарождалась новая светская литература. Пройдя через горнила творчества Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, он достался Карамзину уже освобожденным от тяжелых синтаксических конструкций и церковнославянских слов и выражений. «Слова не изобретаются Академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение», — писал Карамзин. Он не оставил теоретического проекта преобразования языка, да и не составлял его, но как писатель работал над его совершенствованием всю жизнь. И последний, «исторический» период его творчества был не менее плодотворен в этом отношении.

Труды Карамзина оказали огромное влияние на развитие русской литературы и общественной мысли последующих эпох. Не утратили своего значения и в наши дни. Скорее, наоборот: ныне они обретают все большее значение и актуальность, что лишний раз доказывает: перед Карамзиным мы в большом долгу, потому что его «чистая, высокая слава» действительно принадлежит Отечеству.

Кто же автор эпиграмм на Карамзина?..

А. Ф. Смирнов,
доктор исторических наук

В 1857 году в седьмом, дополнительном, томе сочинений А. С. Пушкина П. В. Анненков впервые опубликовал эпиграмму на Н. М. Карамзина:

— «Послушайте, я вам скажу про старину
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород, про время золотое
И наконец про Грозного Царя» —
Эх, бабушка, затеяла пустое!
Окончи лучше нам «Илью-богатыря».

Тогда же П. В. Анненков отметил, что эпиграмма написана Пушкиным еще в Лицее и намекает на сказку Н. М. Карамзина «Илья Муромец», которая, несмотря на обещание, данное читателям, так и осталась незаконченной.

Намек будет понятен, если учесть, что работа Н. М. Карамзина над эпохой Грозного (девятый том «Истории государства Российского») потребовала большего времени, чем автор предполагал вначале, и в 1818 году этот том не вышел, хотя в извещении, опубликованном в «Сыне Отечества», и говорилось, что он появится вместе («вдруг») с первыми восемью. Обещание не было выполнено: работа затянулась... Современники шутили: мол, Карамзин стал последней жертвой Грозного. Полагаем, что эпиграмма «Послушайте, я вам скажу...» связана с задержкой издания объявленного девятого тома «Истории государства Российского».

Полагаем также, что именно эту эпиграмму признал «своей» Пушкин в письме П. А. Вяземскому 10 июля 1826 года: «Моя

эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены».

«Глупыми и бешеными» Пушкин, как нам кажется, мог назвать следующие:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
и прелесть самовластья.

Решившись хамом стать
Пред самовластья урной,
Он нам старался доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать.

Они, как, впрочем, и первая «Послушайте, я вам скажу...», стали камнем преткновения не для одного поколения ученых: авторство Пушкина нельзя считать установленным или доказанным, хотя и в самое последнее время в нашей периодике («Литературная газета», «Русский архив» и др.) исследователи неоднократно возвращались к этой проблеме. В результате полемики обострилось противоборство двух точек зрения вокруг эпиграммы «В его „Истории“ изящность, простота...»

Н. Я. Эйдельман, полностью солидаризируясь с Б. В. Томашевским, который, как нам кажется, односторонне анализирует обстоятельства появления эпиграммы, считает ее пушкинской; А. В. Гулыга это авторство отрицает. Скептически к авторству Пушкина относится В. Э. Вацуро. Любопытный взгляд о «полу-авторстве» Пушкина высказал В. А. Кожевников в обстоятельной статье «О „прелестях кнута“ и „подвиге честного человека“», опубликованной в первом выпуске «Русского архива» за 1990 год.

Но, говоря о полемике, хотелось бы обратить внимание вот на какое обстоятельство: в этом нелегком, на долгие годы затянувшемся споре вопрос об авторе эпиграмм рассматривался вне связи с оценкой карамзинского труда, его концепцией. И, думается, напрасно. Вероятно, сказывалось расхожее обвинение историографа в монархизме, реакционности, придворном угодничестве и прочее. Кроме того, по существу не рассматривался вопрос о возможном авторстве других лиц, а ведь среди «молодых якобинцев», чьим выражением явились эти стихи (что за-

метил еще М. П. Погодин, автор остающегося до сих пор самого полного свода материалов к биографии Н. М. Карамзина), было немало замечательных литераторов. При решении этого вопроса сработал, кажется, стереотип мышления, усердно насаждавшийся в послереволюционное время: с одной стороны — Н. М. Карамзин, монархист, «реакционер»; с другой — А. С. Пушкин, «певец декабризма». Этой формуле, как нельзя лучше, отвечало упрощенное решение проблемы.

Между тем взаимоотношения двух крупнейших представителей нашей словесности, творчество которых явилось фундаментом духовной культуры нашего народа, нуждается в уточнении.

Прежде всего заметим, что «Историю государства Российского» Н. М. Карамзин рассматривал как основание для русской конституции. Вся русская история, указывал он, есть борьба двух начал — самовластья, деспотизма — с одной стороны; и самоуправления, традиции вечаевых республик, народных собраний — с другой. Именно раскрытие этой борьбы на конкретном материале Н. М. Карамзин считал важнейшей своей заслугой. Не случайно, что на его труд потом ссылались и сторонники республики, и сторонники Земских соборов. Знаменитая формула К. С. Аксакова — «сила мнения народу, сила власти царю» — родилась в ходе размышлений и споров вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Историографа и его последователей, единомышленников можно назвать сторонниками конституционной монархии, но никак не апологетами деспотизма, «кнута». Надо иметь в виду, что Н. М. Карамзин, как и другие независимые мыслители, в вопросе государства не считал политическую форму (монархия, республика) решающей. Куда более важным, по его мнению, было наличие коренных гражданских законов, свобод, закрепленных конституцией, то есть, говоря современным языком, Карамзин был сторонником правового государства. При этом он считал, что будущая Российская конституция должна не копировать иностранные образцы, а вытекать из всего хода национальной жизни, базироваться на собственных обычаях и опыте (заметим, что в этом вопросе он расходился с М. М. Сперанским и стоящим за его спиной Александром I).

Таким образом, упрек Карамзину в том, что его «История» защищает самовластье и прославляет «кнут», могла зародиться только в кругу лиц, не знавших авторского замысла, а по существу и плохо прочитавших «Историю государства Российского». Об этом, собственно, и говорит А. С. Пушкин в своей известной оценке карамзинской «Истории», когда упрекает молодых якобинцев в том, что они накинулись на авторское предисловие,

где, как сказал поэт, было брошено несколько слов в «защиту» самодержавия, и не обратили внимания, что всем последующим изложением историограф опровергает эти формулы.

Встает вопрос, а сам-то Пушкин знал об авторском замысле историографа?

Пушкинские оценки «Истории» Н. М. Карамзина неоспоримо свидетельствуют, что он не только прекрасно понимал, но и опирался в своем творчестве на карамзинскую концепцию российской истории. Могут возразить, что такое понимание пришло к поэту позже, а в то время, когда создавались эпиграммы, находясь в кругу якобинцев, он этого еще не понимал и был эхом своих друзей. Однако эта трактовка снимается известными фактами.

В момент окончательной отделки, подготовки к изданию «Истории» Карамзин и Пушкин были весьма близки. Как свидетельствует поэт, при нем историограф набело отделявал текст введения и, к примеру, знаменитая фраза: «История есть в некотором смысле священная книга народов» — появилась в его присутствии.

Вопрос о значении труда Карамзина для создания русской конституции, превращения самодержавной монархии в правовое государство обсуждался в кругу лиц, близких Н. М. Карамзину, что нашло отражение в переписке братьев Александра и Николая Тургеневых. Рассуждение о том, что поэт был близок к декабристам, особенно к Н. Тургеневу, под влиянием которого он создал такие шедевры, как «Вольность», «Деревня», в данном вопросе не могут явиться подтверждением версии о принадлежности известной эпиграммы Пушкину. Скорее, наоборот. Во всяком случае в окружении Тургенева такая эпиграмма едва ли могла появиться, ведь братья хорошо знали подлинное значение «Истории» Карамзина.

Повторим: авторство Пушкина более чем сомнительно! А если не Пушкин, то кто? Нам представляется, что эпиграмма о прославлении «кнута» и защите самовластья вышла из литературно-политического кружка, который возглавлял полковник Преображенского гвардейского полка, известный поэт, драматург, критик Павел Александрович Катенин. Он был близок к декабристам, входил в «Союз спасения» и «Союз благоденствия»; он перевел с французского известный революционный гимн «Отечество наше страдает под игом твоим, о злодей», популярный в декабристских кругах.

Осенью 1820 года Катенин был внезапно удален из гвардии, а затем выслан из Петербурга (вернулся только в 1825 году

после прямого обращения к императору). Причины столь крутой расправы были современникам не совсем ясны. Говорили (ссылаясь на императора), что Катенин был неоднократно замечен с невыгодной стороны; говорили, что он неприлично вел себя в театре, «шикал» на актрис... Но, согласимся, за освистывание актрисы многолетия ссылка — это более чем странно. Во всем этом ясно одно: инициатором расправы был сам царь, до этого благоволивший к нему, ценивший его переводы классиков, его участие в постановках спектаклей на императорской сцене. П. А. Катенин в знак величайшего благоволения приглашался к императорскому столу. И вдруг такой крутой поворот... Позже Катенин отметит и эту близость к императору, и крутую расправу.

Конечно, нет ничего удивительного, что за неосторожное слово или неудачно приведенный анекдот можно попасть в долговременную ссылку или поплатиться головою. Но почему во времена Александра I с блестящим гвардейцем поступили так круто? Сам он намекал, что пострадал за свои нападки на Карамзина.

Действительно, Катенин (это отмечали и современники) крайне отрицательно относился к историографу. Любопытно, что в романе «Черная женщина» (1834) Н. И. Греча, весьма близкого как к декабристам, так и к Н. М. Карамзину (в его типографии Н. М. Карамзин печатал свою «Историю»), Катенин выведен под именем офицера Залетаева, злобного хулителя историографа.

В официальных документах Катенина характеризовали как оракула, законодателя мод, имевшего большое влияние на молодежь, эрудита, великолепно знавшего и русскую, и мировую словесность; в спорах его суждения были авторитетными. Знание Катенина указывали на его фрондерство; отмечали, что он выступал хулителем отдельных лиц. Это проявилось и в отношении к историографу; и к его труду: Катенин называл «Историю» Н. М. Карамзина «подлой и педантичной», а все прочее его сочинения «жалким действием». В письмах Катенина находим (когда он получше ознакомился с трудами Н. М. Карамзина) и сдержанные оценки, но восприятие первых томов было резко отрицательным. Позже в письме к своему «литературному адвокату» и другу Н. И. Бахтину П. А. Катенин посовещал на то, что теперь Карамзина можно критиковать, а прежде за это показывали как за уголовное преступление. А ведь это сетование есть по сути свидетельство того, что свою ссылку в деревню Катенин прямо связывал именно с критикой Карамзина. Легко предположить, что поэт Катенин «критиковал» Карамзина не только

в письмах, в «прозе», но и в стихах — эпиграмматически. Ведь сколько другим лицам досталось от него!

Обратим внимание и на другой момент. В 1828 году Катенин пишет и присылает Пушкину поэму «Старая быль» с посвящением и просит поэта опубликовать и то и другое.

Поэму Пушкин издал, а посвящение — отказался. После объяснения с Пушкиным Катенин пришел к выводу, что истинная причина отказа — в его шутке над историографом: «Он боялся, — записывает Катенин, — напечатав мои дерзости, изъять род согласия, и оставил под спудом». Речь шла о строках Катенина: «Сам наш историограф, почтенный, прославленный, перепажражденный, едва ль не сбился там и сям». Между тем эти слова важны для понимания всей «Старой были». В ней рассказывается о временах Владимира, о состязании на княжеском пиру двух бардов — русского и грека из Царьграда. Грек поет славу князю, а русский отказывается это делать, заявляя, что не может, подобно эллину, славить правителей. Себя, естественно, П. А. Катенин в данном произведении отождествляет с русским певцом, а Пушкина и Карамзина — с эллином. Не мудрено, что Пушкин отменил эти намеки, а точнее, прямое обвинение в прислужничестве, «ласкательстве», как сказал бы Н. М. Карамзин.

Повторим: обвинять Карамзина в прославлении самовластья нелепо. Здесь даже незнание не может служить оправданием. Как известно, Александр I замыслил великие преобразования, советовался иногда с историографом и, как свидетельствует П. А. Вяземский, Николай Михайлович Карамзин всегда говорил: «Государь, начните с уничтожения самовластья».

Добавим: в оценке П. А. Катенина — «прославленный, перепажражденный» — слышится отголосок тех нелепых некрологов о Карамзине, которые вызвали в свое время ярость Пушкина. Много писалось о том, что государь произвел Н. М. Карамзина в чин статского советника (полковника, а в отставку он ушел поручиком) и наградил его высоким орденом — Анненской звездой первой степени с лентой, которая обычно вручалась только высшим сановникам, имевшим генеральские чины. Это и подчеркивает Катенин. Никто не сказал о значении Карамзина для воспитания соотечественников, для подготовки коренных гражданских законов.

П. А. Катенин этого тоже не понял. Более того, он вступил в прямую полемику с Пушкиным, который в известной своей записке о Карамзине,носящей характер воспоминаний и размышлений, раскрыл истинное значение его труда для отечества, ука-

зал на коренные ошибки его критиков, не понявших авторских концепций.

В «Старой были» и особенно в посвящении ясно видно непонимание сути карамзинского труда.

Сам П. А. Катенин, по-видимому, до конца своих дней оставался при мнении, что его выпад против Н. М. Карамзина — его великая заслуга. Во всяком случае, в своих воспоминаниях о Пушкине, написанных за год до смерти, он постарался донести до сведения потомков, что именно расхождение во взглядах на Н. М. Карамзина разводило его с А. С. Пушкиным.

Наконец, еще один довод в пользу того, что эпиграмма «В его „Истории“ изящность, простота...» могла появиться в катенинском кружке. В этой «бешеной» эпиграмме бросается в глаза возмущение автора несоответствием изящной формы карамзинского труда и «низменным» содержанием (прославлением «кну-та»). А ведь это по сути вариация любимых Катениным рассуждений о том, что изящная (простая, простонародная) форма создает, формирует возвышенное, благородное содержание, а тут, в «Истории» Карамзина, все не по-катенински: Карамзин — этот признанный глава новаторов, враг архаистов — вдруг заговорил языком Нестора и так мастерски... Язык-то мастерский, форма «изящная», «простая», а содержание — «подлое»... Так думалось П. А. Катенину.

Наш общий вывод сводится к тому, что эпиграмма на Карамзина, скорее всего, вышла из круга Катенина, что он, вполне возможно, был автором или инициатором ее написания. Наличие нескольких вариантов свидетельствует, что текст подвергался доработке, в которой могли принять участие близкие друзья П. А. Катенина, например, А. С. Грибоедов. Остается добавить, что эпиграммы, расхвалившиеся в многочисленных списках, появились в печати, когда П. А. Катенина уже не было в живых. Может быть, это случайность? Может быть...

«Принесите Господеву славу имени Его...»

В этих словах, имеющих продолжение: «...поклонитесь Господу во дворѣ святѣм Его»,— заключена главная мысль одной из величайших книг в истории человечества, значение которой святитель Василий Великий определил так: «Книга псалмов... есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восстанавливает, и неповрежденное поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти, какие в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами».

История названия книги уходит корнями в глубокую древность, когда некоторые молитвы, обращенные к Богу, верующие пели, сопровождая их игрой на псалтирионе (или псалтерии), музыкальном инструменте в роде арфы или гуслей. Песнопения впоследствии стали называть псалмами, а книгу псалмов, составленную, по мнению толкователей Священного Писания, первосвященником Ездру в V веке до Рождества Христова,— Псалтирю.

В Псалтирь, открывающую третий раздел ветхозаветного канона Библии, входят 150 псалмов, написанных в разное время разными авторами, среди которых — цари Давид и Соломон, певец Асаф, сыны Кореевы и другие.

В христианское богослужение Псалтирь включается в апостольские времена; ей придается очень важное значение, о чем свидетельствует апостол Павел в посланиях к Коринфянам, Ефессянам и Колоссянам: «Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научите и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями во благодати воспевая в сердцах ваших Господу».

Примерно в середине IX века, как об этом пишет преподобный Нестор Летописец в «Повести временных лет», святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий перевели Псалтирь с греческого языка на славянский, книга стала распространяться на Руси, но прошло еще несколько столетий, прежде чем Псалтирь с древних рукописей была напечатана в типографии. Произошло это в Кракове в 1491 году, следовательно, со времени ее выхода прошло ровно 500 лет. Знаменательная дата!

Положив начало христианскому литургическому творчеству, Псалтирь употреблялась не только как книга богослужбная и назидательная для домашнего чтения, но и как основная учебная книга, поэтому переоценить ее значение в жизни русского человека едва ли возможно. Вместе с учением о благодати она содержит и поразительные в подробностях пророчества, например в псалме 21 о распятии Христа: «Яко обыдоша мя пси мнози, сонм лукавых одержаша мя, ископаша руце мои и нозе мои. Исчелоша вся кости моя, тии же смотриша и презреша мя. Разделиша ризы моя себе, и о одежди моей меташа жребий».

Скорбные и величественные, одушевленные трогательной чистотой религиозного чувства, беспримерные по глубине философской мысли, неповторимые по совершенству формы и проникновенному лиризму, эти песнопения стали вершиной духовной жизни и культуры всего человечества.

Ни с чем не сравнимое влияние книги Священного Писания оказали и на духовную жизнь России, став, кроме того, неиссякаемым источником пословиц, поговорок, крылатых выражений. Именно к этим книгам — а чаще всего к Псалтири — обращались русские поэты, перелагая древние тексты на язык современной философской лирики. «Псалтырь рифмотворную» создал Симеон Полоцкий; все псалмы (включая и неканонический 151-й, посвященный Давиду) на язык современной поэзии переложил Александр Сумароков. Библейские мотивы и темы явственно звучат

в поэзии В. К. Тредьяковского и Г. Р. Державина, А. С. Пушкина и Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинки и А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева и многих других замечательных художников слова.

Особое место духовная поэзия, в том числе и переложения псалмов, занимает в творчестве великого русского ученого и поэта Михаила Васильевича Ломоносова, 280-летие которого отмечается в этом году.

В прошлом остались споры о том, что для Ломоносова было важнее — наука или поэзия. Современные исследователи пришли к выводу: для понимания сути философских взглядов М. В. Ломоносова в равной степени важно изучение и его научных трудов, и поэтических творений, ведь он, по словам академика С. И. Вавилова, «был в действительности очень цельной и монолитной натурой». Занимаясь физикой, химией, астрономией, совершив ряд гениальных открытий, опередивших эпоху, М. В. Ломоносов тем не менее, ни минуты не сомневаясь, писал: «При всем сем христианская вера стоит непреложна. Она Божиему творению не может быть противна, ниже ей Божие творение; разве тем чинится противность, кои в творения Божие не вникают».

Обращение М. В. Ломоносова к книгам Священного Писания, конечно же, не было случайным. В них он находил созвучные его миропониманию идеи и темы. В них он черпал вдохновение, потому-то «переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечным памятником русской словесности», — писал А. С. Пушкин.

Перепечатывая псалмы и духовные стихи М. В. Ломоносова, редакция предполагает продолжить эту тему и познакомить читателей с практически забытыми теперь переложениями книг Священного Писания русских поэтов XVIII и XIX веков.

В. А. Кожевников

Псалом 1.

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в закони Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, егже возметает ветр от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко вест Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет.

Преложение псалма 1

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать,

2

Но волю токмо подвергает
Закону Божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

3

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

4

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

5

И так злодеи не восстанут
Пред вышнего Творца на суд,
И праведны не вспомнят
В своем соборе их отнюд.

6

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

(1749—1751)

Псалом 14.

Господи, кто обитает в жилищи Твоем? Или кто вселится во святую гору Твою? Ходяй непорочен и делаяй правду, глаголяй истину в сердце своем. Иже не ульсти языком своим и не сотвори искреннему своему зла, и поношения не прият на ближних своя. Уничужден есть пред ним лукавнуый, боящия же ся Господа славит, Кленыйся искреннему своему и не отменяся. Сребра своего не даде в лихву и мзды на неповинных не прият. Творяй сий не подвижится во век.

Преложение псалма 14.

1

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священных горних мест?

2

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нечестным сердцем точно,
Как устами, говорит;

3

Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;

4

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
И пред ним душою правых,
Держится присяжных слов;

5

В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.

(1747)

Псалом 145.

Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моём, пою Богу моему, дондеже есмь. Не надёйтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения. Изыдет дух его и возвратится в землю свою. В той день погибнут вся помышления его. Блажен, ему же Бог Иаковль Помощник его, упование его на Господа Бога своего, сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них, хранящаго истину в век, творящаго суд обидимым, дающего пищу алчущим. Господь решит окованныя. Господь умудрит слепцы. Господь возводит низверженныя. Господь любит праведники. Господь хранит пришельцы, сира и вдову примет и путь грешных погубит. Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род.

Преложение псалма 145

[1]

Хвала всевышнему владыке
Потщися, дух мой, возсылать:
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.

[2]

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть Князей земных:
Их тежь родили человеки,
И нет спасения от них.

[3]

Когда с душею разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.

[4]

Блажен тот, кто себя вручает
Всесильному во всех делах
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах,

[5]

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту

И непостижными делами
Земли и моря широту,

[6]

Творящего на сильных нищу
По истинне в обидах суд,
Даящего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.

[7]

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь унавших возвышает
И любит праведных рабов.

[8]

Господь пришельцов сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он грешных дерский путь скончает
В Сионе будет в род и род.
(1747)

«Вторая грамотность» Древней Руси

Р. А. Симонов,
доктор исторических наук

«Первая», или начальная, грамотность на Руси связана с обучением элементарному письму и счету. Обнаружение в 1951 г. берестяных грамот поставило эту проблему на фундаментальную источниковую основу. Вопрос же о «второй грамотности», основанной на использовании вычислительных устройств, до сих пор не ставился... Между тем известно, что во многих странах Востока и Запада с древнейших времен применялся *абак* — простейшая счетная «машина». И вот удалось установить, что и на Руси (уже во 2-й половине XI века!) был *абак*. Причем в составе некоторых списков «Русской правды» сохранился задачник, по которому детей обучали считать на нем. Эти задачи первоначально воспринимались исследователями не как учебные в школьной практике того времени, а как своего рода развлекательные, возникшие в узком кругу древнерусских «числолюбцев». Но роль этого задачника была, полагаем, более важной.

Что собой представлял древнерусский *абак*? Он являлся предшественником всем известного прибора — *счетов*, — сложившегося в России примерно в XVI веке, и имел с ним определенное сходство, хотя у *абака* не было привычной деревянной рамы и прутьев со счетными костяшками. Счет на нем мог вестись сливовыми и вишневыми косточками (или другими мелкими предметами) в россыпи на ровной поверхности (столе, лавке, земле и пр.). Косточки располагали горизонтальными рядами, как впоследствии в *счетах*. Только у них на каждом пруте (обычно за исключением одного) имеется по десять костяшек, а древнерусский вычислитель использовал, как и многие средневековые математики, на каждом счетном уровне не более шести косточек, причем одна из них (сливовая) равнялась пятерке, располагалась слева, на некотором отдалении от косточек-единиц.

Было еще одно важное отличие. На счетах в зависимости от конкретной задачи производится сложение, вычитание, умножение или деление заданных чисел. Древнерусский *абак* пред-

назначался для получения определенного вычислительного результата, минуя умножение и деление. С его помощью определялась стоимость товара при заданном его количестве и цене за единицу. Вот, например, задача из «Русской правды»: «А на тех овцах и на баранах рун 300 000 и 60 000 и 400 и 40 и 6 рун; а на тех рунах кунами 7000 гривен и 200 гривен и 8 гривен и 40 резан и 6 резан, а руно чтено по резане» (См.: Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 207–210). Надо узнать стоимость шерсти — руна, состриженного с 360 446 овец и баранов, при цене в одну резану за руно, — если известно, что $1 \text{ гривна} = 50 \text{ резанам}$.

Сейчас каждый поступил бы так: разделил 360 446 на 50, в частном получив 7208 (гривен), а в остатке — 46 (резан). Древнерусский школьник так сделать не мог, так как деление тогда было доступно только самым сильным математикам. «Тот, кто оказывался в состоянии понимать деление, — писал русский историк математики В. К. Беллюстин, — признавался чуть ли не гением и ему давали почетный титул „доктора абака“, вроде нашего „доктора математики“ или „доктора медицины“». А как же делили в то время простые смертные? Они использовали методы, основанные на удвоении и раздвоении чисел. Тот же В. К. Беллюстин писал: «Удвоение и деление пополам исстари с глубокой древности, еще со времен египтян, считалось особым действием» (Беллюстин В. К. Как постепенно люди дошли до настоящей арифметики. М., 1941. С. 60). Впоследствии математиками были разработаны удобные правила умножения и деления в письменном виде, и надобность в особых действиях раздвоения и удвоения отпала.

Процесс счета на древнерусском *абаке* должен был иметь общие черты с тем, как он осуществлялся у других народов. На одной античной вазе (см.: Симонов Р. А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977. С. 65; рис. 16) сохранилось изображение вычислителя на *абаке*, который перемещает счетные элементы (кашешки?), причем отчетливо видно «стоимостное» значение колонок или уровней *абака*. То, что это не фантазия художника, показывает оригинал древнегреческого *абака*, найденный на Саламине. «Стоимостные» надписи на саламинской счетной доске позволили исследователям расшифровать денежную систему, в которой он был запрограммирован. Аналогичные «стоимостные» значений могли указываться в древнерусском *абаке* (см. схему № 1). Справа располагались вишневые косточки (не более пяти), денежные значения которых выражались следующим образом: каждая косточка нижнего ряда равнялась *полурезане*; каждая

схема 1

символические косточки	буквенные косточки		
	о о о о о о	десяток тысяч трибей	основная часть
	о о о о о о	тысячи трибей	десятичной
	о о о о о о	сотни трибей	шкалы для
	о о о о о о	десятки трибей	трибей
	о о о о о о	единицы трибей	
	о о о о о о	тысячи резан	дополнительная часть десятичной шкалы для долей трибей
	о о о о о о	полурезан	

схема 2

	о о о
	о
кет	
	о о о о о
	о о о о о
	о
заданная величина 360446	

схема 3

	о о	7000
	о о	200
кет		кет
	о о о	8
	о о о о о	тысячи резан $25 + (4 \times 5) = 45$
	о о	полурезан $1/2 + 1/2 = 1$
увеличенная величина 720892 = 720876.46 резан		

косточка следующего (вышерасположенного ряда) — *пяти резанам*. Каждая косточка третьего ряда — *гривне*, четвертого — *десяти гривнам*; следующего — *ста гривнам*... От ряда к ряду происходило увеличение в десять раз. Слева располагались сливовые косточки, равные в стоимостном отношении пяти вишневым. Самая нижняя сливовая косточка равнялась пяти полурезанам, то есть двум с половиной резанам, или *ногате*. Следующая (вторая) вышерасположенная сливовая косточка была равна *пяти пяткам резан*, то есть двадцати пяти резанам, или *полугривне*. Сливовая косточка третьего уровня равнялась пяти гривнам, следующая — пятидесяти гривнам и т. д., увеличиваясь от уровня к уровню в десять раз.

Рассмотрим, как на древнерусском *абак* можно было решить задачу из «Русской правды» о стоимости руна (см. схему № 2). На *абак* откладывалось заданное число 360 446 (количество овец и баранов). Древнерусский школьник это делал так. Начиная с нижнего уровня, он «записывал» косточками десятичные разряды числа, «прочитывая» его справа налево. Крайней справа стоит цифра шесть; в нижнем уровне *абак*а она «записывалась» одной сливовой (пятерка) и одной вишневой (единица) косточками. Далее идет цифра четыре; она обозначалась на втором уровне *абак*а четырьмя вишневыми косточками. Следующая цифра также четыре, и она обозначалась четырьмя вишневыми косточками на третьем уровне. Разряд тысяч в числе отсутствует; на *абак*е — пропуск ряда. Следующая цифра — шесть; она обозначалась одной сливовой (пятерка) и одной вишневой (единица) косточками. Последняя цифра — три — «записывалась» тремя вишневыми косточками.

Современная денежная система — 1 рубль = 100 копейкам — удобна для выполнения операций на десятичных счетах. Например, если бы цена одного руна равнялась копейке, то 360 446 рун стоили бы 3604 рубля 46 копеек. Если отложить на счетах указанное количество рун, то на двух нижних прутьях «запишутся» копейки, а выше — рубли. Примерно так и на *абак*е, хотя соотношение между гривной и резаной менее удобно для вычисления на нем. Однако нетрудно прикинуть, что при содержании в одной гривне пятидесяти резан, в двух гривнах их будет сто. Значит, при счете сотнями резан число гривен будет правильным для решения задачи, если его удвоить.

Удвоив заданное число 360 446, получим 720 892. Если его «записать» на счетах или *абак*е косточками по древнерусскому способу, то, начиная с третьего уровня, отложатся гривны, а на последних двух уровнях — полурезаны. Итого, гривен будет 7208,

а 92 полурезаны будут соответствовать 46 резанам. Перевод полурезан в резаны на абаке происходит автоматически. Убедимся в этом. На схеме № 3 «записано» удвоенное число 720 892. «Прочитываем» его (снизу) в денежной шкале, указанной справа. Две вишневых косточки на нижнем уровне (каждая по полурезане) равны одной резане. Четыре вишневых косточки на втором уровне (каждая по пятку резан) вместе будут равны 20 резанам. Одна сливовая косточка на втором уровне равна пяти вишневым, то есть $5 \times 5 = 25$ резанам. Итого: косточки на двух последних уровнях обозначают: $25 + 20 + 1 = 46$ резан. На третьем уровне отложена сливовая (пятерка) и три вишневых косточки, вместе 8 гривен. На четвертом уровне нет косточек. На пятом уровне расположены две вишневых косточки, каждая из которых равна 100 гривнам, вместе — 200 гривен. На шестом уровне представлены одна сливовая (пятерка) и две вишневых косточки, итого — 7000 гривен. Итак, в гривенной части абак получается 7208 гривен. Окончательный результат соответствует истинному — 360 446 рун стоят 7208 гривен и 46 резан.

Все задачи из «Русской правды» на абаке решались путем удвоения и утроения (сложения первоначального результата с удвоенным). Оригинальность древнерусского абак состояла не только в том, что вычислитель избавлялся от сложного в ту пору деления, но и в том, что искомый результат получался в местных деньгах. Таким образом, речь идет не о простом факте знакомства на Руси с некоторым видом средневекового абак, а о разработке вычислительного устройства для практических нужд пересчета натуры на употреблявшиеся тогда деньги.

Древнерусский абак относится к типу специализированных «калькуляторов», запрограммированных на решение определенного класса задач. Он «выдавал» результат после продельвания ряда простейших счетных операций, выполняемых вручную. Выигрыш состоял в получении результата путем неадекватных ему по сложности операций и за достаточно короткий срок. На абаке реконструированного вида удвоение и сложение можно было делать без особого труда, владея навыками счета в пределах 10–20, так как отдельно удваивались и складывались простые единицы, которых было не более пяти на каждом счетном уровне, и отдельно косточки-пятерки. Все счетные операции на каждом уровне абак выполнялись однотипно, поэтому величина исходных чисел не играла принципиальной роли в повышении сложности счета. Очевидно, работа с числами порядка десятков и сотен тысяч, которые составляли значительную часть числового материала задач «Русской правды», были доступны 12–14-летним учащимся на Руси.

Обычно *абак* рассматривается в качестве вторичного, дополнительного средства по сравнению с «письменными» способами счета. Рационализация, которая достигалась применением *абака*, виделась в замене пера механическими операциями и выгоде, которую могла дать скорость перемещения счетных элементов (кашешков, косточек и пр.). Идея рационализации вычислительной работы на основе увеличения скорости счета нашла осуществление сперва в арифмометре, а затем в ЭВМ. В связи с совершенствованием ЭВМ возникла проблема машинного языка и программирования. Ее решение выявило самостоятельное математическое значение программирования как способа рационализации счета.

Употребление в мире *абака* с древнейших времен связано с преимуществами, которые дает его программируемость в тех или иных системах именованных чисел. Древнерусский абак показывает, как конкретно проявляется это преимущество на примере пересчета натуры на деньги. Сделать такой вывод позволило то, что задачи из «Русской правды» были проанализированы в учебно-педагогическом отношении. Таким образом, в данном случае идеи педагогики выступили методологическим средством, приведшим к важному историко-культурному открытию.

Воссоздание древнерусского специализированного калькулятора, который использовался уже во 2-й половине XI в., то есть задолго до прибора — счетов, сопоставимо с находкой берестяных грамот, доказавших общий высокий уровень грамотности на Руси. Обучение счету на *абаке* свидетельствует о существовании в Древней Руси «второй грамотности», усилившей интеллектуальную вооруженность творческой деятельности, что способствовало повышению уровня культуры домонгольской Руси в целом.

Все изложенное выше было основано на допущении, что на Руси в XI веке вычисления велись с использованием плодовых косточек. Каким бы убедительным ни был сделанный на его основе анализ арифметического задачника из «Русской правды», он не мог отменить других объяснений, исключающих употребление *абака*, поскольку не было прямых доказательств его существования. Поэтому археологическая находка явных следов использования на Руси *абака* архаического типа имеет исключительно важное историко-культурное значение. И вот теперь мы можем сказать о такой находке, сделанной еще несколько лет назад, но информация о которой, однако, до сих пор не выходила за пределы узкого круга исследователей-археологов.

Сейчас это известие впервые делается достоянием общест-

венности, благодаря любезности руководителя Владимиро-Суздальской археологической экспедиции М. В. Седовой, предоставившей соответствующие материалы для ознакомления и публикации. В 1985 году археологи под руководством М. В. Седовой и М. А. Сабуровой производили у деревни Новоселки Суздальского района раскопки славянских погребений XI века. В одном из них был обнаружен скелет молодого мужчины, у которого на уровне пояса находился кожаный кошелек, украшенный двумя бронзовыми орнаментированными бляшками. На задней стороне кошелька имелись проволочные шипы и пряжка для крепления к поясу. В кошельке находились следующие предметы: железная гирилка, четверть серебряной монеты и плодовые косточки — три вишневых и одна сливовая. Остальные сопутствующие предметы — бронзовые перстень и кольцо, железный нож — свидетельствуют о среднем социальном положении погребенного. Оригинальным является наличие кошелька и его содержимое. Гирилка говорит о том, что покойный имел профессию, связанную с операцией взвешивания. По-видимому, мужчина был торговцем, сборщиком налогов или контролером правильности торговых операций. В любом случае он должен был хорошо считать, и это он делал с помощью плодовых косточек.

Есть ли письменные свидетельства о том, что для счета русские использовали плодовые косточки, которые носили в кошельках? Одно такое свидетельство относится ко второй половине XVI века и принадлежит Генриху Штадену, состоявшему в опричниках Ивана Грозного. Он в своих воспоминаниях отмечает, что русские используют для счета именно вишневые и сливовые косточки. Другое свидетельство оставил известный путешественник и ученый Адам Олеарий, посещавший Россию в первой половине XVII столетия. Он писал, что на Руси сливовые косточки, употребляемые для счета, носят при себе в маленьком мешочке. При этом иностранец подчеркивал профессиональное мастерство русских вычислителей. Следовательно, находка археологов согласуется с данными письменных источников: и спустя века сохранялась традиция счета плодовыми косточками.

Главное, не остается сомнений, что уже в XI веке существовал на Руси «счет костями», зафиксированный в XVII веке в «Цифирной счетной мудрости» в качестве названия одного из видов архаического *абак*. Письменные источники сомкнулись с материальными памятниками, совместно «высветив» удивительный феномен древнерусской культуры — употребление средневекового калькулятора, а с ним и проблему «второй грамотности» на Руси.

Книги Енисейского острога

Л. М. Гордилова,
кандидат филологических наук

Много интересного и важного могут рассказать старинные рукописи, как, например, енисейские товарные росписи; ведь это — страницы нашей истории, некоторые из них прочитаны не до конца...

В 1888 году в журнале «Библиограф» (№№ 7–8) была опубликована статья Н. Н. Оглоблина «Книжный рынок в Енисейске», ставшая теперь библиографической редкостью. Между тем в ней раскрывается один из важных вопросов истории русской культуры — развитие книгопечатания в Московском государстве XVII века, уровень образованности населения периферийных областей, какой была в то время Сибирь. Неслучайно сам П. Н. Оглоблин подчеркивал, что «данные, отвечающие на эти вопросы, очень важны для истории русского просвещения, а потому следует дорожить всяким малейшим указанием по этому предмету» (Там же. С. 282).

Анализируя енисейские товарные росписи XVII века, исследователь отмечает, что в Енисейске (довольно крупном, культурно и экономически развитом городе) книги продавались в лавках, где торговали различными церковными предметами — иконами, лампадами, серебряными и золочеными окладами, церковным вином и др. Отмечает Н. Н. Оглоблин и заметно высокую стоимость книг, особенно в первой половине XVII века. Сопо-

ставляя тексты разных товарных росписей, историк делает вывод о том, что «в 157 (1649) году книжный енисейский рынок был гораздо богаче, чем в 195 (1687) году» (Там же. С. 283), поскольку в первой росписи упоминается 38, а во второй — 19 книг. Но здесь необходимо внести уточнение, так как в подлинных архивных материалах имеются сведения о большем количестве печатных и рукописных книг.

Обратимся к товарным ценовым росписям. Известны три документа, объединенных общим содержанием: список с енисейских ценовых книг 157 (1649) г., список с заручной товарной ценовой росписи 195 (1687) г., перечневая выписка 195 (1687) г. Наибольший интерес представляют два первых списка, содержание которых (название книг по тексту) шире, чем отмечает Н. Н. Оглоблин, и достаточно ярко представляет вкусы читателей далекого прошлого. Большую часть составляют книги богослужебные, содержащие правила и описания порядка совершения церковных служб: *Устав* — типовые указания о порядке богослужения; *Служебник* — о порядке проведения литургии; *Требник* — «чинопоследование таинств»; *Часослов* — руководство по совершению суточного круга служб, кроме литургии и др. Достаточно многообразны и сами тексты для богослужений: *Минея месячная* — сборник молитв в честь отдельных святых на каждый день года по месяцам (всего 12 книг); *Минея общая* — аналогичный сборник, включающий молитвы для всех святых «одного лика»: апостолу, мученику, святителю.

В богослужебной практике во время служб использовались и приспособленные книги: *Псалтырь* — сборник псалмов, входящих в Ветхий завет; *Апостол*, в состав которого входит текст Нового завета, кроме евангелий; *Евангелие на престольное* — включает тексты первых четырех книг Нового завета; печаталось оно, как правило, одной книгой большого формата и хранилось на престоле. Представлены в товарных росписях и певческие книги русского православия, такие, как *Триодь постная* — собрание песнопений на период поста; *Триодь цветная* — молитвословия на период Пасхи; *Октай осмогласной и четверогласной* — книги песнопений на восемь или четыре голоса, причем каждую неделю поется свой «глас» с его текстом; *Канонник* — сборник песнопений, входящих в состав утрени; *Ирмосы* — богослужебные песни, входящие в состав утреннего канона. Большое количество специальной литературы свидетельствует о тщательно разработанном порядке богослужения.

Несколько меньше в списке книг для «благочестивого чтения». Прежде всего следует выделить *Прологи*, имевшие на Руси ши-

рокое распространение, — церковно-учительные сборники жития святых, поучений, повествований о жизни и подвигах монашества. Примаются по содержанию к Прологам *Патерики* (отечники) — сборники жизнеописаний отцов-монахов об их подвижнической жизни, о совершаемых ими чудесах. Известны были жителям Енисейска и *Житие Николина* (описание деяний Николы-чудотворца), и книга *Маргарит* — сборник бесед Иоанна Златоуста. Обращает на себя внимание книга *Шестоднев* — популярное произведение о физических явлениях и силах природы («о тверди небесной», «о земле», «о возмущении моря», «чего ради бывает ночь», «о кругах земли и временах года», «о разных чудовищных рыбах и птицах» и др.). Различают семь вариантов *Шестоднева*, одинаковых по составу, однако выяснить, какой из них употреблялся в Енисейском остроге, не представляется возможным.

Из книг так называемого светского содержания в росписях находим только азбуки и грамматику.

Енисейские товарные росписи дают интересные сведения о стоимости печатных и рукописных книг в разное время. Так, среди богослужебных книг выделяется богато украшенное евангелие «съ евангелисты серебряными золочеными», стоимостью 10 рублей (эта же книга в обычном для XVII века исполнении стояла более чем вдвое дешевле). Еще одна самая дорогая книга *Библия* (10 руб.), затем следуют *Пролог полугодовой* (8 руб.), *Устав* (7 руб.) и т. д.

Печатные книги ценились выше рукописных, например, «святцы малые печатные» (список святых православной церкви, составленный в порядке месяцев и дней года, в которые чествуются святой) стоили рубль, а «святцы писмянные» — 7 гривен. Такое положение объясняется прежде всего дороговизной производства книг: высокой стоимостью привозимой из-за рубежа бумаги, собственно печатанием. Кроме того, на стоимости книг сказывалась поставка их в периферийные районы Московского государства. Именно поэтому книги на енисейском рынке стоили дороже, чем на московском. Так, по сведениям С. Ф. Либровича (История книги в России. Пг.— М., 1914. С. 148), *Псалтырь* 1642 г. стоила 3 руб., *Пролог* 1641 г. — 3 руб., *Минея общая* 1635 г. — 2 руб. Эти же книги, по данным енисейских товарных росписей 1649 г., были оценены соответственно 4—6, 8 и 5 руб. Самыми дешевыми в Енисейске были азбуки печатные «в тетратех» (гривна) и азбуки в переплете (2 гривны).

Любопытно, что к концу века исчезли самые дорогие и самые дешевые книги: в росписях 1687 г. нет указания на целый ряд богослужебных и светских книг: их читали чаще других;

возможно, на сохранности книг сказались и частые пожары и наводнения. В целом же цены на книги к концу века значительно снизились, хотя оставались выше, чем в европейской части Московского государства.

Внимательно вчитываясь в перечень книг, можно сделать еще одно интересное и важное наблюдение: в культурном отношении далекий Енисейск не так уж отставал от европейских городов России. Так, книги Маргарит и Пролог, пользовавшиеся на Руси большим спросом, были изданы в Москве в 1641 г., а в 1649 г. эти книги уже «зарегистрированы» в товарных росписях — значит, в острог они попали несколько раньше. Это довольно быстрое продвижение книг из Европы в Сибирь, поскольку известны случаи, когда пересылка бумаг делового содержания из Енисейского острога в Москву длилась полтора—два года.

Таким образом, енисейские товарные росписи, фиксируя бывавшие в остроге книги, раскрывают одну из страниц истории книжного дела в России, доказывают довольно высокий уровень развития материальной и духовной культуры русских промысловиков, добытчиков и всяких охочих людей в Сибири.

Хабаровск

*Православные традиции: праздники, обычаи,
обряды*

**ОБЪЯСНЕНИЕ
СИМВОЛА ВЕРЫ,
МОЛИТВ И ЗАПОВЕДЕЙ ***

*Что необходимо каждому человеку для того,
чтобы угодить Богу и получить вечное спасение?*

Чтобы угодить Богу и получить вечное спасение, для этого каждому человеку необходимы: 1) вера, 2) молитва и 3) добрая, богоугодная жизнь.

I.

О вере.

Вопр. Как мы должны веровать?

Отв. Мы должны веровать правильно и понимать то, во что веруем.

Вопр. Посредством чего мы удобнее можем научиться тому, во что и как должно веровать?

Отв. Посредством *Символа веры*.

Вопр. Что такое *Символ веры*?

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2-5.

Отв. Краткое изложение того, во что должны веровать христиане.

Вопр. Как он читается?

— *Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ.— И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, единородного, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся бѣша;— Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася;— Распятаго же за ны при Понтийствѣ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна;— И воскресшаго въ третій день по писаніемъ;— И восшедшаго на небеса, и сѣдѣща одеснѣю Отца;— И пѣки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца;— И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима, глаголавшаго прорѣки.— Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.— Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ,— Чѣю воскресенія мертвыхъ;— И жизни будущаго вѣка. Аминь.*

Символ веры состоит из двенадцати членов, или частей.

В первом члене говорится о первом лицѣ Святыя Троицы, о Боге Отце.

Во втором члене — о втором лицѣ Святыя Троицы, о Сыне Божіемъ.

В третьем члене — о воплощеніи Сына Божія.

В четвертом члене — о распятіи, страданіи и погребеніи Иисуса Христа.

В пятом члене — о воскресеніи Иисуса Христа.

В шестом члене — о вознесеніи Иисуса Христа.

В седьмом члене — о втором пришествіи Иисуса Христа на землю.

В восьмом члене — о третьем лицѣ Святыя Троицы, о Святом Духе.

В девятом члене — о Церкви.

В десятом — о Крещеніи.

В одиннадцатом члене — о будущемъ воскресеніи мертвыхъ.

В двенадцатом члене — о жизни вечной.

Первый член Символа веры.

Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу, и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ.

Вѣрую=верю; **во единого**=в одного. **Вседержитель**=Который все содержит в Своей власти и всем управляет. **Творца небу и земли**=Творца неба и земли; **видимымъ же всѣмъ и невидимымъ**=всего видимого и невидимого.

Здесь говорится о том, что мы веруем в *одного* Бога, Который хотя един по существу, но *трѣичен в лицах*,— что первое лице Святыя Троицы есть Бог Отец,— что Бог есть *Вседержитель, Творец неба и земли, всего видимого и невидимого*.

Мы называем Бога *Вседержителем* потому, что Он все содержит в Своей власти и всем управляет, а *Творцом* мы называем Его потому, что Он все сотворил: и небо, и землю, все видимое и невидимое. Под *невидимым* разумеются здесь *ангелы*, которых мы не видим, потому что они не имеют тела, а также можно разуметь нашу душу.

Второй член Символа веры.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся бѣша. (Пред вторым членом подразумевается слово: *верую*.)

Во единого=в одного; **единороднаго**=единственного (Сын Божий называется *единородным*, или, что то же, *единственным* Сыном Бога Отца потому, что у Бога Отца нет другого такого Сына, как Он). **Иже**=Который; **Иже отъ Отца рожденнаго**=Который от Отца рожден; **прежде всѣхъ вѣкъ**=прежде всякого времени,— от вечности. **Свѣта отъ Свѣта**=Сын Божий есть Свет и родился Он также от Света, то есть от Бога Отца. (Иисус Христос, Сын Божий, называется *Светом* потому, что в Нем нет никакого недостатка, или порока, и что Он просветил людей Своим спасительным учением; потому же самому и Бог Отец называется также *Светом*.) **Единосущна Отцу**=имеющего одно существо с Богом Отцом. (Сын Божий имеет одно и то же существо (естество, природу) с Богом Отцом, то есть, как Бог Отец есть *Дух*, вечный всеблагий, всеведущий и проч., так равно то же самое есть и

Сын Божий.) *Имже вся быша*—и Им, то есть Сыном Божиим, все сотворено.

Здесь говорится о том, что мы веруем также в *одного* Господа Иисуса Христа, Сына Божия,— что Сын Божий есть *единородный*, или, что то же, *единственный* Сын Бога Отца,— что Он рожден Богом Отцом *прежде всех век*, то есть прежде всякого времени, от вечности,— что Он есть *Свет* и родился также *от Света*, то есть от Бога Отца,— что Он есть истинный Бог и родился от такого же истинного Бога,— что Он *рожден* Богом Отцом, а *не сотворен*, как все другое,— что Он *единосущен Отцу*, то есть имеет одно и то же существо с Богом Отцом, и, наконец, что *Им*, Сыном Божиим, *все сотворено*, как и Богом Отцом, так что, значит, Он есть такой же Творец, как и Бог Отец.

Третий член Символа веры.

Насъ ради человеѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и во-человѣчшася. (Пред третьим членом подразумеваются слова: *верую в Сына Божия.*)

Ради—для. *Насъ ради человеѣкъ*—для нас человек (людей); *и нашего ради спасенія*—и для нашего спасения; *сшедшаго съ небесъ*—сошедшего с неба на землю (это нужно понимать так, что Сын Божий прежде был невидим на земле, а потом явился на ней во плоти, так что все могли Его видеть); *воплотившагося*—принявшего на Себя плоть человеческую, или тело; *во-человѣчшася*—сделавшегося человеком.

Здесь мы высказываем свою веру в то, что Сын Божий для нас, людей, и для нашего спасения сошел с неба на землю и здесь, при наитии Святого Духа, принял на Себя от Девы Марии плоть человеческую, или тело, и сделался вполне человеком (только безгрешным), состоящим из тела и души, но в то же время Он не переставал быть и Богом.

Воплотившийся Сын Божий получил особое название: *Иисус Христос*. Слово *Иисус* значит по-русски *Спаситель*, а слово *Христос* значит *помазанник*, или *посланник Божий*.

Четвертый член Символа веры.

Распятого же за ны при Понтийстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. (Пред четвертым членом подразумеваются слова: *верую в Господа Иисуса Христа, Сына Божия.*)

За ны=за нас; при Понтіѣстѣмъ Пилатѣ=во время Понтия Пилата. Это был римский правитель Иудеи, покоренной римлянами.— Словами «при Понтіѣстѣмъ Пилатѣ» показывается время распятия Господа Иисуса Христа.— Господь страдал и умер не Божеством, а человечеством, и не потому, что не мог бы избежать страданий, но потому, что Сам восхотел пострадать для спасения людей.

В четвертом члене Символа веры мы высказываем свою веру в то, что Господь Иисус Христос во время Понтия Пилата был распят на кресте за нас — людей (то есть за наши грехи и для нашего спасения, потому что Сам он был безгрешен), и что при этом Он действительно страдал, умер и был погребен.

Пятый член Символа веры.

И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. (Пред этими словами подразумеваются слова: верую в Господа Иисуса Христа.)

Воскресшаго=ожившего; по писаніемъ=согласно с Писанием (Священным).

В пятом члене говорится, что мы веруем в воскресение Иисуса Христа в третий день после Его смерти. Слова *по писаніемъ* относятся не только к пятому, но и к четвертому члену Символа веры, и значат, что Господь Иисус Христос пострадал, умер и воскрес точно так, как о том раньше было предсказано в книгах Священного Писания.

Шестой член Символа веры.

И восшедшаго на небеса, и сѣдѣща одесную Отца. (Пред шестым членом подразумеваются те же слова, какие и пред пятым.)

Восшедшаго=вознесшегося; сѣдѣща=сидящего; одесную=по правую сторону; сѣдѣща одесную Отца=сидящего по правую сторону Отца (это нужно понимать так, что Иисус Христос, как Богочеловек, имеет равную с Богом Отцом силу и честь).

В этом члене мы высказываем веру свою в то, что после воскресения Иисус Христос вознесся на небо и сел одесную, или, что то же,— по правую сторону Бога Отца, то есть имеет с Ним равную силу и равную честь.

Седьмой член Символа веры.

И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. (Пред этим членом подразумеваются прежние слова: *верую в Господа Иисуса Христа.*)

Паки—опять; **грядущаго**=идущего,— **Который** придет; **со славою**=во славе, во всей Своей славе; **Его же**=и Его.

В этих словах мы высказываем свою веру в то, что Иисус Христос *опять* придет на землю, чтобы *судить* всех людей, как *живых*, так и *умерших*, которые тогда воскреснут, и что после этого суда *настанет* царство Его, которому *никогда не будетъ конца*.

Восьмой член Символа веры.

И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима, глаголавшаго пророки. (Пред словами 8-го члена подразумевается слово: *верую.*)

Животворящаго=дающего жизнь. **Иже**=Который. **Иже отъ Отца исходящаго**=Который отъ Отца исходитъ. **Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима**=Которому (то есть Духу Святому) следует поклоняться и Которого следует прославлять наравне с Отцом и Сыном; **глаголавшаго пророки**=говорившего чрез пророков.

В этом члене говорится, что мы веруем еще в третье лицо Святой Троицы, в *Духа Святого*, Который есть такой же истинный *Господь Бог*, как Отец и Сын,— что Он *даёт* всему жизнь и, следовательно, есть также Творец всего наравне с Богом Отцом и Богом Сыном,— что Он *исходит* от Отца, и этим отличается от Сына, Который не исходит, а рождается от Отца,— что Духу Святому следует *точно так же* поклоняться, как мы поклоняемся Отцу и Сыну, и *точно так же* следует прославлять Его, как мы прославляем Бога Отца и Бога Сына, и, наконец,— что Дух Святой *говорил* чрез пророков.

Девятый член Символа веры.

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. (Пред этими словами подразумевается прежнее слово: *верую.*)

Во едину=в одну; **Соборную**=сборную, вселенскую; **Церковь**=общество всех православных христиан.

В этом члене говорится о том, что мы веруем в одну Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Церковью называется общество всех православных христиан, а каждый в отдельности православный христианин называется членом, или частию, Церкви. Следовательно, когда мы говорим, что веруем во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, то здесь под Церковью разумеются все в совокупности люди, которые исповедуют одну и ту же православную веру, а не то здание, куда мы ходим молиться Богу и которое называется храмом Божиим.

Мы веруем во едину, или, что то же, — в одну Церковь потому, что истинная Церковь есть одна.

Мы называем Церковь Святою, потому что она освящена Иисусом Христом, Его страданиями, учением, молитвою и таинствами.

Церковь называется Соборною, то есть сборною (вселенскою), потому что она состоит и как бы собрана из людей всякого возраста, пола и звания, живущих в разных странах, в разное время и между разными народами.

Апостольскую Церковь называется потому, что она содержит ту самую веру, которую содержали и проповедовали апостолы, и в ней непрерывно от апостолов сохраняются дары Св. Духа чрез преемственное священное рукоположение.

Десятый член Символа веры.

Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ.

Исповѣдую=признаю,—считаю необходимым; едино=одно; во оставление грѣховъ=чтобы получить прощение грехов.

В этом члене говорится, что мы исповедуем, то есть признаем необходимым для всякого человека таинство крещения, чтобы получить прощение грехов, и что это крещение — едино, то есть не повторяется, так что нельзя крестить одного и того же человека в другой раз.

Вопр. Не должно ли в 10 члене под Крещением подразумевать и прочие церковные таинства?

Отв. Хотя в этом члене говорится только о таинстве Крещения, но при этом подразумеваются и прочие таинства; потому что если мы принимаем Крещение, чрез которое вступаем в православную Церковь и делаемся ее членами, то, само собою разумеется, должны признавать также и все прочие церковные таинства.

Вопр. Сколько всех церковных таинств?

Отв. Семь.

Вопр. Какие именно?

Отв. Крещение, Миропомазание, Причащение, Покаяние, Священство, Брак и Елеосвящение.

Вопр. Почему все эти священные действия называются *таинствами*?

Отв. Потому что в них *тайно*, или, что то же, *невидимо* действует благодать, то есть спасительная сила Божия.

Вопр. В чем состоит Крещение?

Отв. В том, что верующий, при трехкратном погружении тела в воду с произнесением слов: «*во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*», умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. При этом младенцев крестят по вере родителей и восприемников, которые, сверх того, обязаны научить их вере, когда крещенные будут приходить в возраст.

Вопр. Почему Крещение не повторяется?

Отв. Крещение есть духовное рождение, а родится человек однажды, потому и крестится однажды.

Вопр. Зачем при Крещении бывают восприемники, то есть крестный отец и крестная мать?

Отв. Затем, чтобы поручиться за веру крещаемого, а после крещения заботиться о том, чтобы он жил по-христиански.

Вопр. Для чего полагается на крещаемого крест?

Отв. Для всегдашнего напоминания, что он содержит веру в Иисуса Христа, Который был распят на кресте, и что без этой веры нельзя спастись.

Вопр. В чем состоит Миропомазание?

Отв. В том, что крещенного помазывают святым миром с произнесением слов: «*печать (то есть знак) дара Духа Святаго*», и при этом ему невидимо подаются Богом дары Духа Святого, при помощи которых он возрастает и укрепляется в жизни духовной и делается способным жить вполне по-христиански.

Вопр. Что есть Причащение?

Отв. Причащение есть таинство, в котором верующий под видом хлеба вкушает тела Христова, а под видом вина вкушает крови Христовой.

Вопр. Кем установлено это таинство?

Отв. Самим Господом Иисусом Христом.

Вопр. Когда установлено таинство святого Причащения?

Отв. Накануне крестных страданий Иисуса Христа, именно — в Великий четверг.

Вопр. Для чего установлено таинство Причащения?

Отв. Для того, чтобы это таинство напоминало нам о Господе нашем Иисусе Христе, Который для спасения нашего предал тело Свое на распятие и пролил кровь Свою на кресте; а вместе с тем это таинство установлено и для того, чтобы, вкушая тело и кровь Христовы, мы чрез то самое таинственно соединялись со Христом и делались достойными жизни вечной.

Вопр. Как должно готовиться ко святому причащению?

Отв. Постом, молитвою, примирением со всеми и таинством покаяния, или исповедью.

Вопр. В чем состоит *Покаяние*, или исповедь?

Отв. В том, что человек, чувствующий себя грешным пред Богом, сокрушается о своих грехах, желает вперед исправиться, а потом с верою во Христа и с надеждою на Его милосердие исповедует, или, что то же, открывает грехи свои пред священником, а священник, видя его раскаяние, объявляет ему прощение от имени Самого Иисуса Христа.

Вопр. В чем состоит таинство *Священства*?

Отв. В том, что на правильно избранного человека чрез архиерейское рукоположение нисходит благодать Духа Святого, которая освящает его на служение Церкви Христовой. Это таинство совершается только над лицами, избираемыми и посвящаемыми в священнослужители, каковы: диакон, священник и епископ. Посвящаемый во *диакона* получает благодать служить при совершении таинств, посвящаемый во *священника* получает благодать совершать таинства, а посвящаемый во *епископа* получает благодать не только совершать таинства, но и посвящать других для совершения таинств.

Вопр. Какое различие между епископом, священником и диаконом?

Отв. Диакон служит при таинствах, священник совершает богослужение и все таинства, кроме таинства *Священства*, а епископ может, сверх того совершать и таинство *Священства*.

Вопр. Кто дал епископам такую власть?

Отв. Эта власть перешла к ним от апостолов; апостолы же получили ее от Самого Иисуса Христа.

Вопр. В чем состоит таинство *Брака*?

Отв. Оно состоит в том, что жених и невеста, желая жить вместе, в любви и согласии, испрашивают себе на то благословение от Бога, и тогда священник, венчающий их, от имени Самого Бога благословляет их супружеский союз.

Вопр. Как иначе называется *брак*?

Отв. *Свадьбою*, бракосочетанием, или венчанием.

Вопр. Что есть *Елеосвящение*?

Отв. Елеосвящение есть таинство, в котором священник помазывает больного освященным елеем, то есть маслом, и просит Бога, чтобы Он чрез то самое исцелил больного от всех телесных и душевных болезней.

Вопр. Как иначе называется таинство Елеосвящения?

Отв. Оно называется иначе соборованием, потому что для совершения его *собирается* несколько священников, хотя по нужде может совершить его и один священник.

Одиннадцатый член Символа веры.

Чаю воскресенія мертвыхъ.

Чаю=ожидая; воскресенія=оживления.

Здесь говорится о том, что мы *чаем*, или, что то же,— *ожидаем* *воскресения мертвых*; то есть, будет такое время, когда души умерших людей опять соединятся со своими телами, и все умершие люди снова оживут.

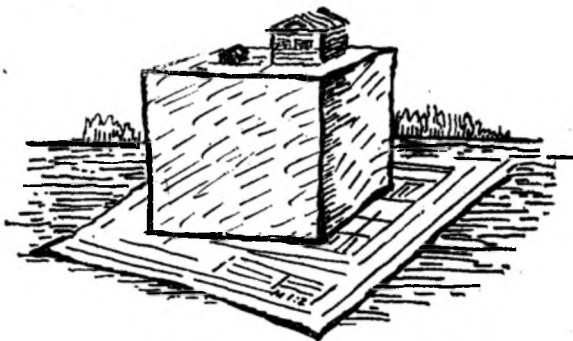
Двенадцатый член Символа веры.

И жизни будущаго вѣка. Аминь.

Здесь говорится, что мы *ожидаем жизни будущаго века*, то есть, что настанет другая, вечная жизнь.

Эта другая, вечная жизнь настанет после воскресения умерших и после всеобщего суда Христова. Для истинно верующих и благочестивых людей она будет радостна и блаженна, а для неверующих и грешников очень мучительна.

Слово «*аминь*», которым оканчивается Символ веры, значит *истинно*, или *действительно так*. Это слово прибавлено к Символу веры для того, чтобы подтвердить, что мы точно так верим, как сказано в Символе веры.

От жезла размерного к мировому масштабу

Р. Н. Хасанова,
кандидат филологических наук

«...Сделай, чтобы было по фасаду девять сажен,— как место выходит, и чтобы было шесть окон, а посередине балкон и дверь.

— Да нельзя тут столько окон,— отвечал Пекторалис.

— Отчего же нельзя?

— Масштаб не позволит.

— Нет, ты не понимаешь, ведь это я буду в деревне строить.

— Все равно, что в городе, что в деревне,— нельзя, масштаб не позволяет.

— Да какой же у нас в деревне масштаб?

— Как какой? Везде масштаб» (Лесков. Железная воля).

Правы ли были герои Лескова, употребляя слово *масштаб*? Давайте вместе проследим историю его появления и функционирования. А может быть, проверим себя.

Слово *масштаб* пришло в русский язык из немецкого еще в начале XVIII века. У известного исследователя Н. А. Смирнова в «Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» как заимствование этого времени приводится термин *масштаб*. В трехязычном словаре Э. Вейсмана можно най-

ти немецкое *maßstab*, и его латинские соответствия *linea*, *canon*, *decempeda*, которые имеют русское значение *маштаб* с пояснением: «правило, мера о десяти футах, жезл землемерительный» (Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1734). Здесь обращает на себя внимание своеобразие орфографии. Интересно заметить, что во втором издании этого словаря приводится словоформа *маштаб*, а книжное слово *жезл* заменено разговорным *кол* (Вейсман Э. Немецкий лексикон с латинским, предложенный на российский язык. СПб., 1782).

Во второй половине XVIII века И. Нордстет включает *маштаб* в «Словарь Российский с немецким и французским переводами» как заголовочное русское слово, чем подчеркивается, что оно уже распространяется в языке. Здесь же фигурирует современное написание.

Это иноязычное заимствование претерпевало изменения в пору вхождения в русский язык и поэтому в самом конце XVIII века «Словарь Академии Российской» (СПб., 1793) дает форму *маштаб*, которым по-старинному называли «жезл размерный». Хотя этот «Словарь» обычно не подавал заимствований и заменял их исконными словами, однако термин *маштаб* в него был введен.

«Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым Отделением Императорской Академии наук» приводит написания *масштаб* и *маштаб* как равноценные, что свидетельствует о процессе фонетической адаптации иноязычного слова, многообразии форм передачи его звукового состава в русском языке.

Относясь к математическим терминам, *масштаб* в 30–40-е годы XIX века выходит за пределы узкоспециального применения. Он получает распространение в публицистической речи и уже в литературе 40–50-х годов становится обычным «научным» синонимом слова *мера* (Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М.—Л., 1965).

Наряду с употребительным в тот период *маштаб* у В. Даля встречается и *мачтаб*. Обе формы трактуются им как равнозначные, т. е. как «мерило, мерник, размерник, мера линейная, принятая для чертежа или иной работы (...) Артлрс. медная линейка, с означением калибра орудий и снарядов, главных мер и пр.» Русские соответствия так и не закрепились в языке (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1989).

Следует отметить, что дальнейшему распространению слова *масштаб* не помешала разнородность его орфографии, а семантическое видоизменение слова *масштаб* стало указывать на размеры явления, события, сочетаясь при этом с определительными сло-

вами. Так, А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» (1928 г.) отмечает эмоциональную насыщенность речи революционного времени, которая отражалась и на большей части сочетаний, употреблявшихся в «переносном значении»: в *мировом масштабе*, в *государственном масштабе*, в *общесоюзном масштабе*, в *губернском, уездном, волостном масштабе*. «Получив распространение в широкой среде, они утрачивали образность, эмоциональную силу и становились «обыкновенными названиями-терминами» (Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928).

Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка» в сочетании в *мировом масштабе* видит «меру», которую выделяет как второе значение слова *масштаб*. А первым он считает терминологическое значение: «Отношение уменьшенных расстояний и размеров на карте и чертеже к действительным».

Распространенным оставалось употребление *масштаба* как термина: *масштаб карты*, *линейка с масштабом*, указывающего на отношение размеров.

Утрата первоначального значения как «жезла размерного», «мерила» способствовала усилению употребления заимствованного слова в языке в несколько измененном значении – размер, размах.

Обозначение *масштабом* отношения размеров приобрело переносное значение и термин стал называть объем, величину явления, события, признака. На усиление функционирования слова в переносном значении повлияла, вероятно, его сочетаемость с различного рода определительными и другими словоформами, вследствие которого у него появились различные смысловые оттенки. Как отмечает Ф. П. Сороколетов, «в определенные отношения со специальными словами и значениями становятся общенародные, бытовые слова и значения, в результате чего возникают новые связи и ассоциации» (История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970).

Выход термина *масштаб* из специальной сферы и широкое его распространение в речи можно отметить во многих художественных произведениях XIX–XX вв. В качестве дальнейшего наблюдения над общеупотребительностью слова *масштаб* можно использовать современную публицистику. Пожалуй, этот жанр в силу своей специфичности содержит богатый материал, анализ которого позволяет пронаблюдать различные тенденции употребления в русском языке рассматриваемого иноязычного заимствования.

Как было замечено, термин *масштаб* приобрел значение указания на размер чего-либо, которое в основном и закрепились в

современном языке: «Предстоит огромная по масштабам работа, и, чтобы успешно справиться с нею, нужен верный курс» (Известия. 1988. № 270); «Как шедевр ландшафтной архитектуры „Ласточкино гнездо“ неотрывно от природного окружения, весь его смысл в сопоставлении масштабов, придающих миниатюрному зданию монументальность, романтичность» (Неделя. 1988. № 37).

От слова *масштаб* образовались и другие производные формы. Еще в первом издании «Толкового словаря» В. Даля встречается у существительного *масштаб* аффикс «-бный, к нему относящийся», т. е. к слову *масштаб*.

Прилагательное *масштабный* также содержит указание на обширные размеры: «На вопрос, какая библиотека самая большая в мире, очень многим из нас, конечно, хотелось бы ответить: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. И как же страдает наш патриотизм, когда мы узнаем, что есть, оказывается, на планете куда более масштабные книгохранилища» (Известия. 1989. № 242).

Производным от *масштабный* является существительное *масштабность*, которое выражает те же вышеперечисленные значения: «(...) далеко не все проблемы в экономической и социальной жизни общества осознавались тогда во всей их трагической глубине и масштабности» (Лит. газета. 1989. № 21).

Усиление семантической нагруженности слова *масштаб*, которое получило наибольшее распространение, достигается порой сочетанием с определениями, также несущими информацию об объеме, величине: *широкий, большой, глобальный* и подобные: «Сейчас здесь в широких масштабах развернулось строительство крупных очистных сооружений» (Известия. 1988. № 265); «Кстати, пасчет перемен. Не будем перечислять их в державном масштабе» (Известия. 1988. № 248); «Понятно, Финляндию объехать намного легче, хотя по европейским масштабам у нее немалая территория» (Известия. 1988. № 223).

Однако со словом *масштаб* возможно сочетание определений и другой семантики: «(...) по размерам территории они вполне соответствовали новым масштабам областного деления» (Известия. 1989. № 235); «(...) последние годы характерны резким замедлением поступательного движения экономики страны, хроническим падением производительности труда, разрушительными масштабами инфляции, небывалым сокращением жизненного уровня, ростом безработицы» (Известия. 1988. № 300); «Не слишком ли накладно иметь такой управленческий аппарат даже при наших масштабах народного хозяйства?» (Известия. 1988. № 331).

Сочетание определительных слов, указывающих на объем,

величину, размах с наименованием *масштаб* выявило частотность сочетания с ним прилагательных *широкий* и *крупный*. Возможно, тенденция частого употребления данных определений с существительным *масштаб* способствовала образованию словоформ *широкомасштабный* и *крупномасштабный*, получивших распространение в речи: «...проблема Байкала давно волнует не только нашу, но и международную общественность. Проходить экспертиза будет в форме широкомасштабной деловой игры» (Известия. 1988. № 227); «За исключением крупномасштабных акций, наши культурные обмены, причем не только с Соединенными Штатами, но и с другими капиталистическими странами, ведутся на коммерческой основе» (Неделя. 1988. № 37).

Тяготеют к ним по значению словоформы, образованные при помощи *полно-* и *все-*, например: «Поступили предложения о закупке лицензий на производство наших трансплантов. Мы считаем, однако, что было бы гораздо выгоднее создать полномасштабное собственное производство с экспортом продукции» (Аргументы и факты. 1988. № 33); «Сегодня ситуация иная. В стране царит всемасштабное духовное возрождение» (Аргументы и факты. 1988. № 37).

Распространено употребление и краткой формы слова — наречия *масштабно* — «с большим охватом, размахом»: «Перестройка призвала нас к развитию способности масштабно и критически думать, анализировать, искать, сопоставлять...» (Лит. газета. 1988. № 50).

Как видим, тенденция распространения слова *масштаб* в переносном значении получила развитие в его различных производных — прилагательном, наречии. На основе употребления разнообразных грамматических форм термина *масштаб* наблюдается расширение выражаемых им смысловых оттенков.

Таким образом, исследуемый термин, претерпевший за определенный исторический период изменения в собственной орфографии (*маштаб*, *мачтаб*, *мачтап*, *масштаб*), стал весьма распространенным в речи. Иноязычное слово *масштаб* уподобилось законам грамматики русского языка и как следствие этого имеет различные формы, обнаруживает словообразовательные и синтаксические возможности.

Самарканд

«Камки и аксамиты с золотом»

Н. А. Титаренко

В русских письменных источниках XV века часто встречаются названия тканей, которые неизвестны современному читателю: «В Бедери же торг на кони, да на товарь, да камкы...» (Хождение за три моря, Троицкий список); «В том же граде делают камки и аксамиты с золотом» (Хождение во Флоренцию). Последний памятник, созданный не позднее 1439 года, дает нам повод утверждать, что древнерусское название шелковой узорчатой ткани *камка* появляется в русских письменных источниках уже в XV веке.

А вот что писал русский историк Н. И. Костомаров о *камке*: «Эта шелковая материя была самая употребительная в старину и отличалась вообще плотностью и толщиной; чем толще камка, тем была ценнее. Почти всегда была узорчатая: чем больше узор, тем ценнее была материя. Узоры изображали листья, деревья, травы, реки, горы и т. п. Вообще средним выводом камка была в полтора раза дороже сукна и немного не вдвое дешевле бархата» (Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. СПб., 1862).

О происхождении этого слова существуют разные предположения, так, И. Г. Добродомов считает источником слова *камка* китайский язык, об этом же свидетельствуют и данные этногра-

фов: «древнейшие сорта камки, дошедшие до нас на различных памятниках, принадлежат Китаю» (Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. Изд. Оружейной палаты. М., 1925).

Китайское по происхождению слово *камка* могло перейти в русский язык через персидский и тюркские; оно распространилось в русском языке в форме *камка*, хотя существовал дублет *канфа* (Добродомов И. Г. К этимологии обско-угорского названия шелка // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1978. № 1).

В русских говорах Приазовья в районе города Мелитополя слово *камка* употребляется в значении «шелковистая морская трава», а также в словаре В. И. Даля зафиксировано значение — «род мха», характерное для причерноморских районов (Толковый словарь живого великорусского языка).

Наряду с ранним заимствованием из греческого *аксамитъ* (плотный узорчатый бархат) и восточным *камка* в русском языке XV века отмечаем еще одно название шелка — *шида*, встречающееся в «Хождении» Афанасия Никитина в форме прилагательного *шидянь*: «А Махтоум сидит на Кровати на золотой, да над ним теремъ шидянь с маковицею золотою».

Слова *шида* и *шидянь* встречаются, по данным исследователей, в русских памятниках начиная с XV века, так, у Афанасия Никитина оно фиксируется не позднее 1472 года.

О распространенности слова *шида* и его производного *шидянь* можно судить по письменным памятникам разных жанров: путешествий, сказаний, деловой письменности.

Слово *шелкъ* (шолкъ), встречается в памятниках письменности уже с начала XIII века: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являетъ; тако и ты, княже, многими людьми честенъ и славенъ по всъмъ странамъ» (Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу (нач. XIII в.). Изборник. М., 1969).

В «Хождении за три моря» встречаем слово *шелкъ*, употребленное как наименование предмета торговли — ткани: «...торгъ на кони, да на товаръ, да камкы, на шолкъ и на всякой иной товаръ».

Отметим, однако, что не всегда названия тканей выступают как наименования предметов купли-продажи. Как Неизвестный суздалец, так и Афанасий Никитин проявляют интерес к занятиям, ремеслу населения посещаемых ими городов.

В «Хождении во Флоренцию» автор сообщает, например, о производстве шелка: «В том же граде видехом черви шелковыя да и то видехом, как шолк той емлютъ с них...» В другом месте он сообщает о занятиях монахов: «Старцев же в нем [монастыре —

Н. Т.] 40 ... рукоделие же их таково: шьют златом и шолком на плащаницах святыи...»

В последних двух примерах слово *шелк* употреблено в значениях: 1 — волокно, вырабатываемое шелкопрядом, и 2 — нити шелка соответственно.

В одном случае *шелк* — название ткани, в другом — волокон или шелковых нитей, но во всех случаях проявляется интерес к товару, которого нет на Руси и который является предметом ввоза. У Н. И. Костомарова в «Очерках торговли Московского государства» можно найти интересную деталь, что шелк был исключительно достоянием казны, которая выменивала его у персиян: пуд казне обходился в 30 рублей, а перепродавался за 45 руб.; сученый шелк привозили не из Персии, а из Европы.

Именно с решением вопроса о том, откуда начал ввозиться шелк на Русь, некоторые историки-лексикологи связывают проблему происхождения слова *шелк*, так как шелк ввозили в древнюю Русь, главным образом, с Востока, откуда вероятнее всего и восточное происхождение слова.

Но если говорить о культурных причинах заимствования, то не следует игнорировать и теснейших связей древних славян с западной частью Малой Азии, где в VII—VIII веках район Никеи был важнейшим районом разведения тутового дерева и культуры шелкопряда.

Известное уже около двух веков (судя по памятникам письменности), а в устной речи, возможно, и дольше, слово *шелк* в XV веке употребляется как вполне освоенное. Однако, как показывают исследования, в этот период еще продолжалась борьба лексем *шида* — *шелк*, это явление отмечено не только нами в «Хождении», но также и в памятниках деловой письменности Московского государства. Позднее, в памятниках XVI—XVII веков, термин *шида* уже не встречается (Бахмутова Е. К. Иранские элементы).

Исчезновение слова *шида* из русской лексики объясняется, на наш взгляд, дублетными отношениями, сложившимися у слов *шелк* и *шида* в XIV—XV вв., это говорит о том, что язык не допускает излишеств. Слово *шида* оказалось в известном смысле лишним, поэтому победил его дублет *шелк*.

Если слово *шелк* было в XV веке достаточно широко освоенным и имело производные, то наименование ткани *киндакъ* (*канъ-дакъ*), вероятно, настолько было малоизвестным, что переписчики «Хождения за три моря» испытывали трудности при воспроизведении этого слова «...а товаръ в нем все дѣлають алачи да пестреди, да киндяки,» (в Троицком: *канъдаки*).

В Эттеровом списке вместо *киндяки* записано *киндяди*. А Троицкий список как наиболее ранний, отразил форму *каньдаки* с гласным *а*, в таком случае вариант *киндякъ* можно считать более поздним этапом в развитии фонетики и орфографии данного слова, поскольку он зафиксирован в более поздней редакции — в Летописной редакции Эттерова списка; и в самом позднем — Списке Ундольского (XVII в.) отражена форма с *и* после *к*.

Думается, что неслучайно Афанасий Никитин упоминает *киндяки* в одном ряду с «алачи да пестреди». *Пестряди* (*пестреди*) из пеньки были широко распространены на Руси с глубокой древности. Афанасий Никитин как купец, должно быть, хорошо разбирался в тканях, в их производстве и назначении. Хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения была ему известна на Руси, и для ее наименования он употребил привычное русское слово, но хлопчатобумажная ткань *киндякъ*, вероятно, чем-то отличалась от *пестряди*, для ее наименования Афанасий Никитин использовал другое слово, определить происхождение которого оказалось затруднительным.

По мнению известного русского востоковеда-индолога И. П. Минаева, *кандакча* (или *киндяк*) — «бумажная набойчатая ткань, в древней Руси употреблявшаяся на подкладку одежды...», на тамильском *киндак* «род бумажной ткани» (Минаев И. П. Старая Индия, СПб., 1881).

Может быть, эта особенность ткани привлекла внимание купца, и он не назвал ее привычным словом *пестрядь* (она была не так выткана, не привычным на Руси полотняным переплетением), а в отличие от *пестряди* назвал эту ткань *киндякъ*, со слуха записав ее название в свой дневник. Кстати *киндяки* отличались от других тканей не только переплетением нитей, но и характерными для них цветовыми тональностями. Если, например, кумачи были вишневыми, красными, зелеными (то есть имели окраску ярких тонов), то *киндяки* были голубыми и таусинными (от персид. *tausî* — павлиний, т. е. темно-синий с вишневым отливом), «синеvато-зелеными, синеvато-лиловыми, светло-зелеными, темно-зелеными, осиновыми» (Коткова Н. С. Кумач // Русская речь. 1975. № 5).

Существует также и сближение слова *киндякъ* с перс. *гундаки* (грубая шерстяная ткань), что окончательно не решает вопроса.

Привлекая данные этнографии, можно вполне определенно говорить о *киндяке* как о бумажной ткани. В историческом музее на подкладке одной пелены сохранился киндяк кирпичного цвета (1701 г.); результаты исследования ткани показали, что она

чисто бумажная: окраска свидетельствует о том, что ткань окрашена после снятия со станка. *Киндяк*, окрашенный в красный цвет, называли иногда кумачом. *Киндяки* встречались только одноцветные, без узоров.

Неслучайным является употребление слова *алача* в одном ряду с синонимом *пестреда*: «... а товаръ в немъ все делаютъ алачи, да пестреди».

Алача (*аладжа*) большинством исследователей объясняется как «полосатая шелковая или полупелюковая ткань»; происхождение слова связывается либо с тур., азерб. *aladža* «пестрая персидская бязь», либо с тат., кирг. *alaša* «полосатая ткань» из Средней Азии (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка).

Это слово относится к числу тех, которые заимствовались русским языком неоднократно, и, возможно, не из одного, а из нескольких источников.

Рассмотренные здесь заимствованные слова — наименования тканей — различны по источникам заимствования: *аксамит* и *шида* являются западноевропейскими, а *камка*, *киндяк*, *шелк* и *алача* — восточными, причем для последних передающей средой были тюркские языки. По времени заимствования данная лексика также неоднородна: *аксамит* относится к числу унаследованных древнейших заимствований, фиксация этого слова документируется началом XII века, слово *шелк* известно с начала XIII века, а *шида*, *алача*, *камка* и *киндяк* отражены в памятниках письменности начиная с XV века.

Заимствованные слова этой группы, за исключением слова *шида*, дополнили словарный состав русского языка наименованиями тканей, которые в XV веке были предметом ввоза на Русь и поэтому именовались терминами иноязычного происхождения.

П. В. Веселов. СОВРЕМЕННОЕ ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Скромный каталог, посвященный официально-деловой коммуникации, пополнился книгой П. В. Веселова «Современное деловое письмо в промышленности», вышедшей в 1990-м году в издательстве стандартов.

Книга предлагает способы повышения эффективности делового письменного общения, организации продуктивного контакта в разнообразных ситуациях. Достоинство и удобство этого издания в том, что оно в своей прикладной части содержит практические примеры формы делового письма и предметно-логического его содержания, а также необходимые рекомендации. Такой принцип подачи материала разрушает устоявшиеся механизмы создания текста служебного письма, основанные на канцелярите и других типичных ошибках в языке и стиле деловой корреспонденции.

Целевая установка книги — эффективная языковая организация письмопроизводства в промышленности — органично реализуется в широком общекультурном контексте. В главе «Отечественные традиции в практике составления официальных писем» историографически отражены коренные изменения, которые происходили в сфере деловых письменных контактов в России со времен «седой древности».

В конце книги приводится «Краткий словарь делового человека», в котором собраны важнейшие определения и понятия, владение которыми необходимо в сфере управления, например: *аккредитив, акт, документооборот, инициативный документ, консервация документа, нормативы, поисковые данные документа, регистрационная карточка, справочно-информационный фонд, табуляграмма, факсимиле, языковая формула* и другие единицы документальной лингвистики.

Книга П. В. Веселова «Современное деловое письмо в промышленности» принципиально и выгодно отличается от многих работ, претендующих на роль руководств в области делового общения. В ней учтен весьма существенный фактор: специфика деловой переписки складывается из типичных ситуаций, которые дополняются соответствующими клише. Деловое письмо, как правило, имеет определенную цель — информирование, аргументирование, выражение мнения, просьбу, напоминание и т. п. Для каждого вида письма предлагается набор готовых речевых формул, приводятся образцы писем-просьб, подтверждений, напоминаний, извещений, приглашений, запросов, а также писем сопроводительных, договорных, информационных, циркулярных, гарантийных, коммерческих.

Перечисленные особенности книги П. В. Веселова делают ее не просто обучающим пособием, но и пособием практическим, помогающим корректно и оперативно построить текст делового письма.

О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук ©

А. А. Брагина. ИСТОРИЯ СЛОВ В ЖИЗНИ НАРОДА

Книга «История слов в жизни народа», выпущенная издательством «Русский язык» в 1989 г., несомненно, полезна в постижении русского языка и русской культуры не только для варубежных учащихся, для которых она предназначена, но и тех, кто живет в республиках нашей многонациональной страны, и, совершенствуя свою родную речь, стремится более глубоко познать и русскую.

Слово в пособии — не изолированная единица языка. Оно показано «в действии», в неразрывной связи с жизнью и историей народа. В книге много заданий, связанных с метафорическим осмыслением слова, его сочетаемостью, ситуативным употреблением. Для книги А. А. Брагиной характерен особый настрой, чему способствует манера изложения — задушевная беседа автора с читателями. При этом книга хорошо иллюстрирована: рисунки, цветные фотоснимки (они особенно необходимы там, где представлена этнографическая лексика, например, снимки берестяных изделий), тематически подобранные репродукции картин А. Г. Венецианова, И. И. Левитана, И. И. Шишкина, А. И. Куинджи, К. А. Коровина и других русских художников.

Расширению кругозора студентов, несомненно, будет способствовать и обращение к именам замечательных композиторов — П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, Г. Свиридова и др. В книге имеется и необычная рубрика «Из рецептов моей бабушки», где даны рецепты русских кушаний, пирогов, лакомств и т. п. «Освоение» этого материала, по замыслу автора, сопровождается усвоением не только необходимой тематически обусловленной лексики, но и некоторых грамматических форм.

Неизменный интерес у студентов вызывает описание русских обычаев, народных праздников и других этнографических реалий, что позволяет находить как специфическое, так и что-то общее в жизни разных народов.

Книга «История слов в жизни народа» может быть использована и как тематический лингвоэтнографический справочник. Вдумчивый читатель сможет ощутить силу слов, несущих, по выражению К. Паустовского, «бездну живых образов», — силу, которая еще недостаточно оценена в нашей педагогике.

Е. Н. Ершова,
доктор педагогических наук ©
Ашхабад

О Фоке, Сладком, Рюхине и других

С интересом прочитала в третьем номере «Русской речи» статью О. А. Подгаец «Бездомный, Латунский, Рюхин и другие», в которой анализируются собственные имена московских литераторов — персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Согласна со многими наблюдениями, догадками и интерпретациями автора статьи. Но хотелось бы внести некоторые дополнения и уточнения.

Прежде всего об имени Фока в связи с «гастрономической» семантикой. Следует вспомнить не только римских епископов, но и героев крыловской басни «Демьянова уха», в которой сосед Демьян так потчевал соседа Фоку, что после трех тарелок ухи с него «катился градом пот», и он бежал «скорей без памяти домой — и с той поры к Демьяну ни ногой».

Далее по поводу пяти «говорящих» фамилий, расположенных по принципу усиления сатирического звучания: Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк. Не думаю, что Шпичкин звучит более сатирически, чем Павианов. По-моему, перед нами насмешливое обыгрывание писательских псевдонимов первых десятилетий XX века: М. Горький, Беспощадный, Голодный, Кроткий, Зазубрин, Д. Бедный, Антон Припелец, Аделина Адалис, Черубина де Габриак и им подобные.

Что касается поэта Рюхина, которого Бездомный называет Сашкой-бездарностью, то это скорее всего собирательный образ, как Латунский (Луначарский—Литовский—Орлинский), имеющий несколько прототипов: не только А. Безыменского (о чем говорится в статье), но и А. Жарова — во-первых, тоже Александр и фамилия по звуковому и слоговому составу ближе; во-вторых, родился в деревне и в крестьянской семье (у Булгакова: «типичный кулачок по своей психологии»); в-третьих, написал «Взвейтесь кострами, синие ночи» — песню, ставшую пионерским гимном (у Булгакова упоминаются призывы «Взвейтес! да «раз-

вейтесь!»). Возможен намек и еще па одного комсомольского поэта — И. Уткина (аналогичный суффикс *-ин*), тем более, что в 1928 году они все трое ездили за границу, о чем «невыездной» М. Булгаков мог только мечтать. Думается, что не стоит отвергать и параллель Рюхин — Маяковский, предложенную Б. Гаспаровым, так как булгаковские персонажи несут в себе черты многих реальных людей — и, конечно, в трансформированном, а порой неузнаваемом виде.

Таковы некоторые соображения, с которыми мне хотелось бы поделиться. Но все это лишь «пометы на полях» в целом безусловно интересной и заслуживающей внимания статьи.

*Л. Л. Бельская,
доктор филологических наук
Алма-Ата*

И еще раз о склоняемости слова ГОСТ

После публикации статьи о склоняемости слова *ГОСТ* (Русская речь. 1991. № 1) пришло письмо читателя Ю. А. Дегтярева из Ташкента. Он сообщает, что: 1) «под сочетанием четырех букв» (ГОСТ) «гуманитарии всегда (или почти всегда) имеют в виду именно слово, именно аббревиатуру, „технари“ же в этом сочетании в зависимости от контекста видят то слово (аббревиатуру), то индекс, серию, буквенную часть условного обозначения чего-либо в смешанной буквенно-цифровой системе кодирования», и в этом случае ГОСТ не склоняют; 2) Госстандарт, закрепив за сочетанием букв (ГОСТ) роль индекса, запретил использование этого индекса в текстах нормативно-технических документов без его цифровой части; 3) «подобные буквенные индексы имеются во множестве смешанных систем кодификации различных явлений и предметов. Например, марки оборудования и машин: хлопкоуборочная машина СХМ 48, автомобиль ГАЗ-53, са-

молет Ил-16, токарный станок ДИП-500 и др... Буквенные части этих обозначений... в целом имеют тот же смысл, что и серии облигаций, казначейских билетов, паспортов».

Однако, во-первых, слово *ГОСТ* возникло как обозначение некой совокупности правил, требований, норм (технических, технологических, терминологических). В результате метонимического переноса появилось второе, переносное значение этого слова: «печатный документ, содержащий эти правила, нормы».

Во-вторых, некорректно приравнять *ГОСТ* (как название вида нормативного документа) к маркам машин, оборудован ч, к указанию серий паспортов, облигаций, казначейских билетов. Если уж сравнивать, то с названиями видов машин, оборудования, документов: *глобоуборочная машина, автомобиль, самолет, танк, токарный станок, паспорт* (ср. на самолете Ил-16, на танке Т-34, на токарном станке ДИП-500, с паспортом серии МЮ-XXVI № 443678). Историки вспоминают о приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а мы сегодня читаем о *постановлении* Совета Министров СССР № 608.

ГОСТ — название вида нормативного документа (ср. *инструкция, циркулярное письмо* и т. п.), а не индекс.

В-третьих, слово суверенно. Никому не дано в приказном порядке объявить его лишенным смысла, десемантизировать. «Сие от него не зависит».

Эр. Хан-Пира

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1991 году

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Исаев М. И. Закон принят. Что дальше?	1
Кременцов Л. П. Чему равно слово	4
Судаков Г. В. Русский язык – святыня Отечества	2

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авикин А. Е. «Незнакомка» А. Блока и «Баллада» И. Аппен- ского	5
Авикин А. Е. О литературных истоках «детских» мотивов в поэзии Анны Ахматовой	1
Бабаев Э. Г. Надпись на книге, или Незвестная эпиграмма Анны Ахматовой	5
Бабаев Э. Г. «Преднамеренная опечатка»	3
Вельская Л. Л. Цитата или «цикада»?	1
Бровар В. В. «А бедный конь руками машет...»	2
Вацуро В. Э. Из записок филолога. Бунин или Бакунина?	5
Грановская Л. М. Лексика времен гражданской войны	6
Дудина Л. Н. Образ красоты в повести И. С. Шмелева «Бо- гомолье»	4
Зражевский А. А. О литературных псевдонимах В. И. Даля	6
Иванов П. И. «Милей родного брата...»	4
Иванова Т. А. Валет червонный и бубновый	5
Козлова В. Л. Сибирские <i>дубравы</i> в поэзии К. Ф. Рыльева	6
Майорова О. Е. Два письма Н. С. Лескова	1
Махов А. Е. «Магический кристалл» А. С. Пушкина и «Вол- шебный хрусталец» Н. М. Конниина	3
Молчанова С. В. Мотивы освобождения в драме Л. Н. Тол- стого «Живой труп»	2
Назарьян Р. Г. Загадочная цитата	6
Пикитина Н. С. Свидетельствует рукопись...	2
Обухова Э. А. Слово и имя в поэзии Осипа Мандельштама	1
Подгаец О. А. Бездомный, Латунский, Рюхин и другие	3
Пономарева Г. М. «В Европу прорубить окно...»	4
Тростников М. В. «Я люблю на бледнеющей шире в переиз- вах растаявший снег...»	4

Фомичев С. А. «Читателя найду в потомстве я»	2
Фризман Л. Г. «Как оступившийся минер...»	3
Харджиев Н. И. Комментарий к поэме «Облако в штанах»	5
Харджиев Н. И. Краткая история «вина кометы»	4
Холодилова Л. Е. Последнее стихотворение Н. А. Некрасова	6

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Вейдле В. Пушкин и Европа	3
Иванов Вяч. Наш язык	1
Осегрин Мих. Язык русской литературы	2
Поэт К. Р.	5
Чуковский К. Переписка с московскими лингвистами	5, 6
Шмелев Ив. Три рассказа и очерк	4

ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения	1
---	---

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

Вахнюк Борис	3
Матвеева Вера	2
Турьянский Владимир	1
Шпаликов Геннадий	4

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Абрамов Н. «Дар слова»	4
Горбачевич К. С. Из словаря синонимов	2
Дмитриева О. Л. Как сокращать слова	2
Еськова Н. А. Надо ли писать <i>каратэ</i> ?	3
Из дискуссии 20-х годов о культуре речи	3-5
Коготкова Т. С. Народно-диалектный прототип современно-го термина	1
Константинова Е. Л. <i>Невозможно</i>	2
Кохтев Н. Н. Беседы о языке рекламы	2-6
Лейчик В. М. Деколонизация, деполитизация	6
Литвиненко А. Н. Воскрешение слова	6
Любошиц С. М. Штампы: мода или необходимость?	2
Немченко В. Н. <i>Ноль</i> и <i>нуль</i> в современной русской речи	6
Регина Л. А. «Спонсируя свою милицию», у меня слетела шляпа...	5
Смирнова Л. Г. Слово в публичной речи	1
Филатов В. А. Где корень в словах <i>зависть</i> и <i>ненависть</i> ?	6
Хан-Пира Э. И. Еще раз о склонении слова <i>ГОСТ</i> , или о ве-домственной морфологии	1
Хан-Пира Э. И. <i>Огосударствление и разгосударствление</i>	6

Хан-Пира Э. И. <i>Подвижка с подпиткой и всплеск с проработкой</i>	3
Чельцова Л. К. Как писать бог или Бог?	4
Шакиржанова Р. Х. Частица не: отрицание или утверждение?	1
Ширяев Е. Н. Что такое культура речи	4-5
Яцюк Т. А. «Терминотворчество» тоталитарного правосудия	3

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Востоков Александр Христофорович	2
Ильинский Григорий Андреевич	2
Карский Евфимий Федорович	1
Поливанов Евгений Дмитриевич	5
Соболевский Алексей Иванович	8

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Селищев А. М. Язык революционной эпохи	1
--	---

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Анашкина Н. В. Литератор-вольнодумец Иван Андреевич Хворостинин	3
Барандеев А. В. Русские космографии XVI-XVII веков	1
Воротников Ю. Л. Флорилегии	3
Врубель И. Н. «Всему начало положено Карамзиным...»	6
Городилова Л. М. Енисейская товарная роспись	1
Городилова Л. М. Книги Енисейского острога	6
Кожевников В. А. «Принесите Господеву славу имени Его...»	6
Объяснение Символа веры, молитв и заповедей	2-6
Сергеева Т. В. «Дыски безъ кнѣса» в «Слове о полку Игореве»	2
Симонов Р. А. «Вторая грамотность» Древней Руси	6
Смирнов А. Ф. Кто же автор эпиграмм на Карамзина?	6
Судаков Г. В. Старая женская одежда и ее наименования	1
Трубачев О. Н. В поисках единства. «А кто там идет?» (Взгляд на этногенез белорусов)	3-5

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Герд А. С. Советы диалектолога	5
--	---

ОНОМАСТИКА

Суперанская А. В. Как Вас зовут?	1-5
--	-----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Азбелев С. Н. Грозный царь Иван Васильевич	5
Владимирцев В. П. Ф. М. Достоевский и народная песня	5
Галахов В. К. «Я матаню полюбил...»	8

Дубровина С. Ю. «Горькая осина...»	3
Коршунков В. А. «На головушку сели!»	1

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Бушаков В. А. Почему Боспор стал Керчью?	1
Галкин Г. А., Нерознак В. П. Астрахань	4
Моисеев А. И. Усть+Юг=Устюг	5
Отин Е. С. Усёрд	1
Отин Е. С. Харьков	2

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Голанова Е. И. Открытое письмо и открытка	3
Горячева Т. В. «И дольней лозы прозябанье»	3
Добродомов И. Г. Еще раз о <i>бузюкиной матери</i>	2
Зеленин Г. Л. Обомшелый бурш	4
Зеленин Г. Л. О старом «новом серебре»	1
Корнилаева И. А. Эмигрантка Фальбала и другие	4
Мокиенко В. М. Зачем стреляют в старых воробьев?	5
Наумов О. П. Девятый вал	3
Носкова З. А. «И флёр от шляпы отвернув...»	2
Титаренко Н. А. «Камки и аксамиты с золотом»	6
Топорков А. Л. «Чур меня!»	1
Хасанова Р. Н. От <i>жезла</i> <i>размерного</i> к <i>мировому масштабу</i>	6
Шварцкопф Б. С. Серый кардинал	4
Шунейко А. А. Сорок бочек арестантов	5
Шустов А. Н. Госпиталь для гостей	5
Шустов А. Н. Кофейный дом	2

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Степанченко И. И. Запятая перед союзом «и»	3
--	---

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Зеленин А. В. Ракет и ракетиры	4
--	---

СРЕДИ КНИГ

Брагина А. А. История слов в жизни народа	6
Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь	4
Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности	6
Горбачевич Кирилл. Русский язык. Прошое. Настоящее. Будущее	5
Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого	4
Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика	3

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Подчасов А. С. Первая советская магистратура	1
--	---

ХРОНИКА

Авангард в отечественной культуре	2
Проблемы языковых контактов	5
«Родной язык и национальная культура»	4
«Язык мой — друг мой»	2

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Еськова Н. А. Лингвистические задачи	4
--	---

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Вельская Л. Л. О Фоке, Сладком, Рюхине и других	6
Горбаневский М. В. Самиздат	3
Карпенко Ю. А., Андреев Е. Ю. Что такое СИЗИФ?	3
Козловская Т. Л. «Слова звенят звоночками, то ечками, то очками»	5
Письмо читателя	5
Сергеев В. Н. Новое ли слово <i>судьбоносный</i> ?	2
Трубина О. Б. «Митьки» и «ништяки»	5
Урумов М. М. Высокая трибуна обязывает	2
Хан-Пира Э. И. И еще раз о склоняемости слова <i>ГОСТ</i>	6
Швалюк Д. А. Старое слово с новым значением	3
КРОССВОРД	2
АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ	2

От редакции

В заметке Н. И. Харджиева «Краткая история „вина кометы“» (Русская речь. 1991. № 4. С. 8) после третьего абзаца следует читать:

«Дело в том, что виноград урожая 1811 года отличался необычайно высоким качеством. Поэтому бутылка „La Comète“ стоила довольно дорого».

Номер оформили художники: Н. Беланов, В. Леонов, М. Мордвинова, Е. Чуканова ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА, В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ, Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ, И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ, Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Сдано в набор 18.04.91

Подписано к печати 25.09.91

Формат бумаги 84×108/32

Бумага типографская № 2

Печать высокая. Усл. печ. л. 9,6

Усл. кр.-отт. 191,4 тыс.

Уч. изд. л. 8,7 Бум. л. 2

Тираж 29130

Заказ 1844 Цена 75 к.

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

В. А. Леонов

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер. 6